

А.С. Добров

**305-Я СТРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ
1-го ФОРМИРОВАНИЯ
В БОЯХ ПОД НОВГОРОДОМ:
1941-1942**

*Издание второе,
переработанное и дополненное*

Великий Новгород, 2011

63.3(2Рос-4Нов)622

Д 56

Добров А. С.

**Д 56 305-я стрелковая дивизия 1-го формирования
в боях под Новгородом: 1941-1942.**

Редактор-составитель Демидов В.В.

Великий Новгород, ООО «Типография «Виконт»,

2011 – 220 с., ил.

*Воспоминания ветерана Великой Отечественной войны,
участника боёв 305-й стрелковой дивизии в качестве командира
артиллерийской батареи на Северо-Западном и Волховском
фронтах, дополненные воспоминаниями его сослуживцев, а
также стихотворениями и песнями, посвящёнными дивизии.*

63.3(2Рос-4Нов)622

© Демидов В. В., Великий Новгород, 2011

© Добров А.С., Екатеринбург, 2004

Добров Александр Семёнович
(1923-2010).

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Основной источник данных воспоминаний – моя память, которую я освежил, читая литературу о Любанской операции. Восстановились в памяти события тех лет благодаря также встречам с ветеранами 305-й стрелковой дивизии в городах Дмитрове Московской области и Новгороде, посещению мест боёв, включая Большое и Малое Замощья Новгородского района, где в 1941-1942 годах происходили те бои, беседам с их свидетелями, переписке с однополчанами.

И всё же претендовать на документальную точность описываемых событий, дат и отдельных фамилий я не могу. Хотя в целом основные этапы боёв нашей дивизии освещены, как мне кажется, верно.

*2004 г.,
г. Екатеринбург.*

ОТ РЕДАКТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ

Эта книга – не история героической 305-й стрелковой дивизии 1-го формирования. Её «биография» ещё ждёт своего автора.

Эта книга рассказывает, во-первых, о том, как на протяжении первого года Великой Отечественной войны видел «изнутри» это воинское соединение бывший командир 5-й батареи 830-го артиллерийского полка 305-й стрелковой дивизии, бывший старший лейтенант Александр Добров. Во-вторых, ему помогают в этом, каждый по-своему, его однополчане, служившие в других подразделениях дивизии.

Основная и наиболее драматическая часть истории этой дивизии, входившей в состав 52-й армии, связана с судьбой 2-й Ударной армии на протяжении первых пяти месяцев 1942 года.

7 июля 2010 года в Екатеринбурге на 88-м году жизни скончался один из героев Великой Отечественной войны, последний однополчанин моего отца по 305-й стрелковой дивизии 1-го формирования, подполковник в отставке Александр Семёнович Добров. За два месяца до смерти он прислал нотариально заверенное Свидетельство о том, что поручает мне переиздать его книгу «Бои под Новгородом: 1941-1942». Первое издание книги было осуществлено в 2005 году при финансовой поддержке Уральской государственной юридической академии (Екатеринбург), в которой покойный проработал много лет.

Просмотрев давно прочитанную книгу, я решил, что изменю, во-первых, её заглавие, так как оно, вследствие своей неопределённости, не отражает личного участия автора и 305-й стрелковой дивизии в целом в описанных событиях. Во-вторых, пришлось выбросить последнюю главу, «Прощай, армия. Что дальше? Учёба и работа (1946-1989)», как не имеющую отношения к войне. В-третьих, во втором издании книги не будет неактуальной главы «О генерале Власове», в которой Александр Семёнович изложил давным-давно и хорошо известные материалы. К тому же, повышенное внимание к имени генерала-предателя, никак не связанного с 305-й стрелковой дивизией, оскорбительно для героев самого тяжёлого для Родины периода войны.

Все эти изменения я успел обговорить с автором при его жизни и получил его согласие.

Освободившееся в книге место я занял (в Приложении) воспоминаниями бывшего командира пулемётного взвода, затем политрука пулемётной роты 1-го батальона 1004-го стрелкового полка П.В. Ершова «От Сталинграда до Шевелёво» и воспоминаниями бывшего политрука пулемётной роты, затем комиссара 1000-го стрелкового полка, полковника в отставке В.А. Павлова «На пути врага». Разумеется, авторам этих воспоминаний не удалось избежать совпадений, что естественно для сослуживцев, писавших об одном и том же порознь и в разное время. Поэтому мне пришлось подвергнуть тексты обоих значительным сокращениям.

Кроме этого, я счёл себя обязанным поместить в книгу свои статьи «Об отце» и «Нас оставалось только трое...». Последняя была опубликована в 13-м и 14-м номерах газеты «Новгород» за 1995 год и представляет собой весьма сжатое изложение истории 305-й стрелковой дивизии 1-го формирования.

Плохое качество немногочисленных фотографий, включённых в первое издание книги, побудило меня разыскать и поместить в настоящем издании два десятка фото довоенного, военного и послевоенного времени.

Особенностью второго издания книги является включение в неё стихотворения «Моим однополчанам» В.М. Потулова, а также песен «Сердце отца», «Мы пройдем, товарищи!» и «Солдатские осины», созданных мной. Две последние были сочинены по просьбе ветеранов дивизии. Оба произведения включены в мою статью «Песни о 305-й».

Следующая проблема книги связана с литературной стороной. К сожалению, многие участники войны, обладавшие бесценной информацией, не могли донести её до читателей во всей полноте. Причиной этого было то, что подавляющему большинству воевавших и затем восстанавливавших страну более привычными были оружие и рабочие инструменты, чем писательское перо. Поэтому и я, как многие другие до меня в аналогичной ситуации, столкнулся с необходимостью редактирования предложенного мне текста.

Отстаивая интересы русского языка и читателей, я, прежде всего, восстановил права буквы «ё», в результате чего многие географические пункты Новгородского района, фамилии, имена и отчества обрели точное написание. С этой же целью я выделил ударные слоги в некоторых географических названиях, обозначив таким образом их произношение, соответствующее новгородским нормам и традициям.

Далее, сохранив все даты, собственные имена и события, я изменил названия глав. Для облегчения восприятия содержания пришлось некоторые главы разделить на более мелкие построения. В ряде случаев я пе-

рестроил предложения, устранил орфографические недочёты, исправил отдельные ошибки (в том числе и по пометкам автора в первом издании книги), иначе распределил абзацы, расшифровал специальные военные аббревиатуры, сделал многочисленные необходимые сноски¹. Действовал я так, исходя из убеждения, что в книгах, предназначенных для людей, не воевавших и не видевших той войны, кроме как на теле- и киноэкранах (а таких подавляющее большинство, и это, в первую очередь, молодёжь), изложение должно быть максимально понятным и доступным.

Не разделяя точку зрения Александра Семёновича на некоторые вырванные из контекста высказывания И.В. Сталина и на критику деятельности руководителя Советского Союза в предвоенное и военное время, я, тем не менее, полагаю, что каждый вправе изложить свои взгляды. То же относится и к цитатам из вовсе не симпатичного мне А.И. Солженицына тем более, что Александр Семёнович для поддержки своей позиции воспроизводит фрагменты из его **художественных** произведений.

Не будучи военным историком, я остро нуждался в квалифицированных советах и помощи сведущих людей. Таковыми для меня оказались новгородский журналист Александр Иванович Орлов и главный редактор областной «Книги памяти» Сергей Фёдорович Витушкин. Обоим приношу мою сердечную признательность.

*В. Демидов
Июнь 2011 г.,
Великий Новгород.*

¹ Авторские сноски оговорены.

**Нет лучшего воспитателя,
чем ПРАВДА о великих событиях,
не красивая легенда,
а именно ПРАВДА,
которая показывает
настоящую цену и значение
ПОБЕДЫ².**

ЗА ГОД ДО ВОЙНЫ

В июне 1940 года я окончил среднюю школу № 1 в городе Ирбите Свердловской области. Всех юношей нашего выпуска, родившихся в 1922 году, призвали в Красную армию. Меня не взяли, так как я родился 5 января 1923 года и призыву подлежал только через год.

В то время в нашем городе был расквартирован артиллерийский полк, и мы не раз видели, что артиллеристы занимаются какими-то подсчётами, прежде чем подать команду для выстрела. Вот мой одноклассник Олег Смирнов и говорит мне:

– Смотри, они что-то считают, у них – математика. Пойдём в артиллерийское училище.

А я, нужно сказать, к математике был далеко не равнодушен. Любовь к ней, не мне одному, привила преподаватель математики и наш классный руководитель с 5-го по 10-й классы Анна Ивановна Заматринская, квалифицированный преподаватель, чуткий, требовательный и справедливый человек.

Через военкомат мы с Олегом получили направления во 2-е Ленинградское Краснознамённое артиллерийское училище. Перед отъездом отец напутствовал меня, сказав, в частности, чтобы я всегда был честным и справедливым, чтобы ни при каких обстоятельствах я не забывал, что служу Родине и народу. Этот его наказ всегда был для меня ориентиром на жизненном пути.

Выдержав конкурсные вступительные экзамены, мы предстали перед строгой медицинской комиссией. Олега забраковали, так как у него заболело ухо. Я собирался вместе с ним уехать домой и хотел забрать документы, но не тут-то было:

– Отставить разговорчики!

² Из письма Б.И. Гаврилова к А.С. Доброву от 10 мая 2003 г.

Так я стал курсантом 121-го классного отделения, командиром которого был лейтенант Орлов – с отличной выправкой строевика, всегда опрятен, подтянут, и этого же требовал от нас. Командирами отделений и их помощниками были курсанты второго года обучения. Это был выпускной курс, ибо училище имело двухгодичный срок обучения.

Командиром нашего отделения был курсант Дубов, сердечный и душевный человек. Он по возрасту был старше нас года на три и всегда следил, чтобы у нас всё было в порядке и впору, но и не давал нам поблажек. Если мы, молодые курсанты, своим неумением доводили его до крайней степени возмущения, то он говорил: «Это что ещё такое? Безобразие какое! Чёрт знает, что такое!». И на этом его разнос заканчивался. Дубов по своему воспитывал у нас, как он говорил, «воинскую находчивость». Так, например, однажды он вызвал меня и сказал:

– Курсант Добров! Сделайте ящик типа посылочного!

И указал размеры. Я ответил:

– Есть сделать ящик! – и повторил размеры. – Разрешите получить инструменты и материал!

Он в ответ:

– Молчать!

И снова повторил слово в слово, какой я должен сделать ящик.

Я опять повторил всё то же самое. Он и на этот раз сказал:

– Молчать!

И в третий раз повторил своё приказание. Я ответил:

– Есть сделать ящик!

Назвал его размеры, а о материале и нужном инструменте не заикнулся. Он сказал:

– Выполняйте!

Я ответил:

– Есть выполнять!

И бегом побежал к магазину военторга, около которого видел целую гору всяких ящичков. Минут через пять-десять я вернулся, подошёл строевым шагом к отделенному командиру и доложил о выполнении его приказа. Он взял ящик, осмотрел его и сказал:

– Можете быть свободны.

Обращение старшего по званию к младшему в училище всегда было только на «вы». Все приказания выполнялись курсантами только бегом, будь ты хоть племянником В.В. Куйбышева³ или сыном рабочего, как курсант Кирсанов.

³ Куйбышев Валериан Владимирович (1888-1935), видный партийный и государственный деятель СССР.

Начальником училища был генерал-майор Броуд⁴. В то время генералов в армии было мало, так как только-только начался переход от старых званий (командир отделения, командир полка, командир корпуса и т. д.) к новым (сержант, полковник, генерал-майор и т. д.). Менялась и форма одежды. Когда генерал-майора Броуда спросили, как он себя чувствует в новой форме, он ответил, что хорошо, только на улице ему изрядно надоедает сопровождающая толпа мальчишек. Для нас, курсантов, генерал Броуд был авторитетнейшим человеком и примером для подражания. Никогда не пройдёт мимо, не поприветствовав отдающего ему честь курсанта. Он был, что называется «военная косточка»: пунктуален, строг и справедлив. Мы во всём старались подражать ему и своим командирам. Именно это сыграло главную роль в воспитании у нас патриотизма и ответственности за судьбу Родины. А вовсе не политкомиссар, который вёл у нас скучные занятия по краткому курсу истории ВКП(б)⁵, на которых мы откровенно спали.

Дисциплина, однако, была жёсткая, особенно в нашей, 2-й, батарее, прозванной в училище «дисциплинарной». Если дежурит наша батарея, то никаких нарушений по училищу не будет. Командиром батареи был старший лейтенант Смирнов.

Много внимания на занятиях уделялось изучению баллистики, материальной части орудий, математики, топографии, немецкого языка, а также, артиллерийской и стрелковой огневых подготовкам, тактике и другим предметам. Так, например, немецкий язык в школе мы изучали с пятого класса средней школы и толком ничего не знали, а в училище уже через три месяца могли, хотя и с трудом, объясниться. Вот так быстро дало свои плоды сочетание убеждения с принуждением, о котором в училище говорили: «Не знаешь – научим, не хочешь – заставим».

Серьёзное внимание уделялось физической подготовке курсантов. Она проходила через обязательную утреннюю физзарядку, выполнение упражнений на различных спортивных снарядах (перекладины, кольца, брусья, конь, козёл и т. д.), усвоение приёмов бокса, борьбы, систематические кроссы с полной выкладкой (порядка 32 килограммов на человека) бегом на 5 километров летом и 10-20 километровые кроссы на лыжах зимой. Но и в процессе плановых занятий по огневой подготовке, тактике, топографии и некоторым другим предметам в их практической части без физической нагрузки никак не обойтись.

⁴ Броуд Яков Исаакович (1900-1942), генерал-майор артиллерии (1940). Погиб во время налёта немецкой авиации при переправе через Дон в районе Нижне-Чирской.

⁵ «История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс», М., 1938.

Обучение курсантов старались проводить в условиях, приближённых к боевым. Этого требовал и опыт недавно завершившейся советско-финской войны (декабрь 1939 – март 1940). Так, зимой 1940-1941 года мы выезжали на тактические занятия в лагерь в районе города Луги Ленинградской области. И хотя мы уже перешли на зимнюю форму одежды, она не отвечала в полной мере условиям холодной погоды: на голове – будёновский шлем, одеты в шинели, а обуты в сапоги. Сапоги были те же самые, что носили и летом, с той лишь разницей, что вместо тонкой летней портянки наматывалась байковая, более тёплая. Однако, испытав первые действия мороза, мы стали надевать на ноги носки, сверху обёртывали их газетами, на газеты наматывали байковые портянки и затем уж надевали сапоги. Ногам стало значительно теплее. Это был первый приобретённый нами опыт. Под гимнастёрку надевали свитеры, а на тело – байковое бельё. На руках у нас были тёплые рукавицы с отделениями для большого и указательного пальцев, чтобы можно было стрелять из винтовки, не снимая рукавиц. Под будёновку надевали подшлемники, закрывавшие всё лицо, с овальным (эллипсоидным) вырезом для глаз с переносицей.

Учились мы также устраивать место для сна и отдыха, опять же применительно к боевой обстановке. Очищали нужную нам площадь от снега, по её середине прорывали проход сантиметров 40 глубиной и такой же ширины, а далее метра по два с половиной справа и слева от прохода – места для нар. Ставили сруб на высоту около двух с половиной метров, прорубали такие двери, чтобы можно было пройти не сгибаясь. Окон не было. Поставили три железные печки, навесили двери, настелили на землю лапник, солому – и жильё готово. Тридцать человек справа и тридцать человек слева и два дневальных, по человеку от взвода. Те, кому места достались у печки, могли с грехом пополам поспать, а остальные дрожали от холода и уснуть не могли. Пришлось установить очерёдность на спальные места у печек. Таким образом, до рассвета все успевали поспать часа по два-три.

Строительство такого жилья в полевых условиях – тоже опыт, но опыт отрицательный. Мы наглядно и физически ощутили его полную непригодность ни для обогрева личного состава, ни для защиты от огня артиллерии противника в условиях военных действий. В таком сооружении могла быть только братская могила.

Утром после горячего завтрака отрабатывалась на морозе тема «Батарея на марше». По равнине прошли без хлопот, а дальше нужно было преодолеть крутой спуск по обледенелой дороге. Отцепили орудия от тракторов. Расчёту из восьми человек 152-миллиметровую пушку-гаубицу весом пять тонн на руках под гору не спустить. Додумались выдолбить

в мёрзлой земле круглые ямы сантиметров 50 глубиной, в них вставить отпиленные от бревна метровые чурки; спустили по ним орудие, которое своими колёсами упёрлось в эти чурки и остановилось. Держит хорошо. Через каждые полтора метра мы долбили такие ямы и ставили в них чурки. На руках постепенно отпускали орудие от чурки к чурке, которые торчали из ям над землёй. Освободившиеся бревёшки-чурки сверху переносили вниз и устанавливали в очередные ямы. И так до самого низа горы. Долго ли, скоро ли, но добрались до ровной дороги. Чурки собрали и сложили на обочине, а ямы засыпали землёй. Теперь можно было подогнать трактора, и батарея пошла по заданному маршруту. Втянулись в лес. Привал. Время обеда. Нам дают «вводную»:

– В нашу кухню прямое попадание снаряда противника! Кухню вместе с нашим обедом разнесло на части!

Тут же выдали нам сухой паёк: сухари ржаные, на двоих гороховый суп-пюре и пачка пшёнки – это каша. Нужно самим приготовить себе обед. Наши командиры – с нами, но советов, как готовить, не дают. Только и сказали:

– Объединяйтесь по два человека, у каждого – котелок. В одном сварите суп, в другом – кашу. На этикетках каждого брикета написано, как это сделать. Костёр разводить из сухостоя.

Каждая пара, набрав хвороста, развела свой костёр. Надо воды, а её нет, но кругом белый чистейший снег. Набираем в котелки снег – и на огонь, натопили воды. Руководствуясь этикетками, сварили и суп, и кашу. Приглашаем своего командира взвода, лейтенанта Орлова, попробовать наш суп и кашу. Он у каждой пары попробовал и похвалил или, напротив, сделал замечания, если у кого-то каша пригорела или слишком закоптилась, и что нужно было предпринять, чтобы этого избежать. Только два курсанта не справились с приготовлением для себя обеда и, обливаясь слезами, плакали и грызли мёрзлые брикеты и сухари. Видимо, в своё время родители не научили их ни готовить пищу, ни разжигать костры, хотя этим нашим однокурсникам, как и большинству из нас, было по 18 лет.

После обеда – снова марш и всевозможные «вводные», для решения которых требовались и смекалка, и серьёзные физические нагрузки. Так продолжалось всю ночь. С утра было приказано занять огневую позицию и провести боевые стрельбы. Измотали нас до такой степени, что мы еле на ногах держались. Но мы не ропщем, учимся. И тут произошёл один курьёзный случай. Один курсант, фамилию которого я не помню, присел на станину орудия и от усталости мгновенно уснул. В это время орудие произвело выстрел, но от грохота и содрогания орудия курсант не проснулся. К спящему подбегает лейтенант Орлов и приказывает ему встать.

Но только после второго или третьего окрика курсант вскочил. Командир взвода его спрашивает:

– Почему спите?

Он отвечает:

– Никак нет, я не спал!

Тогда лейтенант Орлов его спрашивает:

– Мы стреляли?

Курсант отвечает:

– Никак нет! Не стреляли!

Весь взвод дружно захохотал, а лейтенант Орлов ничего не сказал, посчитав, видимо, что смех товарищей – достаточная мера воспитания.

И снова – марш, теперь уже в тёплые казармы. Возвратились с учений под вечер. После сытного горячего ужина все уснули, как убитые, и теперь уже никто нас не тревожил. Вот это была такая учёба, которая давала нам очень многое и нужное как будущим командирам.

Тактические занятия в тёплые по-летнему дни проходили тоже в поле. На них отрабатывались задачи не только артиллерии, но иногда и пехоты. Основное время уходило на решение тактических задач, связанных с действиями артиллерии в наступлении, в обороне, во встречном бою. За день многократно пропотеешь, во рту всё пересохнет, хочется пить. И тут на пути встречается родничок с хрустально чистой струёй воды. Но только подбежишь попить такой желанной водички, как раздаётся «вводная»:

– Родник отравлен, пить нельзя!

Учения продолжаются. После занятия приходим в своё расположение, где есть большая душевая постройка человек на двадцать, но под душ тоже нельзя, пока командиры отделений не проведут разбор занятий и не подведут итоги с оценкой действий каждого курсанта. Тело нещадно чешется, солью пропитаны нательная рубашка и гимнастёрка, терпишь из последних сил. Наконец долгожданная команда:

– Разойдись!

Бегом под душ, на ходу раздеваешься до трусов, по телу проводишь пальцами – под ногтями белая соль. На теле – полосы, свободные от соли. Наконец спасительный душ, и сразу становится легко и приятно, как будто сто пудов с плеч свалилось.

Как-то отрабатывали тему «Стрелковый взвод в наступательном бою». Через некоторое время – «вводная»:

– Командир взвода выбыл из строя.

Лейтенант Орлов ушёл, взвод принял под своё командование старший сержант, а его помощником стал один из курсантов. Появилась авиация «противника» в лице одного самолёта «У-2», который летит на бреющем

полёте. Помощник командира взвода не выдержал и выстрелил по нему из гранатомёта. Через некоторое время прибежали посредники и стали выяснять, кто стрелял. Все дружно ответили, что мы не стреляли. Так своего товарища и не выдали. Оказывается, гранатомёт пробил крыло самолёта, и тот совершил вынужденную посадку. На том дело и кончилось. После такой напряжённейшей учёбы у молодых и физически крепких курсантов в столовой за обедом только ложки «свистели», и сон ребят после отбоя отличался особой крепостью.

Однажды после «мёртвого часа» старшина построил батарею и подал команду:

– По направлению к клубу шагом марш!

Идём и недоумеваем – зачем и почему? Пришли в клуб. В нём среднего роста и лет человек в гражданской одежде попросил нас спеть что-нибудь хором из нашего курсантского репертуара, а сам стал ходить между нами, слушать и, указывая пальцем на очередную «жертву», произносить:

– Выйдите из строя.

Оставшихся невостребованными старшина увёл в казарму. Нам же гражданский человек объяснил, что отныне он будет руководить нашим хором, а мы, оказывается, в свободное от учёбы время будем учиться петь. Началась учёба и, как оказалось, нелёгкая. Наш преподаватель замучает до седьмого пота, а добьётся того, чтобы хор запел так, как он считает правильным. Время учёбы в хоре шло, а старшина батареи, показывая на свою шею, говорил, что вот где сидят у него эти хористы. Ведь хозяйственных работ не убавилось, а нас, хористов, от них освободили. Таким образом, доля работ нехористов существенно возросла. Порой и у нас возникала мысль пополнить их ряды, но тот же старшина обрывал:

– Не смей! Пой, коль приказано!

А когда, что называется, спелись, наш хор стали приглашать на различные выступления. Например, в Эрмитаж в Зимнем дворце, для его сотрудников. Там мы с товарищем выпили в буфете по стакану пива, не зная, что курсантам запрещено пить всё спиртное, в том числе и пиво. На смотре художественной самодеятельности по Ленинградскому военному округу наш хор занял второе место. Мы немножко возгордились.

Однажды нас привели в Театр оперы и балета им. С.М. Кирова (ныне Мариинский), где проходило собрание партийно-хозяйственного актива. На сцене столпились курсанты многих военных училищ и без всяких репетиций «запели молодцы кто в лес, кто по дрова». Наши слушатели – народ вежливый – аплодировали от души. Но нам, уже узнавшим, что такое хорошее хоровое пение, было неловко: мы понимали, что аплодисменты эти незаслуженные. Зато на обратном пути мы шагали отдельным строем

хористов и пели от души. А ленинградцы шли за нами по обе стороны улицы по тротуарам и провожали нас, слушая наши песни, до самых ворот училища, где пение прекратилось. Пока мы шли от ворот до казармы, наши слушатели, оставшиеся на улице, продолжали аплодировать нам, уже не певшим.

Затем начались наши выступления в училище перед военными атташе зарубежных держав – американцами, немцами, японцами и другими, которых мы со сцены хорошо рассмотрели. Они также нас хорошо принимали и внимательно слушали, кроме одного полковника-немца, который никак не реагировал, сидел и смотрел в сторону.

Первый курс нашего училища на период пребывания гостей перевели для занятий в 3-е Ленинградское артиллерийское училище, а второй курс занимался, в основном, строевой подготовкой и немного огневой. Немцы доложили своему фюреру, что подготовка будущих командиров у нас плохая. А это мы как раз и стремились продемонстрировать, чтобы ввести немецких атташе в заблуждение.

Вечерами нам отводились два часа на самоподготовку к занятиям следующего дня. Помнится, заходит как-то в класс во время самоподготовки наш преподаватель по тактике, старший лейтенант Волков, который в тот день дежурил по училищу. Мы все встали, и наш дежурный по классу курсант доложил, что 121-е классное отделение занимается самоподготовкой. Волков поинтересовался, чем именно мы занимаемся. Узнав, что готовимся к занятиям по краткому курсу истории партии, он скомандовал:

– Убрать краткий курс, достать тетради по тактике!

Затем он продиктовал нам несколько задач по тактике, и мы приступили к их решению. А он пояснил, что без краткого курса истории партии мы воевать сможем, а вот без тактики – никогда. Для того времени это было очень смелое заявление, но всё обошлось. Мы же с удовольствием сменили Краткий курс истории ВКП(б), в котором действительно сжато, лозунгообразно излагалась борьба партии по различным вопросам и проблемам без достаточно убедительной экономической аргументации целей этой борьбы.

И вот наступило 22 июня 1941 года, воскресенье. Мы находимся в лагерях близ города Луги Ленинградской области. Как обычно, подъём, физзарядка, завтрак и построение. День начинается безоблачным, солнечным, с утра бодрит прохлада. Идём с удалыми песнями на лужский стадион для спортивных состязаний, к которым заранее готовились. Вот впереди показались ворота стадиона, и в это время нас обгоняет легковая машина – «эмка» начальника нашего училища. Машина остановилась, из неё вышел генерал-майор Брод и о чём-то поговорил с командиром на-

шей колонны. Машина с генералом развернулась и ушла в направлении лагеря, а нам последовала команда: «Правое плечо вперед! Прямо марш!». И мы, не дойдя до стадиона нескольких метров, в недоумении пошли обратно в свой лагерь. Настроение испортилось. Обратный путь шли молча. Когда пришли в расположение палаточного городка, раздалась команда:

– Тревога! Замаскировать палатки!

В 12.00 – новая команда:

– Всем в ленкомнату!

Прибежали в ленинскую комнату. Из репродуктора разносится речь Молотова. Так мы узнали о начале войны.

К вечеру мы стали готовиться к погрузке в эшелоны на станции Луга. 23 июня погрузили орудия, трактора, боеприпасы, кухни, а над нами уже кружили немецкие самолёты-разведчики, прозванные впоследствии за их внешний вид «рамами». Огня по самолётам никто не вёл.

24 июня 1941 года мы прибыли в Эстонию, в действующую армию Северного фронта с задачей уничтожить диверсионные группы противника, забрасываемые в нашу прифронтовую полосу, в основном с самолётов, в районы городов Тапа, Раквере, по побережью Балтийского моря и в других местах. На предполагаемом месте высадки десанта мы рыли щели примерно таких размеров: 60 на 200 сантиметров и глубиной 150, создавая определённые оборонительные рубежи с задачей уничтожения и пленения диверсантов. Грунт был очень тяжёлый: как правило, сверху слой земли в 20-25 сантиметров был мягкий и свободно убирался лопатой, а дальше шёл сплошной слой сланца толщиной сантиметров семь, за ним такая же прослойка глины и далее снова сланец. И так на всю заданную глубину. Такой «слоёный пирог» преодолеть было непросто. Переломали весь шанцевый инструмент: кирки, ломы, лопаты.

Часто нам приходилось в пешем строю после бессонной ночи и тяжелейшей работы по оборудованию позиций против ожидаемых диверсантов переходить в другой район, где начиналось всё сначала, без перерыва на отдых. В таких условиях приспособились спать в строю во время движения. Конечно, далеко не все так отдыхали, но я спал. Когда задремлю, то ноги двигаются медленно, и ритм движения нарушается. Сквозь сон слышу голос лейтенанта Орлова:

– Добров, не тяни ногу!

Аж вздрогну. Нам внушали, что строй – святое место, где даже переговариваться запрещается, а тут – уснул! И так повторяется снова и снова, пока идём. После такого полусонного перехода чувствую себя посвежевшим и несколько отдохнувшим.

О нашем местонахождении противник был, видимо, оповещён, и ни один десант в нашем районе не появился.

В конце своего пребывания на Северном фронте мы раза два или три сопровождали на автомашинах эстонских новобранцев в город Кингисепп, где из них формировалась воинская часть. Руководителем колонны был старший лейтенант Волков, который был жителем Кингисеппа, где проживала его мать. Он на свою скромную зарплату закупил несколько булок свежего белого хлеба и после того, как мы попрощались с призывниками-эстонцами, привёл нас в дом к своей матери, где нас ждал огромный самовар душистого чая и гора белого хлеба, которая быстро таяла в устах 18-19-летних курсантов. Нас Волков представлял местным жителям как курсантов с добавлением «юнгеры», так как до революции наше училище называлось Михайловским юнкерским.

В эти дни до нас дошли слухи об организации курсантской то ли бригады, то ли дивизии, в которую предстояло влиться и нам. Но нас начали отводить к городу Нарве. Почему-то к западу от реки Нарвы комаров не было, а на восточном берегу они нас встретили. Видимо, сланцы, из которых производили бензин, создавали для комаров невыносимую среду обитания.

Северо-западнее реки Нарвы, километрах в семи, немцы сбросили небольшую, в четыре-пять человек, группу парашютистов. День был ясный, солнечный, видимость превосходная. Мы остановились, огляделись со своего грузовика и увидели уйму народа, который бросился на ловлю этих диверсантов, ещё паривших в воздухе. Даже пожарная команда в своих доспехах и на своих машинах на высокой скорости летела к месту вероятного приземления парашютистов. Было понятно, что и без нас там обойдутся.

Около города Нарвы мы сделали привал. Нескольким курсантам было разрешено сходить в город и купить продуктов. Мы с товарищем наскребли из своих карманов рубля два денег, и он ушёл. Вскоре пришёл и принёс хлеба, колбасы и ещё каких-то продуктов и даже граммов сто дешёвых конфет. Поели вволю. Дешевизна продуктов была удивительной. Помню, молоко кислое – бесплатно, а свежее – 20 копеек за литр. Это на одном из хуторов. В целом же, местное население к нам относилось, мягко говоря, насторожённо, а некоторая его часть – враждебно. Начальник училища приказал, чтобы мы по одному вне расположения подразделения (в город или на хутор) не ходили. Если повстречается подозрительный человек – стрелять. Неопытному восемнадцатилетнему юноше, никогда не стрелявшему в человека, определить подозрительную личность – задача невыполнимая. И действительно, не было ни одного случая, чтобы кто-

нибудь этот приказ выполнил, то есть выстрелил по «подозрительному». А то, что такой приказ был, подчёркивает, насколько сложная была обстановка в прифронтовой полосе. Однажды, когда наша машина проезжала по городу Раквере, а мы сидели на бортах машины, нарушая тем самым правила перевозки людей, с чердака одного из домов в середину кузова, где не было никого, был брошен кирпич. Кирпич выскочил из кузова на дорогу, не причинив нам вреда. Машина остановилась. Мы посмотрели на дома, но так и не определили, откуда он был брошен. Не став стрелять, мы поехали по заданному нам маршруту. Палить по домам наугад – это наказывать невиновных.

В пути нашего следования техника, случалось, выходила из строя. Тогда у тракторов мы расстреливали карбюраторы, радиаторы, картеры и т. п., перекладывали груз на другие транспортные средства и двигались дальше. На дорогах стали появляться беженцы, многие на «эмках», которые были обвешаны всевозможной поклажей и перегружены пассажирами, благо дороги были хорошие.

Добравшись до Царского Села, мы расположились в казармах. Охраняли какие-то склады, видимо, с военным имуществом. Они находились километрах в трёх от караульного помещения, где была и гауптвахта. Отстоишь два часа на посту возле склада, и надо идти в караульное помещение. Туда три километра и обратно столько же. А через два часа надо снова заступать на пост. Таким образом, отдохнуть времени не остаётся. Вот я и решил эти два часа, когда я уже не часовой, а караульный, поспать на гауптвахте среди арестованных курсантов, моих же товарищей, в чём-то провинившихся по службе. Спали вповалку на соломе. Я нашёл свободное место и в обнимку с винтовкой уснул. Пришёл дежурный, ищет, где я. Меня потеряли, поскольку я не явился в караульное помещение. Дежурный спрашивает:

– Где караульный?

Ему сказали, что спит, и показали, где. В итоге, с учётом военного времени, я получил наряд вне очереди, а в мирное время меня бы на гауптвахту отправили.

Ночью, когда я дежурил, в казарму пришёл командир батареи старший лейтенант Смирнов. После моего, как и положено, доклада он сказал вполголоса:

– Итак, Добров, завтра будешь лейтенантом.

Я подумал, что он шутит. Без экзаменов и вдруг – лейтенант! Не может быть! Да и проучились-то мы вместо положенных двух лет неполных девять месяцев. И, примеряясь к лейтенанту Орлову, я для себя отметил, что мне до него ещё очень далеко.

НА ФОРМИРОВАНИИ ДИВИЗИИ

Утром мы возвратились в Ленинград. Строем в колонне по четыре человека проходим в ворота училища, где нас встретили очень тепло только что принятые первокурсники, в основном. В казарме батареи нам выдали обмундирование, яловые сапоги и всё, что выдавали до войны лейтенантам. Такую экипировку мы получили последними из всех выпускников в военное время.

Выдали нам и предписания явиться в Главное артиллерийское управление Народного комиссариата обороны СССР, находившееся в Москве. Из Ленинграда туда был отправлен целый эшелон молодых лейтенантов из различных училищ, в том числе и из нашего.

Столицу уже бомбили немецкие самолёты. Перед Москвой раза два наш эшелон останавливался, нам приказывали оставить вагоны и залечь вблизи эшелона, в нескольких десятках метров. До нас доносились звуки разрывов снарядов наших зенитных батарей, охранявших небо Москвы. После команды «По вагонам!» мы садились в эшелон и продолжали движение. В самой Москве во время тревоги нас заставляли входить в станции метро, и там внутри мы ждали команды «отбой». В метро во время объявления тревоги находилось много детей, женщин, стариков. И среди них мы, молодые, здоровые лейтенанты, чувствовали себя очень неловко. Вместо того, чтобы бить врага и гнать его с нашей территории, мы должны были сидеть с гражданским населением в укрытии. Стыдно было смотреть в глаза этим людям, ждущим от нас защиты.

Наконец мы добрались до Главного артиллерийского управления, где и получили направления в части. 25 июля 1941 года я и несколько моих товарищей – Гусянов, Артемичев, Греков, Вицинский, Каргинов, Михеев, а из 1-го артиллерийского училища – Егоров, получили предписания на должности командиров взводов в 305-ю стрелковую дивизию, которая формировалась в городе Дмитрове Московской области. По прибытии туда, в штабе дивизии мы получили направления в стрелковые и артиллерийские полки.

Дивизия только ещё приступала к формированию. Начали поступать люди и материальная часть. Личный состав – ополченцы и колхозники Калининской области. Наш 830-й артиллерийский полк располагался в палатках в городском парке Дмитрова. Если в училище мы изучали материальную часть 152-миллиметровых пушек-гаубиц и 122-миллиметровых пушек, тракторов-тягачей «коминтерн», «ворошиловец» и материальную часть грузовых автомашин того времени, то в 830-м артиллерийском

полку мы встретили неизвестные нам 76-миллиметровые пушки образца 1902-1930 годов, а вместо тягачей-тракторов нам выдали лошадей. Были и 122-миллиметровые гаубицы образца 1938 года, но тоже на конной тяге.

76-миллиметровые пушки прошли войну с Японией 1904-1905 годов, Первую мировую войну 1914-1918 годов, затем Гражданскую войну 1918-1922 годов и были списаны. А в 1941 году о них вынуждены были вспомнить и вооружить ими нас.

В 5-й батарее я принял взвод управления, состоящий из отделения разведки и отделения связи. Взвод получил одну стереотрубу, один бинокль, три телефонных аппарата УНФ-28 и УНФ-31, одну катушку кабеля (750 метров) и две радиостанции БПК, которые были собраны на базе радиоприёмников, конфискованных у населения. Средний командный состав имел личное оружие – пистолеты ТТ⁶, младший – наганы, разведчики – карабины, связисты – винтовки. На каждое орудие выдали по две винтовки, то есть у орудийного расчёта в составе семи человек винтовки были только у двоих.

Личный состав – это, в основном, крестьяне и рабочие. Далекое не все из них служили в армии, а те, кто служил, многое подзабыли. Артиллеристов среди них было мало, преобладали конники. Время на формирование дивизии отводилось в пределах двух-трёх недель. Занятия проводили, что называется, от зари до зари. Мне повезло в том, что командиром отделения разведки был подготовленный, требовательный, знающий своё дело сержант Хамадеев из Татарской АССР. Под стать ему был и командир отделения связи, земляк Хамадеева, сержант Свешников. Оба они проводили занятия со своими отделениями по освоению воинских уставов, азам строевой подготовки, а также обучали солдат ведению разведки, прокладыванию связи и прочим военным премудростям. Я взял на себя артиллерийскую подготовку, топографию, работу с приборами.

Помнится, сидит группа красноармейцев, и один из них говорит, что никогда не брал в руки винтовку и не знает её, а завтра надо идти в бой. И что он будет делать? Красноармеец так разволновался, что руки у него дрожали. Остальные сидели молча и смотрели на винтовку, как на какое-то неведомое им чудо техники.

Я сел рядом с красноармейцем, взял винтовку и говорю:

– Смотрите, это же несложно!

Закрыв глаза, разобрал затвор, затем собрал. Мне это было просто потому, что ещё в 1937 году отец купил мне, 14-летнему, охотничье ружьё «фроловку». Это была та же винтовка, только ствол рассверлён под 32-й

⁶ Тульский, Токарева. Пистолет образца 1933 г. – первый отечественный самозарядный пистолет, разработанный в 1930 г. советским конструктором Ф.В. Токаревым.

калибр. Мне выдали охотничий билет, и я ходил на охоту. С того времени я и умел разбирать и собирать затвор. Пришлось несколько раз показать красноармейцу, как это делать. А когда научил его, он успокоился, заулыбался и от души поблагодарил меня. Мне же было обидно, что его раньше не научили этому на военных сборах по линии военкоматов.

В нашу часть стал поступать конский состав. И вот тут я был полный профан. Нет, конечно, в 11 лет я одно лето даже работал в колхозе и умел тогда запрягать и распрягать лошадей, выполнял на них некоторые посильные для меня работы. Но это было совершенно не то, что требовалось теперь. Да и тот маломальский опыт, приобретённый восемь лет назад, был мною почти утрачен и забыт. Взводу управления по штатному расписанию было положено получить 25 коней. Кроме них, 26-й конь, командира батареи, тоже прикреплялся к нашему взводу. Принять коней я поручил командирам отделений, но понятия не имел, что же дальше-то с ними делать! Как содержать, кормить? Красноармейцы сами соорудили коновязи. Сразу же за каждым бойцом закрепляли коня. Основная часть коней была строевой, то есть должна ходить под седлом. Но седло было одно, для командира взвода. На остальных конях были только уздечки.

Красноармейцы выбрали коня и для меня. Подвели ко мне серого в «яблоках», вдвоём еле его сдерживают и говорят:

– Этого коня мы подобрали для вас. Подойдет ли вам?

Конь ноздри раздувает, слегка всхрапывает, копытом бьёт по земле. Аж страх на меня нагнал, боюсь подойти. Но виду не подаю и, стараясь быть спокойным до безразличия, велью привязать его к коновязи. А сам думаю, как я на него сяду? Пошёл в 6-ю батарею к лейтенанту Егорову, который окончил 1-е артиллерийское училище на конной тяге. Он выслушал меня, подвёл к своему коню, рассказал и показал, как нужно с ним обращаться. Научил меня садиться в седло. Я многократно ходил к Егорову на консультации по конному делу, пока не освоил самое необходимое. От неизбежного позора перед подчинёнными Егоров меня спас. Это был отзывчивый, доброжелательный и знающий лейтенант, и мы с ним дружились.

Очень многому надо было ещё учиться и бойцам, и командирам, но фронт стремительно приближался. Как итог нашей работы, дня за три до отправки в действующую армию мы должны были сдать экзамен на зрелость, то есть провести боевые стрельбы на полигоне под городом Дмитровым. Дали нам координаты огневой позиции батареи, наблюдательного пункта и цели. Наша, 5-я, батарея под командованием старшего лейтенанта Ротина, у которого на гражданке была профессия кинооператора,

заняла исходное положение для стрельбы. По его приказу я подготовил данные, он проверил и приказал открыть огонь. Первый разрыв – недолёт, или как говорят в артиллерии, «минус». Ввожу корректировку. Результат – перелёт («плюс»). Делю «вилку»⁷ пополам – прямое попадание! По незначительному опыту и квалификации наших артиллеристов, такого блестящего результата быть не должно. Однако начальство, что присутствовало на стрельбах, довольно. Мы же стоим, как оплётанные. Батарее командовали «отбой», и она отбыла в своё расположение – городской парк Дмитрова.

Я сразу пошёл к «огневикам» выяснять, как они стреляли. И оказалось, что младшие лейтенанты, командиры огневых взводов, призванные из запаса, не умеют пользоваться ни орудийной панорамой, ни буссолью. Они видели цель и наводили орудие по нижнему срезу ствола при открытом затворе, то есть на наши команды внимания не обращали, а вели огонь самостоятельно и были очень довольны, что с третьего снаряда поразили цель. Положение было трагичное. Пришлось провести с ними беседу.

Табличная дальность 76-миллиметровых пушек – 13 тысяч 290 метров. Это при идеальных условиях стрельбы – нормальном давлении и температуре воздуха, безветрии и т.д. На войне же придётся стрелять не только прямой наводкой, но и с закрытых позиций на расстоянии, когда с огневой позиции ни одной цели не увидишь. Работать придётся только с приборами. И это главное, чему следует научиться. При этом орудийные расчёты должны действовать слаженно, их движения должны быть отработаны до автоматизма. А этого-то, оказывается, и нет.

Чтобы поднять боевой дух и настроение, нам ещё показали приёмы рукопашного боя. Причём своеобразным способом. Привели в батарею мастера спорта. Он лёг спиной на землю, держа в руке малую сапёрную лопату. Все присутствующие встали вокруг него. Спортсмен говорит красноармейцу, у которого винтовка с примкнутым штыком:

– Коли!

Тот только на днях пахал, сеял, воспитывал детей, а тут – «коли!». Отказался. Отказались и другие. Тогда спортсмен обращается ко мне:

– Лейтенант, коли!

Я осторожно имитирую, что колю. Он говорит, чтобы я колол смелее, по-настоящему. В конце концов, колю почти по-настоящему, но спортсмен не пропустил ни одного укола. Все отбил. Конечно, до его мастерства нам никогда не дорасти. А наш комиссар тут же заметил, что враг не страшен,

⁷ «Вилкой» называется такое положение, когда цель находится между «плюсом» и «минусом».

если у вас в руках даже всего лишь малая сапёрная лопатка. Затем выступил представитель войск Новгородского направления, политрук, старший лейтенант. Выступил очень оптимистично. Смысл его слов заключался в том, что если мы замешкаемся с отправкой на фронт, то противника от Новгорода отгонят настолько, что мы его никогда уже не увидим. На этом наша учёба и формирование дивизии закончились.

Мы, восемнадцатилетние юнцы, молодые лейтенанты, обученные в училище артстрелковой подготовке и корректировке огня капитаном Кириенко, имевшим академическое артиллерийское образование, понимали, что невозможно выпускать на поле боевых действий такую часть, как наша. Но положение было безвыходным. За каких-то двадцать с небольшим дней из людей, в подавляющем большинстве не обученных военному делу, нужно было создать боеспособную часть. Задача явно невыполнимая.

В царской армии во времена Первой мировой войны, прежде чем отправить на фронт только что призванного солдата, учили его военному делу шесть месяцев, после чего из обученных солдат отбирали наиболее подготовленных и учили на унтер-офицеров ещё четыре месяца⁸.

Во время же Великой Отечественной войны солдат учили месяц или вообще не учили, а офицеров готовили за три месяца. Правда, нужно иметь в виду, что общеобразовательная подготовка красноармейцев в эту войну была неизмеримо выше, чем в Первую мировую.

Тяжелейшее воспоминание осталось от отправки эшелона на фронт от станции Дмитров. На проводы приехало очень много родственников военнослужащих. Огромное скопление народа, в основном женщины и дети. Все плачут. Плача как такового не слышно, он слился в сплошной душераздирающий стон, стон тяжелейшего горя людей, расстающихся навсегда. Осознание безысходности, неотвратимости беды, свалившейся на этих людей и их семьи, возрастало и достигало такого напряжения, что назревал психологический срыв, неуправляемость процессом отправки эшелона. Выход один – немедленно отправить состав в путь. И, наконец, по перрону прокатилась команда:

– По вагонам!

Плач-стон женщин, детей и мужчин – всеобщий и горький – возрастает. Нет сил больше видеть и слышать, что происходит на перроне. Страшное горе! Дети и женщины вцепились в отцов и мужей. Связиста нашего взвода, красноармейца Суворова, облепили пятеро его детей, из которых старшая учится в третьем классе, а младший только-только делает первые

⁸ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1970. С. 29, 31, 33. (Авт.)

шажки в своей жизни. Его жена-крестьянка, совершенно убитая горем, остаётся с детьми без кормильца.

Снова разносится команда:

– По вагонам!

Солдаты с силой вырываются из объятий родных и заскакивают в товарные вагоны. Страшное расставание. «Как хорошо, что меня никто не провожает», – подумал я. Мои родители и родственники – на Урале. В качестве наблюдателя мне было легче перенести сцену расставания. И всё же за это время я, наверное, постарел, а моим товарищам, которых провожали, было очень горько и тяжело расставаться со своими милыми и родными семьями. Это было гораздо тяжелее моих переживаний.

Наконец, эшелон тихо-тихо тронулся. Толпа провожающих двигается за нами. Поезд набирает скорость, и мы, едущие, остаёмся одни. Мысленно пересчитываю людей, никто не отстал. Последние бойцы впрыгивали в вагоны на ходу. Настроение тягостное: едем на войну. Наш вагон-теплушка отличается от вагона, в котором перевозят лошадей, лишь тем, что у нас есть двойные нары и печь-буржуйка из чугуна. Отсюда и название «теплушка».

В глазах ещё стоит душераздирающая сцена расставания родных и близких с военнослужащими, которые только-только сменили гражданскую одежду на ещё непривычную для них военную форму. Остающиеся в тылу старики, жёны и дети не предполагали, что их ждёт в недалёком будущем, а уезжающие на войну отцы и братья были в ещё большем неведении о фронте. Но те и другие уже почувствовали надвинувшуюся на них и всю страну смертельную опасность, предотвратить которую уже никто не в силах. Выход один – разбить врага. Но чем? Нас вооружили тем оружием, которое молодые видели в фильме «Чапаев», а старшее поколение знало по Первой мировой и Гражданской войнам.

Постепенно напряжение спадает. Красноармейцы знакомятся друг с другом и начинают разговаривать о жите-бытье, о том, что мирная жизнь была неплохой. Они надеялись, что постепенно она бы совсем наладилась. Я только слушал этих людей, умудрённых опытом, ибо их средний возраст был 30-35 лет. Моя же биография была самой короткой, как и мой возраст: окончил среднюю школу, поступил в военное училище, где проучился девять месяцев, и началась война. Когда на пути следования нашего эшелона встретился санитарный поезд с ранеными, это заставило нас остро почувствовать всю серьёзность предстоящих боёв с неминуемыми потерями боевых товарищей.

НА ФРОНТЕ

Ночью нас выгрузили из вагонов в Крестцах, и далее мы двинулись колонной по шоссе по направлению к Новгороду. На рассвете 19 августа 1941 года в Пролетарии и Броннице наша колонна подверглась жестокой бомбёжке с воздуха. Завидев вдали самолёты, комиссар нашего полка только сказал:

– Вот и наши красные соколы летят!

А эти «соколы» выстроились в боевой порядок и начали друг за другом пикировать на нашу колонну и сбрасывать бомбы, а на выходе из пикирования ещё и обстреливать нас из пулемётов. На каждом самолёте ясно просматривалась фашистская свастика.

Мой взвод на конях был впереди колонны. Мы быстро спешили и замаскировались вдоль стен домов. Нам не досталось ни бомб, ни пуль из пулемётов, а колонна, что следовала за нами, приняла на себя сполна этот смертельный удар с воздуха.

Одним из следствий его был эпизод, когда обезумевшая упряжка лошадей неслась вместе с орудием, но без орудийного расчёта и ездовых, по шоссе к взорванному мосту через реку Мсту. Все растерялись, и лишь один смелый и решительный боец выскочил наперерез мчавшимся коням, в прыжке повис на поводьях первой пары лошадей и у самого моста смог её остановить. Мы понесли первые потери. Погиб Гусянов, заместитель командира 6-й батареи, выпускник нашего училища из одного со мной взвода, единственный на нашем курсе член ВКП(б).

Как только самолёты противника улетели, я скомандовал своему взводу:

– По коням!

И повёл их рысью по сплавному мосту на другой берег. Как мы не провалились под брёвна, которые болтались на воде, не знаю. Думаю, это заслуга самих лошадей. На западном (правом) берегу Мсты мы спешили.

Получив приказ идти к Новгороду для выбора наблюдательного пункта и подготовиться там к корректировке огня, я взял трёх разведчиков, двух радистов с радиостанцией БПК, и мы пешком тронулись в путь. По шоссе никто не ходил, так как самолёты противника гонялись даже за отдельно идущим человеком, не говоря о группе людей, и расстреливали их из пулемётов. Мы шли слева от шоссе, поближе к кустам, чтобы при приближении самолётов прекратить движение и замаскироваться. Нашей авиации не было видно. В небе безнаказанно господствовала авиация противника.

Навстречу стали попадаться группы по два-три человека во главе с младшими командирами. Винтовки у бойцов висели на плече, а младшие командиры в руках держали наганы. Когда я обращался к ним с вопросом об обстановке, они с любопытством рассматривали меня как школяра, но докладывали, не нарушая устава. Эти бойцы были отброшены противником за реку Малый Вёлховец и шли на сборный пункт. Наша оборона проходит как раз по этой реке, куда мы и направились. Вскоре подошли к нашему танку, около которого лежали два убитых танкиста в шлемофонах. Земля вокруг была испещрена чёрными воронками. От разрывов снарядов ивовые кустарники посечены осколками, привычный зелёный ландшафт изуродован и выглядел необычно. Настроение портилось, на душе становилось тревожно. Впереди шёл бой, слышались пулемётно-оружейная стрельба и артиллерийско-миномётные обстрелы.

Подошли к бетонному мосту, по которому проходило шоссе. Нам нужно перейти на правую сторону дороги. Зашли под мост, сели передохнуть и переждать миномётный обстрел. Мины рвались с правой стороны моста и не давали возможности из-под него выйти. Я всё ждал, когда противник прекратит или перенесёт огонь от моста, чтобы проскочить опасное место. Ко мне подошёл один мой разведчик, который воевал ещё в финскую войну, и говорит тихо:

– Ничего, лейтенант, первый раз бывает, держитесь за мной – и пройдем.

Он пошёл первым, я – за ним, а за мной все остальные. Мне казалось, что мины рвались рядом, но мы прошли благополучно. Страх почему-то ни у кого не было, но впечатление, что мы идём вплотную с разрывами, присутствовало.

Вскоре подошли к ходу сообщения и по нему вышли в окопы нашей пехоты. Выбрал я место для наблюдательного пункта здесь же, в окопах. И стал в бинокль осматривать местность, занятую противником на западном берегу Малого Вёлховца. Связисты развернули рацию и начали вызывать огневую поддержку. Слева от нас, метрах в двадцати, сидел в окопе командир пехотного батальона и кричал мне, чтобы я прекратил работать по рации, так как противник нас засечёт и уничтожит. Ещё в училище мне приходилось слышать о пеленгации, и я решаю, что не запеленгуют, и продолжаю вызывать огневую поддержку. Но связь установить не удалось.

Начался обстрел. Как только снаряд разорвётся, я соскакиваю и осматриваю в бинокль позиции противника. На той стороне Малого Вёлховца стояли копны сена. И вот у одной копны блеснули стекла. Значит, оттуда за нами противник наблюдает и, возможно, он и корректирует огонь своей

артиллерии. Через некоторое время от копны побежал, согнувшись, человек в свой тыл. В голове быстро проносятся занятия по артстрелковой подготовке, вспомнилась теория вероятности, и что попасть в окоп, где мы находились, очень сложно. Я в это слепо поверил, даже настроение поднялось: ещё дым от разрыва не рассеялся и мешает наблюдению, а я на ногах и уже с биноклем.

Левее нас, метрах в 10-15, в окопе находился красноармеец-пехотинец с винтовкой. Вскрываю я после очередного разрыва, а соседа-пехотинца ранили, и он закричал. И тут меня осенило, что после разрыва нужно хотя бы секунду-другую подождать, чтобы осколки пролетели, а потом уж вскакивать и наблюдать. Так вот постепенно набиралась мы опыта поведения на поле боя. Связи нет, батарея от нас – в пяти километрах, а кабеля всего одна катушка – 750 метров. Подготовил я данные по центру Новгорода и отправил с ними двух разведчиков в наш штаб. Одного-то не пошлешь: вдруг его ранят, так никто и не подберёт. Сидим голодные, с вечера без завтрака, обеда и ужина. Вот и ещё очередной вывод сделали: нужно самим проявлять инициативу в обеспечении себя продуктами питания. Кругом бродит брошенный скот, растёт картофель, турнепс и прочие овощи.

Недалеко от нас оборону держала танковая дивизия Черняховского, вернее оставшиеся в живых танкисты. Они рассказывали, что держались и дрались очень хорошо. Пока у них был один танк и одна 45-миллиметровая пушка, немцы не могли взять Новгород. Но пушку немцы подбили, а у танка кончились боеприпасы и горючее, и он стоит около шоссе в тылу. Его-то с двумя убитыми танкистами мы и видели, когда шли к передовой. Красноармейцы Черняховского ходили в контратаку с наганями, личным оружием, и выбивали из окопов до зубов вооружённых немцев. Но, накрытые вражеским миномётным огнём, уцелевшие бойцы вернулись обратно, прихватив с собой раненого узбека, которого и заметили-то только тогда, когда он крикнул:

– Стой! Не стреляй, ми русски узбек!

Вот когда начинаешь понимать, что такое кадровая армия, которую мы загубили в первых боях, оставив почти безоружных и необученных людей противостоять хорошо вооружённым и немало повоювавшим в Европе гитлеровцам.

К вечеру артиллерийский обстрел на нашем участке прекратился. Воспользовавшись затишьем, мы составили схему обороны противника с нанесёнными на неё огневыми точками, которые нам удалось обнаружить. Связи у нас нет, а без связи артиллерия нема. Старший радист, вчерашний студент радиофака одного из технических вузов Казани, возится

с радиостанцией 6ПК – единственной нашей надеждой на связь. Наконец он с досадой произносит:

– Эх, 6ПК трёт бока!

Оказалось, что пока мы шли, а где и бежали и ползли, пока достигли окопов, у этой рации все детали внутри отлетели и перемешались. Необходим ремонт в мастерской. До неё далеко. Стало грустновато. Кроме этого, для связи с огневой позицией нашей батареи необходимы 4250 метров кабеля. Их могли бы заменить провода телеграфных линий. Но где их взять? Здесь всё то, что до войны было таковыми, побито. Приказа, как нам действовать дальше, тоже нет. Остаётся ждать.

К вечеру вернулись посланные мной разведчики. Они принесли приказ прибыть мне в штаб полка, расположенный километрах в двух от передовой. С несколькими бойцами мы пришли туда в сумерках, военного народа полным-полно. В деревне были крепкие целые подворья с домами в один-два этажа, все из дерева. По постройкам видно, что местное население было зажиточно. У каждого дома – небольшие сады. Жителей нет. Видимо, все подались на восток. Новгород горел. Поля с выращенным урожаем, в основном картофелем и овощами, брошены. По ним кое-где бродит бесхозный скот. Картина удручающая.

Весь день мы были без пищи, но нас уже ждала горячая картошка в мундире, хлеб и немного мёда. На скорую руку поели, и я ушёл в штаб полка, где был командир нашей батареи старший лейтенант Ротинов, командир дивизиона капитан Домнич, комиссар дивизиона старший политрук Долинский, командир полка полковник Кайгородцев, комиссар полка батальонный комиссар Найда, штабные работники и много командиров из нашего полка. Такое скопление людей в непосредственной близости от противника было очень опасно, но в этот раз всё обошлось.

Вспоминаю в связи с этим следующий случай, имевший место в одном из сёл, названия которого не помню. Как известно, по реке Волхову с давних времён селились люди разных национальностей – немцы, финны, выходцы из Прибалтики. Они вполне ассимилировались с местным населением, восприняли обычаи наших предков. Мы имели все основания считать их своими. Однако, когда в селе, о котором я рассказываю, сосредоточилось едва ли не всё командование нашей дивизии, местное население дружно взялось за стирку белого белья и утром следующего дня вывесило его для сушки. А село – как на ладони. Сельчане не демонстративно, но так же дружно под разными предлогами покинули его. Командование, заподозрив неладное, приказало немедленно уходить из села, и мы на больших скоростях выехали. И, как оказалось, вовремя: прилетевшие вскоре немецкие самолёты бомбили его пустым.

Вообще говоря, немецкая агентура работала активно. Когда вскоре, в другом месте, мы выбрали, было, место огневой позиции для батареи, то через короткое время сзади нас, из лесу, уже летела ракета, обозначая наше расположение. Пришлось покинуть выбранное место. В тёмное время суток агенты применяли и световую азбуку Морзе.

Боевая задача, поставленная перед нами, включала место, где нам следует расположить наш наблюдательный пункт, район огневых позиций наших батарей, а также расположение стрелкового полка, который мы должны поддерживать своим огнём. Были даны кое-какие сведения о противнике. После этого мы возвратились в район своих огневых позиций.

Наступила ночь. Мы выставили дозоры, расставили часовых и легли спать прямо на землю, благо ночь была тёплая. Часа через три-четыре начал брезжить рассвет. Объявили подъём. Скорый завтрак.

ОТ ОЗЕРА ИЛЬМЕНЬ ДО ДЕРЕВНИ ДУБРОВКА

В штабе мне на карте поставили точку, сказав, что это мой наблюдательный пункт. В дальнейшем я убедился, что при постановке боевой задачи нельзя на карте ставить точку и говорить, что это место моего наблюдательного пункта. Приду на эту точку, а она-то, то есть место моего наблюдательного пункта, больше всего будет подвержена огню противника. Или с этой точки нет должного обзора передовой того же противника. И хотя наши штабисты при постановке задачи продолжали на карте ставить эту злополучную точку, я воспринимал её как примерный район, в котором я сам выбираю конкретное место для наблюдательного пункта, с которого огневые задачи выполнялись лучше, чем с места, обозначенного точкой.

Левее нашего наблюдательного пункта метров на 200-250 располагался наблюдательный пункт капитана Домнича, командира нашего дивизиона. Вскоре мои разведчики обнаружили пулемётное гнездо противника, которое было расположено в подполье деревянного дома на западном берегу реки Волхов. Амбразурой служило расширенное окно, через которое осенью ссыпают в подполье картофель. Телефонным кабелем нас к тому времени уже обеспечили, правда, без всякого запаса, то есть в обрез.

Капитан Домнич наблюдает за моей стрельбой. Я строго придерживаюсь её правил. Вывел снаряд по линии наблюдения на цель, получил «ми-

нус», то есть недолёт. Ввожу корректуру, чтобы захватить цель в «вилку», то есть в данном случае я должен получить «плюс» (перелёт), а снаряд разорвался чуть ли не на середине реки Волхов. Не дальше, как ожидалось, а ещё ближе. Такого, по науке, быть не должно, а вот получилось всё наоборот – вместо «плюса» ещё более глубокий «минус». Мне ясно, что огневой расчёт работает плохо, не обращая внимания на мою корректировку. И тут у меня в голове мелькнула мысль: нашей пехоты впереди нет, да и до нас от места разрыва метров 250 будет. Дай, думаю, уменьшу прицел метров на 150. Так и сделал, а снаряд улетел не ближе, а дальше и прямо в амбразуру, где был немецкий пулемёт. Вот и постреляли. Сижу и думаю, как же быть и что делать? Подходит командир дивизиона. Вид у меня, видимо, был растерянный. Положил он мне руку на плечо и говорит:

– Ничего, мы их научим стрелять!

И действительно, научил, ибо такой стрельбы у меня больше не было. Вывод таков, что на фронте без военных знаний делать нечего. К сожалению, обстановка была такой, что на учёбу времени тоже не было. Учились в боях, а это связано с большими потерями. Расплата за любую оплошность – чья-то жизнь, а часто не одна. Такова фронтовая реальность.

Вскоре «бронь-пехоту»⁹ отвели на переформирование, а нашей дивизии определили линию обороны на участке от озера Ильмень до реки Малый Вёлховец и далее по реке Волхов на север. Это порядка 50 километров по фронту. Естественно, что сплошной линии обороны не было. Отдельные участки её были под контролем только патрулей, что делало эти участки мало защищёнными и легко уязвимыми для противника. Чтобы защитить их, были созданы усиленные мобильные подразделения, которые в случае появления врагов на этих участках, быстро реагировали на их действия.

Мне со своим взводом приходилось часто участвовать в артиллерийской поддержке этих стрелковых подразделений. Бывало, вызывают в штаб 830-го артполка, и начальник штаба капитан Журавлёв говорит, например, что противник силою до роты форсировал реку Волхов и захватил плацдарм таких-то размеров. И указывает на карте его место.

– Ваша задача, – говорит, – обеспечить артиллерийскую поддержку нашей стрелковой роты по уничтожению противника. По выполнении задачи вы и ваша группа будете отмечены. Выполняйте!

Повторяю приказ, беру с собой двух-трёх разведчиков, средства связи с радистами или связистами, и мы мчимся в тёмной ночи,

⁹ Автор имеет в виду спешенных танкистов 28-й танковой дивизии И.Д. Черняховского.

не зная ни дороги, ни местности. Знаю только, допустим, что где-то слева минное поле. Ветки деревьев хлещут по лицу, холодные струи дождя забираются за воротник, а расстояние – 10-15 километров по грязной дороге. И в то же время нужно быть всегда начеку: гарантии, что встречи с противником на пути следования не будет, нет. И таких сумасшедших скачек было немало. Большинство из них кончалось тем, что пехота к нашему приезду сама справлялась с противником. Нас никто не отмечал и даже не благодарил, хотя кое-где мы успевали помочь стрелковым подразделениям огнём своей батареи. Я же в этих скачках потерял трёх коней, загнал. А таких, как я, командиров взводов управления в полку было девять человек, но всех ли такими заданиями «награждали», не знаю.

Поначалу, помню, были всякие слухи, даже такие, что немецкую армию нам не победить. Помню также, что как-то получил приказ перенести свой наблюдательный пункт в деревню Пахотная Горка. Пришли мы туда, а там деревья растут до самого берега, и с него много не увидишь. Пришлось занять под наблюдательный пункт одно из окон на втором этаже здания, где до войны было что-то вроде дома отдыха. Тоже видимость ограничена деревьями, но всё же местность просматривается лучше, чем у берега. В этом же доме находилась группа красноармейцев, которые держали оборону в Пахотной Горке. Стал выяснять, что у них случилось. Оказывается, рано утром противник открыл по ним артиллерийско-миномётный огонь, да такой силы, что они до сих пор (а разговор со мной происходил уже во второй половине дня) в себя не придут. Из рассказов можно было предположить, что в этом налёте участвовали и шестиствольные миномёты, с которыми мы ещё не были знакомы, хотя о них и слышали. А обычная дежурная стрельба из орудий, которая была при мне, им уже казалась вроде детской шалости. Далее рассказчик продолжил:

– После налёта к берегу подошла лодка с немцами. Они беспрепятственно прошли по тропинке от берега к нашему пулемёту, забрали его в лодку и уплыли восвояси. Пулемётчики же от страха спрятались в зарослях лопухов и крапивы.

Этот случай и, возможно, ещё какие-нибудь проявления страха перед противником привели всех командиров – от взвода и выше – к мысли организовать бой с немцами, да такой, чтобы обязательно его выиграть. Чтобы в бою все его участники убедились, что немцев можно не только бить, но что они ещё и боятся и убегают от нас. И вскоре такой случай пред-

ставился, когда переправившуюся на наш берег роту фашистов не только перебили, но они бежали, оставив трупы своих солдат. Мы, артиллеристы-корректировщики, опять почти опоздали и лишь вдогонку противнику выпустили несколько снарядов. А стрелки-пехотинцы сказали:

– Эх, так-то бы дать огоньку, да только пораньше!

Но нас они не винили, видя в «мысле» наших лошадок. Один из бойцов, участник этой операции, сидит и рассказывает о своих переживаниях. Начал он с того, как он до войны боялся покойников, и когда в его деревне кого-нибудь хоронили, убежал из неё. А тут, говорит, стрелял – и ничего. Когда же командир роты позвонил в штаб дивизии, то там не поверили (и такое было!) в успех боя и приказали снять одежду с одного из убитых немцев и привезти к ним. И этому-то человеку, который дома покойников боялся, а было ему уже где-то под тридцать лет, командир роты приказал снять с трупа обмундирование, что тот и выполнил. И вот он сидит перед нами и с каким-то недоумением говорит, что снял с мертвеца френч, несколько при этом не испугавшись, и принёс ротному. В таких частных эпизодах, а было их немало, бойцы учились главному – побеждать свой животный страх перед противником.

Таких боёв местного значения становилось всё больше. Были и удачные вылазки разведчиков в тыл противника за «языками». И всё это поднимало боевой дух воинов 305-й стрелковой дивизии прямо-таки на глазах. Стало каким-то неписанным правилом ходить в разведку, в том числе и у артиллеристов. Конечно, были и потери, но главная цель – преодоление панических настроений – была достигнута. Артиллеристы стали чаще выезжать на прямую наводку по уничтожению заранее разведанных огневых точек противника.

В Ху́тынском монастыре¹⁰, который заняли немцы, была высокая колокольня. С неё хорошо просматривался не только наш передний край, но и местность, где были расположены наши тылы. Куда ни пойдёшь, везде тебя с этой колокольни видно. Уходи хоть за 10 километров, и там эта колокольня на виду. С неё немцы корректировали огонь своей артиллерии и наносили нам ощутимые потери. И вот в один прекрасный солнечный день, при относительном спокойствии на передовой, из леса, что километрах в трёх в нашем тылу, появляется пыльное облачко. Посмотрел я в бинокль и вижу, что на большой скорости, какую только могут развить кони, к нам скачут две упряжки (по шесть лошадей в каждой) с нашими пушками. Лихо развернулись перед самым монастырём, а расчёты на ходу соскочили со станин, сняли пушки с передков и открыли огонь по коло-

¹⁰ В 10 километрах к северо-востоку от Новгорода.

кольне прямой наводкой, выпустив несколько снарядов; снова – орудия на передки и галопом помчались вдоль передовой вправо метров на 200. Там повторили то же самое. И молниеносно поскакали к лесу. Такого не ожидали не только немцы, но и мы. И только когда упряжки с расчётами скрылись в лесу, фашисты сделали артиллерийский налёт по первой точке, откуда пушкари стреляли, затем огонь перенесли на вторую точку, а потом на опушку леса. Но наши расчёты уже давно были далеко в лесу.

Реакция немцев на действия орудий прямой наводки была почему-то очень замедленной. Они не могли не заметить мчавшихся от леса орудийных упряжек, а это три километра. Привести орудия в боевое положение и открыть огонь – тоже требуется время. Затем приводятся орудия в походное положение, и упряжки лошадей перевозят их на 200 метров по фронту, где снова орудия приводятся в боевое положение, и открывается огонь. И, наконец, кони преодолевают трёхкилометровое расстояние до леса – на это опять нужно время. На все эти действия ушло, наверное, не менее 30 минут. И только по истечении их противник открыл ответный огонь, но уже по пустому месту. Если даже предположить, что первым же снарядом был уничтожен их наблюдательный пункт на колокольне, то всё равно это их не оправдывает. Опозорились немецкие артиллеристы. А я вспомнил одну из их листовок, где они обещали кормить наших артиллеристов булочками.

Посмотрел я на колокольню – стоит, как и стояла, только купол весь пробит и насквозь видно небо, да ниже окно в звоннице покорёжено. Наши потери – ноль. Мы все обрели покой на несколько дней. Вот какими молодцами стали наши огневики 5-й батареи. Ещё недавно не умели толком стрелять, а здесь – чёткость и слаженность выше всяких похвал.

Начало прибывать пополнение из Сибири. Много было с Алтая хлебобобов с натруженными руками. Они немногословны, но более других приспособлены к суровым жизненным условиям, что на войне немало важно. Однажды подошёл ко мне пожилой боец, где-то уже лет за пятьдесят, и говорит, что служил он в кавалерии у графа такого-то и что он, боец, не видит в артиллерии ничего нового: пушки и винтовки те же, что были во времена его молодости, и тяга такая же – конная.

– Единственное, за что можно сказать спасибо нашему правительству, – добавил он, – так это, что вас, молодых лейтенантов, подготовили. Вот за это спасибо ему, а остальное всё, как было.

Мы у таких бывалых воинов учились, как себя вести на поле боя, чтобы приказ выполнить и себя сохранить. Вскоре этого бойца и с ним таких же «переростков» из армии списали как ошибочно призванных по возрасту.

О тяжёлом положении в начальный период войны с обеспечением артиллеристов (и не только их) военной техникой красноречиво говорит следующий эпизод. Где-то в конце августа 1941 года командир нашего дивизиона капитан Домнич собрал совещание командиров взводов и выше. Он разобрал несколько боевых операций: наше артиллерийское обеспечение действий пехоты, что плохо, что хорошо, какие новшества в ведении огня, в тактике ведения боя заслуживают внимания и т. д. Всё шло как обычно. Но в конце он дал нам такую установку:

– Товарищи командиры, всеми силами спасайте материальную часть, не считаясь с жертвами. Людей нам дадут, а орудия – нет.

Не скажу за всех, но меня такой приказ ошеломил. Конечно, капитан Домнич не сам это придумал. Он получил этот приказ свыше.

Выходит, на всех нас верхам нашим наплевать. Спасать эту рухлядь образца 1902 года, которая давно списана, ценою собственных жизней? Да как это можно? А как же быть с одной из сталинских довоенных установок: «Люди – самый ценный наш капитал»¹¹? Когда я немного поостыл и успокоился, то хладнокровно рассудил уже иначе и пришёл к выводу, что, видимо, у нас другого выхода нет, так как иной техникой мы не располагаем. Горько было сознавать, но ничего другого тогда нам не было дано. Рассуждать иначе означало обрекать себя на фашистское рабство.

И вспомнилось довоенное время, когда газеты и радио не смолкали, нахваливая нашу партию под руководством великого Сталина¹², которая все свои силы направляла на укрепление и развитие Рабоче-Крестьянской Красной Армии, вооружая её новым оружием и укрепляя новыми кадрами. Характерным было и заявление Ворошилова¹³ того времени: «Кто силён в воздухе, тот вообще силён!»¹⁴ На деле же мы увидели совсем иное: техника старая, самолётов почти нет, ведущие кадры уничтожены. Нужно было упорно учиться воевать и бить врага. Учёба проходила в процессе боевых действий. Учились всему: окапываться, строить оборонительные сооружения, вести разведку огневых точек противника; взаимодействию

¹¹ Из речи И.В. Сталина, с которой он выступил 4 мая 1935 года в Кремлёвском дворце перед выпускниками военных академий: «...Из всех ценных капиталов, имеющих в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры».

¹² Сталин Иосиф Виссарионович (1879-1953), Генеральный секретарь ВКП(б) с 1922 до 1934, секретарь с 1934 вместе с Л.М. Кагановичем и А.А. Ждановым. С 30 июня 1941 г. – Председатель Государственного Комитета Обороны, с 8 августа – Верховный Главнокомандующий Вооружёнными Силами СССР.

¹³ Ворошилов Климент Ефремович (1881-1969), до войны работал народным комиссаром (министром) обороны СССР (1934-1940). Во время Великой Отечественной войны – член Государственного комитета обороны, член Ставки Верховного Главнокомандования.

¹⁴ Точнее: «Кто силён в воздухе, тот в наше время вообще силён».

различных родов войск и, в первую очередь, артиллерии с пехотой. Учились проводить связь, обеспечивать взаимозаменяемость в орудийных расчётах. Для успеха дела очень важно было добиться, чтобы каждый, находящийся на артиллерийском наблюдательном пункте, обладал знаниями разведчика и связиста и умел эти знания применять по мере необходимости. Конкретно это означало: ориентироваться на местности, читать топографическую карту, шлифовать работу с приборами. А разведчики, кроме этого, учились корректировке огня батареи и сокращённой подготовке данных. К сожалению, обстоятельства были таковы, что мы учились в полном смысле на крови и нередко безвозвратной потере людей.

Итоги такой учёбы в нашей, 305-й стрелковой, дивизии принесли свои плоды и были отмечены в газете «Известия»: «Два месяца тому назад после шестидневных ожесточённых боев за Новгород наши части под давлением численно превосходящих сил противника вынуждены были оставить город. Н-ская часть заняла оборону по берегам рек Волхов, Малый Волховец и озера Ёльмень. За это время немцы не раз пытались прорвать нашу оборону, переправиться через водные рубежи, зайти во фланг. Но все эти попытки были ликвидированы огнём нашей артиллерии, миномётов и смелыми контратаками пехоты. Н-ская часть продолжает упорно удерживать линию обороны. На Новгородском направлении немцы не продвинулись ни на один метр вперёд...»¹⁵.

В МУРАВЬЁВСКИХ КАЗАРМАХ

В сентябре 1941 года мне было приказано перейти на правый фланг обороны дивизии, в Муравьёвские казармы, и обеспечить огнём своей батареи поддержку второго батальона 1000-го стрелкового полка, который был на этом фланге 305-й стрелковой дивизии, обороняя деревни Дубровка, Муравьи и Кирилловка. Деревней Дубровка (включительно) заканчивался Северо-Западный фронт и начинался уже Ленинградский.

В Муравьёвских казармах до войны располагалась воинская часть. Это была старая аракчеевская постройка, где господствовали двухэтажные казармы с толстыми стенами кирпичной кладки. Они разместились вдоль реки Волхов и образовали прямоугольник с внутренним двором, в центре которого стояла водонапорная башня, тоже сложенная из кирпича. Внутри башни – винтовая лестница с деревянными приступками. Слева по Волхо-

¹⁵ Два месяца упорных боев под Новгородом // Известия. 1941. 23 окт. (Авт.)

ву – хозяйственный двор тоже с капитальными кирпичными постройками, где располагались баня, хлебопекарня, конюшни и т. п. Лишь в северной части городка, ближе к Дубровке, стоял современный двухэтажный оштукатуренный и побелённый каменный дом. Каждый дом имел бетонированный подвал с овальными окнами. Это была неприступная крепость. В ней мы и расположились.

Наблюдательный пункт мы выбрали на втором этаже в левой части городка, что ближе к хозяйственному двору. Обзор великолепный. На западном (левом) берегу Волхова были видны населённые пункты Гёрманово, Жарки, Теремёц, занятые противником. Вдали виднелись только крыши тех населённых пунктов, что были ближе к Новгороду.

Во дворе городка, у самого нашего дома, зияла огромная воронка из-под бомбы, наполненная прозрачной водой, что было для нас немаловажно, так как продукты питания мы получали сухими пайками и готовили себе еду сами. Кстати, доставка обедов тоже была небезопасной. До батареи было около шести километров, а напрямую около четырёх, да прямо было не пройти, так как вся местность простреливалась. Сзади нас, на восток, метрах в пятистах начинался кустарник, переходящий в лес, где в двух километрах от нас была деревня Никиткино. На огневую позицию батареи можно было ходить кустарником и затем лесом.

Один из разведчиков расставил стереотрубу и приступил к изучению переднего края противника, а три других разведчика пошли осмотреть территорию городка, познакомиться с пехотой и их позицией. Мои связисты протянули провод до линии пехоты, чтобы подсоединиться к ним, так как своего провода у нас не было в достатке.

Я выбрал ориентиры, измерил между ними углы, определил расстояние до каждого. Выбрал места для пристрелки, реперы¹⁶, составил их схему и начал готовить данные для пристрелки реперов. Вскоре стали возвращаться разведчики, свободные от дежурства. Доложили, где расположена наша пехота, что под нами справа – пулемётчики, далее есть несколько огнёмётов и т. д., обнаружили в стенах казармы неразорвавшиеся артиллерийские снаряды противника. Снаряд пробил стену, не разорвался и торчит в стене. Другой разведчик обследовал водонапорную башню, забрался по винтовой лестнице на самый верх. Пришёл и говорит, что кругом такая красота: река полноводная, луга, неубранные поля, а тут – война. Работать бы и работать, ведь весь урожай погибнет. И чего это

¹⁶ Специально избранная в районе целей для стрельбы вспомогательная точка (объект), по которой ведётся пристрелка орудий с последующим переносом огня для поражения цели.

Гитлеру не сидится, неужто у него дома делать нечего? И, обращаясь ко мне, сказал:

– Вот бы где наблюдательный-то пункт установить!

На это я возразил ему, спросив, что на нашем месте подумал бы противник об этой башне? Тогда разведчик сам отверг своё предложение. Через несколько дней враг подтвердил наши предположения, обрушив на водонапорную башню артиллерийский налёт, во время которого всё дерево внутри неё выгорело. Но до этого я несколько раз на ней побывал и осмотрел тылы противника. Хорошо было видно, как на ладони. С башни я пристрелял несколько реперов в глубине обороны противника. Немцы, конечно, сообразили, откуда я мог просматривать их далёкие тылы: местность-то равнинная.

– Жаль, конечно, что красиво обустроенные населённые пункты заняты врагом, и поэтому нам придётся их разрушать. Но иного выхода просто нет. Жизнь человека как высшего творения природы дороже домов, которые можно снова построить. Убитого человека не воскресить.

Вернулся второй разведчик после осмотра левого фланга нашей обороны – хозяйственных построек. От пехотинцев он узнал, что в этом городке до войны размещался штрафной батальон, в котором за различные нарушения отбывали наказания провинившиеся красноармейцы. В общем, это была та же военная служба, но с более суровым режимом, и время, проведённое в этом батальоне, в срок службы не засчитывалось. Пехотинцы ему показали помещение пекарни, где находился большой чан, полный теста. Прежние хозяева городка так быстро ушли, что и хлеб не успели выпечь, и тесто оставили. Из него красноармейцы уже научились готовить блинчики. Поскольку тесто для хлеба было густым, то его разводили водой, взятой из воронки. Сковородку слегка смазывали веретённым маслом, или, как его попросту называли, «веретёнкой». Оно использовалось для смазки стрелкового оружия, а тут нашло себе новое применение. Попробовали – получилось. Только чуть-чуть с горчинкой выходили эти блины. Долго мы ели этот «деликатес», благо прохладная сентябрьская погода способствовала сохранению теста. Конечно, оно продолжало киснуть, но не настолько, чтобы мы от него отказались. Долго ли, скоро ли, но общими усилиями стрелков, пулемётчиков, артиллеристов и огнемётчиков это тесто закончилось.

Наблюдение за противником мы вели круглосуточно, оборудовав для этого одну из комнат. Поэтому спали поочерёдно на полу соседней комнаты. Она была отделена от собственно наблюдательного пункта кирпичной стеной. Попасть в окно нашего наблюдательного пункта с первого снаряда

– это на грани фантастики. Но иногда мы получали «гостинцы» – снаряды противника. Обычно, когда первый снаряд летит в стену, то успеваешь убежать в «спальню», а когда налёт кончится, то возвращаешься обратно на наблюдательный пункт, где в воздухе висит кирпичная пыль и ничего не видно. Возвратишься в «спальню» и периодически поглядываешь: как там, на наблюдательном пункте, видимость? Посветлело – снова берёшься за бинокль или стереотрубу.

Нам накрепко внушили ещё в училище уважать противника, никогда не умалять его возможностей, не считать его глупее себя, не стоять к нему спиной. Надо стремиться разгадать замыслы врага. Для этого нужно представить себя на его месте и решить, как бы вы поступили. В общем, уважение к противнику – это целая наука. Пренебрежение ею ведёт к расплате кровью, а нередко и жизнью.

Пристрелял я реперы, составил схему огней на местах возможного скопления пехоты противника, наметил заградительные огни на местах возможного прохода танков и пехоты. Начертил панораму местности, на которую нанёс передний край противника с его огневыми точками, пока только теми, которые выявили. В общем, при появлении противника в любом месте переднего края и ближайшей его глубине наша батарея могла накрыть его своими снарядами.

До прихода в Муравьи наша артиллерия мало беспокоила немцев. А они вели себя нагло до примитивности. Переоденутся, бывало, в просторное женское платье (что-то сродни сарафану) и ходят по открытой местности в одиночку или небольшой группой из двух-трёх человек, изучая наш берег Волхова. Но мы в стереотрубу, да и в бинокль, отчётливо видим все мужские черты в их поведении: военную выправку, резкие движения, широкий шаг, повышенный интерес только к нашей, восточной, стороне, иногда даже использование бинокля. Чтобы себя окончательно демаскировать, им оставалось ещё только закурить. Но чего не было, того не было.

Кроме листовок, немцы вели здесь и наглядную агитацию. Так, напротив Кирилловки, что слева от нас, но на западном берегу Волхова, около Гёрманова, был отдельно стоящий новенький одноэтажный домик с достаточно высоким крыльцом на север. Недалеко от этого дома был построен аккуратненький курятник. Других строений не было. Где-то в полдень на крыльцо дома выходила женщина, одетая в белое платье, прямо-таки по-праздничному. В руках у неё был не то таз, не то лукошко с зерном, из которого она, не сходя с крыльца, бросала зерно горстями вразброс на землю. Со всех сторон к ней сбегались белые куры и торопливо его клевали. Покормив кур, женщина удалялась в дом. Через два часа всё

повторялось с немецкой пунктуальностью. В других населённых пунктах, занятых противником, не то что дома с курами, но и ни одной курицы ни я, ни разведчики мои не видели. А ведь всё просматривалось нами в глубину и по фронту на несколько километров. Так что это была чистой воды постановка. Так топорно немцы демонстрировали «счастливую» жизнь наших граждан на территории, занятой ими.

Когда наступила пора убирать картофель, немцы показывали, как они оказывают помощь местному населению в уборке урожая. Происходило это так. Напротив Муравьёв, на западном берегу Волхова, расположен населённый пункт Жарки. Левее от нас, то есть южнее Жарков метров на 200, на самом берегу росла небольшая и негустая сосновая роща, в которой просматривался крепкий блиндаж. Между Жарками и рощей – картофельное поле. И вот на этом поле, которое нам прекрасно видно, идёт уборка картофеля. Неказистый мужичок, которого, наверное, по здоровью или по годам не взяли в армию, на своей лошадке, тоже негожей для армии, что мои конники враз определили на глаз, выпаживает ряды картошки. А женщины, в рабочей полевой одежде, и солдаты противника в форме, но без всякого оружия (смотрите, как мы дружно и согласно трудимся!), помогают нашим солдаткам и вдовам убирать урожай. Вот такая показуха для нас разыгрывалась.

Я решил эту наглядную агитацию прервать, тем более что шрапнель на батарее была. На поражение не переходил, так как перед нами были ни в чём неповинные женщины. Немцы же в такой ситуации непременно стреляли бы на поражение. Первый контрольный выстрел я произвёл небольшим «журавликом». «Журавлём» у артиллеристов называется такой разрыв, когда стакан со шрапнелью взрывается высоко над головой, не причиняя вреда. Увидев разрыв, «работнички» свою показную уборку урожая прекратили и завертели головами во все стороны. Увеличиваю трубку, чтобы снаряд полетел по той же траектории, но разрыв шрапнели произошёл ниже и несколько дальше. Скомандовал:

– Один снаряд! Взводом огонь!

Два разрыва шрапнели разорвались дальше метров на 150. Первыми к блиндажу в сосновой роще рванули «бравые» вояки, чуть не топчя друг друга. Затем неказистый мужичок с такой же лошадкой и плугом спрятался за строениями в Жарках. А последними затрусил вперевалку, как утицы, женщины, выдавая свой уже немолодой возраст. Выждав, когда женщины добегут до блиндажа в роще и спрячутся в нём, где давно уже сидят солдаты-завоеватели, дал для острастки два снаряда по роще. После этого «спектакли» прекратились. А вскоре пришлось разогнать и весь

курятник с его «хозяйкой». В ответ на это фрицы расшумелись, и огонь их батарей на наши головы усилился.

Наша пехота где-то раздобыла патефон и иногда, когда стемнеет, ставила его на берегу у самого Волхова. Заведут пластинку, а сами идут в укрытие. По воде музыку разносит далеко и слышно хорошо. Немцы слушают со вниманием, никто не стреляет. Но вот музыка кончилась, и они открывают шквальный огонь. Только успевай засекать их цели, так как в сумерках хорошо видны вспышки огня из стреляющего оружия. Сначала они бьют по предполагаемому месту нахождения патефона. Потом переносят огонь на нас, то есть на Муравьи, а нам приходится прятаться. Особенно немцы любили слушать «Катюшу». Пока эта песня лилась по Волхову, тишина была абсолютная. И когда «Катюша» заканчивалась, то и стреляли они меньше, чем после других песен. Попасть же в патефон было трудно, и он сравнительно долго помогал нам развлекаться, а противника заставлял практически попусту тратить боеприпасы.

Со временем вода в воронке стала портиться, но мы продолжали ею пользоваться для умывания и приготовления пищи. Сначала она стала кисленькой, а затем с какими-то противными примесями на вкус и даже на запах. Послал я одного красноармейца к пулемётчикам выяснить, откуда они воду берут и почему из нашей воронки не пьют? Выяснилось, что они берут воду из другой воронки, которая хоть и подальше расположена, но вода в ней хорошая. А из нашей воронки они не берут потому, что ещё в конце августа или начале сентября они в ней своих двух убитых захоронили. Таким образом, мы пили эту воду месяца полтора. Пришлось и нам брать воду из воронки пулемётчиков.

Как-то разведчик Лебедев пошёл за тестом в пекарню, а по пути обследовал пустые конюшни и нашёл от сёдел ленчики, все кожаные. Ленчик – это недоукомплектованное седло, в котором не хватало «крышки» и «крыльев». Мы обрадовались, что теперь все верховые лошади тоже будут ходить под сёдлами, хотя и недоукомплектованными. Оказалось, что Лебедев и в Муравьях до войны успел послужить. О нём хочется сказать отдельно.

Николай Лебедев прибыл к нам с одной из групп пополнения. Однажды я пришёл на огневую позицию батареи. Там заметил у старшины Сергея Осиповича Виноградова нового ездового, фактически его помощника. Разбитной такой человек лет 27, сообразительный. Подошёл я к старшине

и говорю, что рано ему ещё обзаводиться такими помощниками. У меня, говорю, разведчиков мало, а тут смотри какой молодец-удалец, разведчик да и только. Обращаюсь к Лебедеву:

– В разведчики пойдёте?

Вижу, немного замялся он, но после небольшой паузы согласился. Так наш взвод пополнился, как выяснилось позже, очень хорошим человеком и разведчиком. В кадровой армии он не служил. Но воевал в финскую войну, где был награждён орденом «Красной Звезды», освобождал западные Украину и Белоруссию. Был весёлым, всегда поднимал настроение бойцов, а на войне такой человек – клад. Была в нём и хозяйственная жилка: вечно что-нибудь находил нужное и приносил на батарею.

Противник в те дни обычно производил артиллерийский обстрел в одно и то же время, по одним и тем же местам. Зная этот график, можно было выбрать период затишья для безопасного прохода на огневую позицию батареи, что мы и делали, тем самым избегая потери людей. На нашем участке обстрел начинался в 9.00 с Муравьёв, то есть там, где занимали оборону мы. Затем он переносился в направлении деревни Никиткино, по опушке леса, где уже никого не было, и последний налёт – правее второго метров на 700 и в глубине леса метров на 200, где тоже не было наших. После этого все обстрелы прекращались до 14.00 и затем начинались так же по тем же участкам. Примерно, с 11.00 до 14.00 можно было ходить, не опасаясь налётов. В дальнейшем, когда мы немножко «разбогатели» снарядами и начали существенно беспокоить противника, педантичный график обстрелов был нарушен, и, если не принять меры маскировки, то снаряд противника прилетит к вам в «гости» непременно.

Вскоре немцы активизировали свои действия по захвату плацдармов на восточном берегу Волхова. Они прощупывали наши фланги, но получали решительный отпор. Активизация гитлеровцев проявлялась, в частности, и в том, что они начали накапливать боеприпасы непосредственно на передовой, создавая их склады. Так, разведчики 5-й батареи нашего полка обнаружили в здании школы деревни Жаркí склад боеприпасов. Местность мною была пристрелена. В результате двух прямых попаданий школа загорелась. Начали трещать патроны, взрываться гранаты и вылетать во все направления осветительные и сигнальные ракеты. Склад боеприпасов для пехотных подразделений противника перестал существовать.

Стали с большей результативностью работать разведчики наших стрелковых подразделений, добывая «языков» и тем самым пополняя наши сведения о противнике, в том числе и об огневых позициях врага. Все эти данные позволяли укреплять наше противостояние противнику. Напри-

мер, артиллеристы уже знали, куда в случае реальной угрозы наступления врага нужно в первую очередь направить артиллерийский огонь.

Стойкость воинов 305-й стрелковой дивизии не оставила противнику никаких надежд на прорыв в направлении Новгород – Москва и достижения каких-либо успехов на рубеже Новгород – реки Малый Вólховец и Волхов, а также деревень Муравьи и Дубровка включительно.

Тогда противник активизировал свои действия на рубеже обороны нашего правого соседа, 267-й стрелковой дивизии, сформированной, в основном, из жителей Черниговской области Украины. Он предпринял меры к дестабилизации её обороны, развернул пропагандистскую деятельность. Она выражалась в том, что немцы вели агитацию через громкоговорители и листовки, призывая «братьев-черниговцев» прекратить боевые действия и сдаться в плен, обещая им отправку на родину. В листовках, которые забрасывались с самолётов, говорилось, что в Черниговской области идёт передача земель колхозов крестьянам под лозунгом: «Свободолюбивому крестьянину – своя земля». Воинам-крестьянам гитлеровцы советовали поторопиться, чтобы не остаться без земли. Несмотря на всю лживость этих листовок, отдельные группы людей, слепо поверив обещаниям, начали перебегать к немцам. Конечно, эти отдельные перебежчики особого урона 267-й стрелковой дивизии не нанесли, но сбрасывать со счёта этот факт нельзя.

Противник, пополнив свои ряды силами двух дивизий, переброшенных с других фронтов, форсировал реку Волхов в середине октября 1941 года в стыке 267-й стрелковой дивизии с 305-й. Дела нашего правого соседа шли плохо, а точнее, хуже некуда. Противник смял боевые порядки дивизии, нанёс удар в направлении Малой Вишеры, взял её 24 октября и нанёс вспомогательный удар в направлении Новгорода для захвата правобережья реки Волхов. 848-й стрелковый полк 267-й стрелковой дивизии под натиском превосходящих сил противника был вынужден оставить населённые пункты Шевелёво, Змейско и Посад. Предпринятые нами попытки восстановить положение успеха не имели, а для немцев открылась дорога на Тихвин.

305-я стрелковая дивизия получила задачу сдерживать продвижение противника на правом фланге, измотать его силы и остановить дальнейшее продвижение. С этой целью из-под Новгорода в полосу обороны 267-й стрелковой дивизии были переведены 1002-й и 1004-й стрелковые полки. Сразу остановить продвижение врага, превосходившего нас в силе по всем родам войск, воины 305-й стрелковой дивизии не могли. Однако, ведя активные бои, подразделения дивизии наносили ощутимые удары по

наступающим частям противника и, в конце концов, сумели их остановить на рубеже Дубровки – Никиткино и далее на северо-восток к Посаду.

Очевидцы тех событий рассказывали о боях подразделений 305-й стрелковой дивизии. Наши бойцы заняли оборону на одном из участков, где никаких оборонительных сооружений не было сделано, даже не успели окопаться. Показалась колонна немцев, идущих по дороге. Впереди идёт офицер в белых перчатках. С нашей стороны при подходе колонны начались одиночные винтовочные выстрелы. Офицер снял с правой руки белую перчатку, переложил её в левую, и начал махать по очереди руками: то левой влево, то правой вправо. Колонна начинает разворачиваться в цепь и ускорять шаг. Офицер падает – убит. Из цепи выскакивает другой офицер и начинает, как и первый, махать руками. И в это время два наших «максима» ударили по колонне. Основная масса противника была перебита, а оставшиеся в живых обратились в бегство.

Такая же ситуация, примерно, была и с нашей стороны. Из разрозненных неорганизованных групп 267-й стрелковой дивизии и части бойцов 305-й стрелковой дивизии сформировали батальон, в который послали 26 командиров и политработников из 305-й стрелковой дивизии, в основном. Перед батальоном поставили задачу: остановить наступающего противника и вернуть утраченный рубеж. Двадцать шесть командиров и политработников поднялись в атаку, и их всех перебили немцы из стрелкового оружия, а из лежащих бойцов этого батальона никто вслед за ними не поднялся. В то время командиры и политработники должны были идти впереди наступающих цепей. Лишь позже, когда было потеряно много лиц командного состава, был издан приказ, по которому впереди идут младшие командиры с бойцами, а средние командиры идут за своими подразделениями и руководят боем. А батальон, о котором идёт речь, был затем пополнен командирами и политработниками из резерва и занял оборону правее Никиткино.

В один из вечеров октября 1941 года к нам на наблюдательный пункт пришёл командир стрелкового батальона капитан Белоусов. Он отозвал меня в сторону и сказал, что сейчас бойцы его батальона оставляют Дубровку и занимают оборону в Муравьях, а немецкие войска втягиваются в Дубровку. Этот наш тактический маневр – оставить без боя Дубровку и закрепиться в Муравьях – был единственно правильным решением в той обстановке. Белоусов пояснил, что в его батальоне насчитывается всего тридцать активных штыков. Батальону были приданы пулемётная рота и несколько огнёмётов. С рассветом противник будет атаковать Муравьи. Моя задача – огнём артиллерии не допустить захвата Муравьёв, иначе говоря, уничтожить пехоту противника на подступах к ним.

Ещё сегодня в светлое время суток Дубровка была нашей и, естественно, о её пристрелке не шло и речи, а теперь пристрелку не проведёшь из-за темноты. Придётся ждать до рассвета. В сумерках противник попытался захватить наши позиции на северо-западной окраине Муравьёв, но был выбит нашей пехотой, которой помогли огнемётчики.

Ночь прошла в тревожном ожидании. Были усилены посты и наблюдение за противником. Свой наблюдательный пункт ещё с вечера я перенёс на второй этаж казармы, расположенной в северо-западном углу городка, что ближе к реке Волхов и в 500 метрах от Дубровки. Сапёры всю ночь ставили мины на поле около Муравьёвских казарм. Пулемётчики так расположились в подвалах Муравьёв, что могли своим огнём обеспечить практически их круговую оборону. Наряду с решением многих вопросов по обороне велась и разъяснительная работа о значении Муравьёв в предстоящих боях. Все понимали, что их оставить нельзя. Если противник возьмёт их, то в последующих населённых пунктах, не имеющих оборонительных сооружений, мы не задержимся и будем разбиты и уничтожены. Слишком неравными были силы наступающих и обороняющихся в пользу первых.

Волхов только-только начал у берегов покрываться льдом. Напряжённость в ожидании предстоящего боя и подготовка к нему возрастала. Наконец начал брезжить рассвет. Густой белый туман – как молоко. Ничего не видно. Со стороны реки налетел лёгкий порыв ветра, пелена тумана разорвалась, и я чётко вижу в бинокль: метрах в двухстах от нас плотной цепью стоят во весь рост солдаты противника в чёрной эсэсовской форме. Рукава гимнастёрок засучены до локтя. За первой цепью стоит вторая, за второй – третья...

Только вчера мы вели бои за Волхов, а сегодня немцы, самоуверенные, улыбающиеся стоят уже на нашем берегу, рядом. Ветерок стих, и туман снова поглотил всё виденное. Срочно подготовив данные для ведения огня своей батареей, я передал их по телефону на огневую позицию. Стрелять пока нельзя: видимость никакая. Связь – одна нитка кабеля на всю дивизию. Из-за непрерывного галдёжа по телефону пойми-разбери команды артиллеристов. У нас был уговор, что по команде «Снаряд на линии!» пехота прекращает все свои разговоры по телефону. Однако обстановка сложилась очень напряжённая, и я с такой командой не торопился. Я был уверен в том, что в нужный момент связь не подведёт. И действительно, за всё время боевых действий под Новгородом не было случая, чтобы мою команду наши телефонисты перепутали. Вот высочайшая оценка работы наших связистов.

Наконец туман начал рассеиваться. Налетели «юнкерсы» и давай нас бомбить, сменяя одну эскадрилью другой. Проутюжили так, что всё перемешалось: и земля, и небо. Видимость – ноль. Оглушенные от разрывов, засыпанные кирпичной пылью и крошкой, которая набилась и в рот, и в уши, мы только заняли свои места, как начался артиллерийский обстрел. Наш дом – весь в дыму и кирпичной пыли, снаряды рвутся в соседней комнате, под нами на первом этаже и над нами на чердаке. Я ничего не вижу. Чуть пыль осядет, начинаю стрелять, а противник опять обрушивает шквал снарядов – и наш наблюдательный пункт снова ослеплён. В конце концов, свою батарею всё-таки пристрелял. Снова начался артиллерийский налёт противника, ну никакой передышки! Надо вести прицельный огонь, а видимости нет. Послал командира отделения разведки, сержанта Черноусова, с разведчиком на правый фланг, где огонь противника тоже был жестокий, но всё же чуть слабее, чем у нас, с заданием выбрать новый наблюдательный пункт, возможно, в крайнем белом доме. Сам же приступил к выполнению приказа пристрелять другую батарею нашего дивизиона. И так одну за другой пристрелял наш второй дивизион и ещё две батареи другого дивизиона нашего же полка. Сообщил им данные, по которым они приступили к самостоятельному ведению огня. Вернулись с правого фланга сержант Черноусов с разведчиком и доложили, что наиболее удобный наблюдательный пункт будет в белом доме на втором этаже. Обзор хороший и видимость лучше, ибо там огонь ведётся не так прицельно, как здесь. Наш-то теперешний дом у немецких корректировщиков на виду, а белый дом они не видят. Я послал Черноусова с другим разведчиком и связистом, чтобы они подготовили на новом месте связь с батареей и организовали наблюдение за противником, сказав, что через час мы придём к ним. Закончив здесь пристрелку, мы перебежками от здания к зданию перебрались на новый, теперь уже третий по счёту, наблюдательный пункт в Муравьях. Да, здесь действительно обзор хороший. Одна из казарм, правда, несколько скрадывает правый фланг противника, но разрывы снарядов своих батарей я вижу хорошо, а прямо по фронту обзор просто великолепный.

Рядом с нами, несколько правее и метров на 20-30 вперёд, была оборудована пулемётная ячейка, в которой находился боевой расчёт со своим «максимом». Неподалёку от нашего дома стоял политрук пулемётной роты Василий Андреевич Павлов, руководивший обороной Муравьёв на этом участке. Павлов был лет 25, высок, строен, хорош собой, со светло-русыми волосами. Он спокойно отдавал распоряжения своим пулемётчикам, указывал, на что следует обратить внимание в первую очередь. Голос его

был ровным, без срывов на крик и ругань. И говорил так, как говорят об обыденной работе, которую нужно выполнить добросовестно. Спокойствие и рассудительность политрука Павлова действовали успокоительно и на нас, артиллеристов.

Справа от нас была открытая местность, а дальше метров через 200 начинались кусты, переходящие в лес. На этом открытом и ровном пространстве не было ни наших, ни немцев. Между Муравьями и Дубровкой, примерно на пятистах метрах, была также ровная местность, где и развернулся наш бой. Перед Муравьями – наше минное поле. Пехота и пулемётчики – в подвалах каменных казарм, где окна сверху были овальными, а низ и бока их – прямыми, как раз по размеру щита пулемёта «максим». Когда пулемётчики установили пулемёты в эти окна, то щит пулемёта закрывал окно. В ходе боя ни одна вражеская бомба, а тем более артиллерийский снаряд, не пробил подвал. Обстрел же из окна очень хороший. И вот эсэсовцы совместно с «голубыми» (испанцами), а тех и других было по полку, решили взять Муравьи в лоб.

Впереди шли небольшие группы немецких сапёров с задачей сделать проходы в нашем минном поле. Часть этих солдат шла с автоматами и стреляла по земле впереди себя по минному полю, а другая часть шла с длинными шестами перед собой и прощупывала мины. Если мины попадали под пули автоматов или под конец шеста, то они взрывались, не причиняя вреда этим разминировщикам. А за ними двинулись цепи пехоты противника. Вступившая в бой наша артиллерия существенно проредила эти цепи и нарушила их стройность. В конце концов, из трёх цепей пехоты противника осталась одна, собранная из остатков. Стремление противника овладеть Муравьями не ослабевает. Видимо, он посчитал, что после многочасовой бомбёжки и артиллерийской подготовки, которые обрушились на Муравьи, в них ничего живого уже не осталось. И вот началась очередная атака – которая – уже со счёта сбились. Противник приблизился к Муравьям настолько, что ему осталось сделать последний бросок. И тут дружно заговорили наши пулемёты. Всё вражеское построение смешалось. Поле, до этого ровное, покрылось бугорками, как кочками на низком месте, – телами погибших незваных пришельцев. Оставшиеся в живых отошли на исходные позиции и попрятались в Дубровке. Но они не оставили своих планов по взятию Муравьёв, как это стало ясно после небольшой передышки.

Вот как развивались дальнейшие события. Через Дубровку проходила дорога, и я её неплохо просматривал. От меня слева к дороге примыкал не очень глубокий овраг, часть которого мне тоже была видна. В нём начала

накапливаться пехота противника, численность которой мне было трудно установить, но куда больше роты. Это только то, что я видел. Коль скоро на нашем левом фланге и в центре немцам не удалось пробиться к Муравьям, то они, видимо, решили попытаться овладеть ими на нашем правом фланге, а это почти напротив нашего наблюдательного пункта.

В это время меня вызвали к телефону. И говорят то ли командир дивизиона капитан Домнич, то ли кто-то из штаба полка:

– Корректируй огонь 152-миллиметровой пушки-гаубицы!

Конечно, не так прямо, а закодированно, но я понимаю, что это значит. Говорю, что готов. Затем передают:

– Выстрел!

И через некоторое время вижу разрыв снарядища в самой гуще скопления пехоты противника в овраге. Мне лишь осталось скомандовать:

– Беглый огонь!

А затем я перенёс огонь туда, где не видел людей, но не сомневался в том, что они там есть. Атака противника была сорвана. По телефону я позвонил в полк и попросил поблагодарить «старшего брата» за отличную работу. Для них это было к месту, ибо их батарея стояла в районе Посада, и обстановка там была тревожная. Это были тылы, в которых служили, как правило, люди старшего поколения, нестроевые и необстрелянные. Да ещё кое-кто с передовой принёс им слух «наших бьют!», ну и пошло-поехало, чуть ли не паника.

У нас наступило некоторое затишье, и мы вспомнили, что со вчерашнего ужина ничего не ели. Мы на своём наблюдательном пункте по моей инициативе посоветовались и решили приготовить завтрак, обед и ужин сразу из всех имеющихся у нас продуктов по двум причинам: во-первых, почти сутки мы были без пищи, и чувство голода подтолкнуло к такому решению. И, во-вторых, неизвестно, как военная фортуна к нам повернётся, и сможем ли мы найти время ещё раз приготовить себе обед. Лебедев ещё пошутил, сказав, что если съедим все продукты, то оставшиеся в живых нас помянут:

– Вот черти, всё съели!

А если – нет, то съедят они наши продукты, а о нас ничего не скажут, то есть, не помянут. На прежнем наблюдательном пункте у нас была кухонная утварь и все приспособления для приготовления пищи. И я отправил туда трёх человек для выполнения такого важного и единодушного решения. Эти трое во главе с сержантом Черноусовым ушли, вернее сказать, убежали, так как шли они не так, как принято, а то делали рывок вперёд, то лежали, вжавшись в землю, чтобы избежать осколков рвущихся снарядов, то снова совершали бросок и так далее, пока не достигли цели.

Тут налетела авиация, и мы пережили очередную бомбёжку, правда, более слабую, чем с утра, но весьма ощутимую. После бомбёжки начался довольно продолжительный артиллерийский налёт. Затем наступила тишина. А тишина на войне, как и затишье перед бурей или грозой – предвестник боя, то есть жди атаки со стороны противника. Теперь главное – определить, откуда они пойдут. У нас было недостаточно людских ресурсов, чтобы обеспечить должную безопасность юго-западной части Муравьёвских казарм. Противник, видимо, об этом догадался, когда проанализировал все свои неудачные попытки захватить Муравьи, а также наблюдения за нами.

Под прикрытием артиллерийского огня две группы немцев просочились по берегу Волхова в эту часть Муравьёвских казарм. Одна группа, человек тридцать, проникла сюда с той стороны, где находился хозяйственный двор с постройками – баней, пекарней, манежем и другими. Вторая группа, численностью поменьше, залегла в канаве, что проходила вдоль городка со стороны реки Волхов, под окном нашего первого наблюдательного пункта, куда ушли трое наших бойцов готовить обед. Вот двое готовят пищу, а третий ведёт наблюдение. Смотрит вдаль и вдруг, можно сказать, у себя под ногами, видит лежащих в канаве солдат противника. Один из них машет руками над головой, давая знак своим прекратить огонь. Немецкая артиллерия огонь прекратила, и наши три человека по команде Черноусова начали сверху забрасывать этих немцев ручными гранатами. Группа противника была уничтожена, так и не успев подняться для броска к казарме. Вот так трое, сержант Черноусов, разведчик Лебедев и связист Суворов, проявив смекалку и выдержку, уничтожили 15 солдат противника и доставили нам на третий по счёту наблюдательный пункт обед, вернее, завтрак, обед и ужин вместе. Поели мы тогда хорошо, и ещё осталось еды на завтрак следующего дня.

Во второй группе противника было человек тридцать. Она вплотную подошла к зданию конного манежа с запада, то есть тоже от реки Волхов. Там был наш станковый ротный пулемёт, который открыл, было, огонь, но вскоре смолк. В это время подошли на помощь полковые разведчики с автоматами и смело атаковали противника, ведя прицельный огонь из своего оружия. Фашисты бросились бежать и попали под огонь второго пулемёта, Ивана Яроша. Одним из этих разведчиков был Михаил Михайлович Беляев, который войну закончил капитаном. Таким образом, и эта группа немцев почти вся была уничтожена.

Противник, видимо, полагал, что нанесение удара по Муравьям одновременно с двух направлений – с фронта и тыла, решит исход сражения в их пользу. Так бы оно и было, если бы не подоспевшие разведчики. Ведь

было нас, защитников Муравьёв, всего человек пятьдесят, включая артиллеристов.

К вечеру стало спокойнее. За первый день боёв наши потери, по данным пехоты – один человек убит и двое ранено. Все трое – связные, которые, невзирая на огонь, бегали с приказаниями командира батальона по организации и ведению боя и выяснению обстановки. Другой-то связи между подразделениями батальона в Муравьях не было.

На другой день мне принесли очень тёплое и сердечное письмо от командира нашего дивизиона, капитана Домнича. В письме он всех нас благодарил за стойкость и выдержку, за то, что мы не дрогнули под напором врага, который и численно, и вооружением превосходил нас. Он писал, что мы отлично справились с поставленной перед нами задачей и отстояли Муравьи. Заканчивалось письмо сообщением, что я и вся моя группа разведчиков и связистов представлены к правительственным наградам, и надеждой, что это не последний раз. Такая высокая оценка нашего ратного труда согрела нас и подняла настроение. Долго я хранил это письмо в нагрудном кармане гимнастёрки, пока оно не истлело. Обещанных наград никто из защитников Муравьёв не получил ни тогда, ни после, а ведь это была самая западная точка на карте всех фронтов Советского Союза после Ленинграда. И отстояли её 50 человек, выиграв сражение с двумя полками пехоты вермахта. Впрочем, нашему командованию в то нелёгкое время было не до наград солдатам: только успевай закрывать прорехи в обороне и организовывать отпор врагам. Да и мы, говоря словами поэта, «бой вели не ради славы».

Реальной и желанной наградой нам был обед, который по распоряжению капитана Домнича приготовил старшина батареи С.О. Виноградов (свои-то продукты мы съели ещё вчера!). Это было первое ощутимое признание. Похваливали-то нас и раньше, но чтобы устроили обед, да ещё с чаем! Это с начала войны было впервые.

Жестокие бои за Муравьи продолжались до середины ноября. Хотя их накал постепенно ослабевал, но каждый день нас бомбила вражеская авиация и свирепствовала её артиллерия, не говоря уж о стрелковом оружии врага, которое вообще не умолкало.

Постепенно всё же напряжённость боев стала снижаться. Получив хорошую нахлобучку, противник перешёл к строительству оборонительных сооружений. Мы тоже предприняли некоторые оборонительные работы: устроили в простреливаемых местах ходы сообщения, замаскировали огневые точки. Наши связисты старались провести связь так, чтобы провода при обстреле сохраняли свою целостность. Не подвешивали их по дере-

вьям, как учили до войны, а тянули по земле и ещё лучше – по окопам, да так, чтобы не мешали проходу людей и противник не просматривал. Мы выбирали новые ориентиры, пристреливали новые реперы, так как старые в процессе боя были ликвидированы или искалечены и для использования не годились. Артиллеристы составляли новую систему огня, разведчики изучали систему обороны противника, отыскивали новые огневые точки и выполняли прочие немаловажные работы.

Пунктуальность в ведении немцами артиллерийского огня была окончательно нарушена. Теперь они открывали огонь, когда считали нужным, а не тогда, когда час наступил. Но время приёма пищи по-прежнему соблюдалось ими строго, если мы, конечно, не вмешивались. Свои оборонительные работы немцы проводили по ночам. Вечером ничего не было, а утром смотрим – дзот¹⁷ стоит и пулемёт торчит. Когда успели? Вначале они их плохо маскировали. Иногда их сооружение напоминало русскую деревенскую баню без крыши. Попасть в такой объект, да ещё прямой наводкой, труда не составляло. Мы такие сооружения старались не трогать: пусть думают, что у них всё хорошо, а когда понадобится, сразу разнесём по бревнышку. Прошли гитлеровцы почти по всей Европе, а настоящей войны не видели. Только у нас и начали ей учиться. Но нужно отдать им должное: схватывали всё на лету и быстро освоили способы ведения войны в новых условиях. Колоннами в бой больше не ходили, окапывать и возводить укрепления научились быстро и добротнo. Порой на зависть нам.

Вскоре Волхов встал, покрылся льдом. Но лёд был тонкий и не выдерживал лошадь. Немцы выход нашли быстро. Отобрали у перебежчиков тёплую одежду (а мы с октября месяца перешли на зимнюю форму), переделали их в свою летнюю с пилотками и заставили в лёгких конных санях возить боеприпасы с западного на восточный берег Волхова. Некоторые из перебежчиков начали возвращаться обратно к нам. Вот прибежит один такой, а мы его, конечно, спрашиваем:

– Ну как, свободолюбивый крестьянин, получил обещанную землю? Много вас немцы отправили в Чернигов?

А он отвечает, что не сдавался добровольно, а его немцы в плен взяли силою. В Чернигов они, вопреки своим обещаниям, никого не отправили, сказав, что сначала надо помочь рейху. Тёплую одежду немцы отобрали для своих солдат, а перебежчиков переделали в свою летнюю и заставили их вместо лошадей возить боеприпасы через Волхов. Суточная норма питания для перебежчиков была установлена немцами в пять варёных в

¹⁷ Долговременная заградительная огневая точка.

мундире картошек. Хлеба совсем не давали. Мы этих возвращенцев отправляли в особый отдел, который и разбирался с ними.

Выпал первый снег. Я решил осмотреть с чердака окрестности. Стал проделывать отверстие в крыше, а снег с этого участка крыши сполз, образовав тёмное на белом фоне пятно, видимое издали. Немцы сразу открыли пулемётный огонь по крыше. Я успел спрятаться за кирпичную трубу, от которой летела пыль и кусочки кирпича, отбитые пулями. Пришлось незадачливому наблюдателю ретироваться снова на второй этаж. Но впоследствии я рискнул несколько раз корректировать с чердака огонь батареи, и всё обошлось.

Наконец-то мне разрешили сходить на огневую позицию батарей помыться в бане. Все мои разведчики и связисты поочерёдно уже вымылись. Баня была в обыкновенной землянке, но с полком в парилке. Там же стояла железная бочка с горячей водой, которая подогревалась, а жара в землянке-бане была большая. Два месяца мы не были в бане. И каждый день – в поту, копоти и грязи. Огневики ещё нет-нет да и помоятся (баня-то близко), а мы такой возможности не имели. Вместо мочалки – щётка, которой коней чистили. Дерёт она, но два раза намылишься – и блестяшь. Да ещё и веником похлещешься. Вся усталость проходит.

После бани разведчики и связисты предлагают выпить водки, я отказываюсь, но они настаивают и говорят:

– Пей, лейтенант, всё равно убьют!

В конце концов, я протянул ложку, мне в неё наливают, беру в рот – противно. Выплёвываю. А наливший мне водки лишь сказал:

– Эх, пропало добро!

Так повторялось несколько раз в разные дни, пока я не привык. И всё же даже после этого я водке предпочитал сладкий чай, который, к сожалению, был большой редкостью. А вот в том, что убьют, сомневался.

К вечеру я уже вернулся в Муравьи, где разведчики мне рассказали, что в обеденное время солдаты противника оставили одного пулемётчика дежурить, а сами ушли обедать. Этот дежурный схватил пулемёт и быстро пошёл в нашу сторону, иногда поднимая вверх свободную руку, сжатую в кулак. Мы удивились: надо же, бежит в нашу сторону, да ещё и кулаком грозит! Он один, а наших десять человек, да ещё пулемёт в его сторону направлен. Решили так: пусть подбежит поближе, а там посмотрим. Оказалось, что это испанец, а его «угроза» – поднятая вверх рука со сжатым кулаком – означала «не пройдёт!», то есть «фашизм не пройдёт!» Испанец рассказал, что он республиканец и записался волонтером в армию, чтобы перейти к нам. Об этом факте в то время писала газета «Правда».

Закрепившись в военном городке и создав небольшие дополнительные оборонительные сооружения, мы превратили Муравьи в неприступную крепость. Противник довольно легко мог окружить нас, и мы были бы лишены возможности нанести ему сокрушительный удар, но он почему-то предпочёл лобовую атаку в пределах городка и потерпел разгром, потеряв два полка от небольшой группы оборонявшихся воинов. После такого неожиданного отпора, немцы сами перешли к обороне на нашем участке, а все силы бросили на Малую Вишеру.

А мы снова сели на «голодный паёк»: было приказано расходовать не более десяти снарядов в день. Числа 5 ноября противник не стрелял, не вёл артиллерийского огня, не слышно было и стрелкового оружия. С нашей стороны – тоже тишина: сэкономили боеприпасы. 7 ноября было так же тихо. Но с 8 ноября началась пальба с обеих сторон, как и прежде. Солдаты поговаривали, что, видно, сначала был какой-то праздник у противника, и если мы его им не нарушили, то есть не вели огня, то и они 7 ноября¹⁸ не стреляли по нашим позициям.

В порядке краткого итога боёв за Муравьи следует отметить не только выгодные для нас условия местности, крепкие стены, перекрытия и подвалы казарм. Но и хорошо продуманную нашими командирами и, в первую очередь, командиром батальона капитаном Белоусовым, организацию обороны городка и умелое руководство боем. Хорошо обученный и подготовленный личный состав гарнизона Муравьёв; чёткое взаимодействие пехоты и артиллерии; твёрдость духа, высокая воля к победе, выработанные у воинов 305-й стрелковой дивизии за время многих боёв – вот основные составляющие достигнутого успеха. В достатке было и боеприпасов всех видов. Сюда же следует отнести и отличный тактический ход – своевременное оставление Дубровки и концентрация всех сил этого участка в Муравьях.

Если бы мы приняли бой в Дубровке, состоящей из деревянных крестьянских домов и не имеющей никаких укреплений, и на нас бы обрушился такой же огонь, как и на Муравьи, мы бы все погибли, а противник почти безнаказанно захватил бы и крепость, и все последующие деревни. Таким образом, он выполнил бы свою задачу – расширить плацдарм до озера Ильмень. А дальше – прекрасное шоссе и железная дорога на Москву. Реальность такого неблагоприятного для нас исхода была вполне понятна всем защитникам Муравьёвских казарм – военного городка Муравьи.

¹⁸ День Великой Октябрьской социалистической революции.

БОИ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ПРАВОГО БЕРЕГА ВОЛХОВА В НОЯБРЕ-ДЕКАБРЕ 1941 ГОДА

Числа 20 ноября 1941 года я получил приказ оставить Муравьи и перейти в район деревни Никиткино для обеспечения артиллерийской поддержки нашей пехоты, занимающей там оборону.

Никиткино было расположено в двух-двух с половиной километрах на восток от Муравьёв. На юг от деревни, в пределах 300-400 метров, находился командный пункт 2-го батальона 1002-го стрелкового полка. Начальник штаба батальона, мой старый знакомый по боям ещё на рубежах Малого Вёлховца, ознакомил меня с обстановкой. Батальон занимает оборону шириной около одного километра по опушке леса ниже Никиткино и продолжает возводить оборонительные позиции.

Соединения испанской 250-й пехотной дивизии («голубой») располагаются на южной окраине Никиткино и далее по лесу на северо-восток в направлении деревни Посад. Пока испанцы особой активности не проявляют. Разведчики шутили:

– Зализывают раны, полученные в Муравьях.

Однако артиллерийско-миномётные обстрелы нашего переднего края продолжают. Одновременно противник укрепляет свою оборону.

Населённого пункта Никиткино, как такового, практически не было. Кое-где торчали ножки от кроватей и разбитые остатки печных труб. Уцелел лишь один большой сарай. Всё, что осталось от деревни, противник использовал на строительство дзотов и блиндажей ещё до нашего прихода.

Получив все необходимые данные по артиллерийскому обеспечению поддержки пехоты и доложив начальнику штаба о своих возможностях, мы вернулись на передовую, которая проходила метрах в 100-150 от командного пункта батальона. На передовой мы выбрали место для своего наблюдательного пункта и с наступлением темноты начали его оборудовать. Вырыли котлован для землянки, заготовили лес для накатов, и к рассвету основные работы были закончены и замаскированы. Всё это время мы непрерывно вели наблюдение за противником. С рассветом я начал пристрелку. Для этого подготовил данные, передал на батарею, вышел из землянки и скомандовал:

– Огонь!

С огневой позиции мне передают:

– Выстрел!

И тут же в непосредственной близости от меня – разрыв. Раздосадованный, я подумал: «Вот фриц, не дал понаблюдать, где мой разрыв!». Снова скомандовал:

– Огонь!

И вновь сразу же – разрыв. Мелькнула мысль: «А не мой ли это снаряд?». Дал команду зарядить орудие и мне доложить, а сам жду, когда будет потише. И в наступившей паузе уже не встаю (опасно!) и командую:

– Огонь!

И снова рвётся снаряд около наблюдательного пункта. Начальная скорость снаряда у 76-миллиметровой пушки – 760 метров в секунду, скорость звука – 334. Поэтому сначала прилетит снаряд и разорвётся, а потом уж дойдёт до слуха звук выстрела батареи. Вот за это противник не любил 76-миллиметровые орудия. Вроде тихо, мирно и вдруг – взрыв, а потом уж долетает до ушей звук выстрела. Никаких мер невозможно предпринять для сохранения своей жизни – присесть, допустим, на дно окопа или прыгнуть в воронку. У других-то артиллерийских систем всё наоборот: вначале слышен выстрел, затем звук летящего снаряда, а потом уже его разрыв.

Возвращаюсь в землянку, вызываю к телефону командира огневого взвода, сообщаю ему о стрельбе по мне, сверил установки (прицел, уровень, угломер) – всё правильно, а снаряд метров на 600 не долетает. В чём дело? Он отвечает, что на этой партии снарядов нет маркировки. Маркировка – это как бы паспорт данного снаряда, характеристика его свойств и возможностей. А её-то как раз и нет. Стрелять нельзя и не стрелять тоже нельзя. Увеличиваю прицел и, наконец, достигаю цели стрельбы. Вскоре командир огневого взвода вызвал меня к телефону и доложил, что это снаряды для полковых 76-миллиметровых пушек, а наша пушка тоже 76-миллиметровая, но дивизионная. Внешне их снаряды идентичны, но по содержанию пороха в гильзах – разница. Эту разницу можно было бы узнать из маркировки снаряда, а она отсутствует. Спрашиваю, как же они узнали, что это снаряд от полковой пушки, а он отвечает, что заряжающий догадался. Заряжающий – это тот боец, который берёт снаряд и посылает его с казённой части в ствол орудия. Этот заряжающий своими руками перебрал уже многие сотни, если не тысячи снарядов. Он и установил, что порох в снаряде пересыпается, то есть в гильзе есть пустое место, а в снарядах дивизионной пушки гильзы полностью заполнены порохом. Вот почему снаряды из этой партии летели ближе. С тех пор, если мы имели дело со снарядом без маркировки, то кто-нибудь из боевого расчёта брал его в руки, поворачивал гранатой вверх, а дном гильзы – вниз и обратно. И если порох пересыпался в гильзе, то снаряд откладывался в сторону с приговором:

– Полковой.

Такая сортировка снарядов случалась крайне редко, но, к сожалению, всё же бывала. Естественно, что особенности конкретного снаряда при

отсутствии на нём маркировки никем и нигде не учитывались, а это приводило к увеличению расходов боеприпасов. Мы же в обеспечении ими не чувствовали себя комфортно. Поэтому огневая инициатива, в целом, пока принадлежала противнику. Мы отвечали ему редко, экономили снаряды, укрепляли свои оборонительные сооружения, зарывались в землю.

Вскоре недалеко от нас обустроились разведчики и связисты 6-й батареи 122-миллиметровых гаубиц образца 1938 года. Возглавлял их командир взвода управления, лейтенант Егоров. Он рассказал мне, как их бросили останавливать продвижение немцев на участке 267-й стрелковой дивизии в районе деревень Русса и Змейско, которые уже были захвачены врагом и откуда наши бойцы уходили с жестокими боями. Противник был вынужден остановиться правее Никиткино и перейти к обороне из-за упорного сопротивления воинов 305-й стрелковой дивизии.

Наше усердие в этих боях своеобразно отметил командир дивизиона капитан Домнич. Он прислал нам прессованные кубики из сахарного песка с какао, которые мы съели за два-три дня как конфеты, ничем не запивая, так как ни чая, ни воды у нас не было. Как не было и чистого снега, он весь был покрыт пороховой гарью от разрывов снарядов.

На правом фланге несуществующего Никиткино сохранился, как я уже писал, длинный сарай. Его немцы могли использовать для создания сооружений под огневые точки. Нас это не устраивало. И поскольку снарядов нам не давали, мы с Егоровым выползли в боевое охранение, которое располагалось на нейтральной полосе, и из винтовок трассирующими пулями подожгли сеновал. Сарай сгорел дотла. Вся местность стала нами просматриваться. Вскоре к нам приполз связной командира батальона и спросил, кто подожг сарай. Мы назвали свои фамилии, и он уполз обратно.

Вечером, когда наступили сумерки, и стрельба почти прекратилась, два наших солдата с гармошкой прошли по нейтральной полосе вдоль обороны, громко распевая частушки. С обеих сторон наступила абсолютная тишина. И как наши бойцы, так и испанцы, слушали это чудо с глубоким вниманием. Но только эти двое закончили петь и играть и скрылись в укрытии в направлении штаба батальона, началась оживлённая перестрелка. Это, пожалуй, единственное выступление самодеятельных артистов, которое я слышал на передовой. Профессиональных артистов никто бы не рискнул выпустить на передовую линию: слишком велик риск. Их могли бы накрыть артиллерийско-миномётным огнём и огнём из стрелкового оружия, и в итоге они все бы погибли.

Но вот нам сказали, чтобы снарядов не жалели: теперь они у нас всегда будут. И тут началось. Правда, не сразу, так как мы привыкли к экономии, но это быстро прошло. Откуда бы противник ни выстрелил, я сразу

посылаю туда снаряд. Если огонь ведёт его батарея, то по ней бью без всякой заботы об экономии снарядов. Постепенно огневая инициатива перешла к нам, в результате чего со стороны противника редко кто осмеливался выстрелить, ибо сразу будет нами наказан. Мы уже стали ходить на передовой во весь рост без опасения, что по нам откроют огонь. Такое блаженство продолжалось с неделю.

В это время части 52-й армии – наш сосед справа – освободили город Малую Вишеру. И вдруг приказ – экономить снаряды, и снова – «голодный паёк», то есть их расход в пределах определённой нормы в день. Два дня было сравнительно тихо. Затем противник начал изредка постреливать, мы не отвечаем. Он осмелел, и началось всё по-старому: нас бьют, а мы не отвечаем – экономим боеприпасы. Как таковые они есть, но все в неприкосновенном запасе, а лимита – десять-пятнадцать снарядов в сутки – явно мало.

В ноябре 1941 года мне и Егорову присвоили очередные воинские звания, и мы стали старшими лейтенантами. Я считал, что мне это звание присвоено рановато. Для меня были примером мои командиры по военному училищу – лейтенант Орлов и старший лейтенант Волков, до которых я ещё явно не дорос ни в знаниях, ни в опыте.

Наступил декабрь 1941 года. На наш наблюдательный пункт пришли командир дивизиона капитан Домнич и командир нашей батареи старший лейтенант Ротинов. Сразу почувствовалось: что-то готовится. Я доложил им обстановку: где и какие находятся у противника огневые точки, куда, как и когда ведётся из них огонь. Сообщил также, как организована наша оборона: наблюдение за противником, наша система огня, состояние с боеприпасами, с питанием личного состава на наблюдательном пункте. Ответил я и на их вопросы. Затем мы зашли в нашу землянку, где капитан Домнич сел около выхода, а я рядом с ним справа, так как здесь было светлее. Остальные сидели в глубине землянки. Изучив нашу схему огня, капитан Домнич дополнил её, и сам приступил к подготовке артстрелковых данных, а я ему помогал, поддерживая карту и планшетку. Вражеский артиллерийский обстрел усилился, и один из снарядов разорвался в траншее у входа в землянку. Капитан Домнич был ранен. В его левую щеку влетел осколок и выбил зубы, которые он выплюнул вместе с осколком. Второй осколок пробил плечевую кость правой руки. Получилось так, что своей головой и рукой он как бы прикрыл меня, и я остался невредим. Начали его перевязывать. Я в это время держал его руку и подумал: «Перебило кость или нет? Если в месте ранения рука пошевелится, то перебило». И я слегка пошевелил его руку. Явно чувствуя острую боль, Домнич спокойно сказал:

– Ой, больно. Осторожней.

Я мысленно обругал себя за то, что вот, мне уже скоро будет 19 лет, и я вроде бы давно уже воюю, а причинил боль любимому мной командиру. На плечо капитану наложили шины из подручного материала, перевязали голову, и в сопровождении Ротина Домнич ушёл в медсанбат. Больше капитана Домнича я никогда не видел и ничего о нём не слышал. Так мы расстались с этим прекрасным командиром и человеком.

Командование дивизионом принял командир четвёртой батареи капитан Масляков, строевой кадровый военный. На огневые позиции батареи начали поступать снаряды. Так как их расход был весьма ограничен, то количество постепенно увеличивалось, накапливаясь. В один из дней привезли даже зажигательные снаряды. Их устройство мы знали, но стрелять ими пока не доводилось.

В один из вечеров в сумерках меня позвали к телефону, и кто-то явно нетрезвым голосом приказал сжечь деревню, то есть Никиткино. На картах она по-прежнему была обозначена, но в реальности давным-давно выгорела. В тёмное время суток нам очень хорошо были видны вспышки стреляющей немецкой батареи, по которым легко определялись её координаты. Это означало, что батарею мы могли уничтожить без особых хлопот. А тут голос заплетающимся языком, не называя себя, в грубой форме приказывает сжечь несуществующую деревню. Демаскировать свою батарею да ещё в условиях жёсткой экономии снарядов? Ведь немцы тут же засекут нас и сделают всё, чтобы уничтожить! Так мог поступить только человек, не представляющий обстановки, сидящий в тылу с полным безразличием к людям-артиллеристам, которых он обрекает на бессмысленную смертельную опасность. Я этому человеку ответил в не менее грубой форме, подчеркнув его невежество, и в заключение сказал, что у меня есть «пятнадцатый». Здесь необходимо пояснить, что в целях конспирации и вообще для удобства каждому командиру был присвоен определённый номер для разговоров по телефону или рации. По этому номеру к нему и обращались, а не по званию и фамилии. «Пятнадцатым» был командир нашего дивизиона. Звонившему я сказал, что если мне прикажет мой непосредственный начальник, «пятнадцатый», я приказ выполню. Через некоторое время мне позвонил командир дивизиона капитан Масляков и спросил, не звонил ли мне «пятым»? «Пятым» у нас был начальник артиллерии дивизии полковник Амутов. Я ответил, что нет; но мне звонил какой-то пьяный и приказывал сжечь Никиткино. Масляков сказал, что это он и был и что он же приказал послать меня в разведку с разведчиками пехоты, которые сейчас в штабе батальона готовятся к выходу, и мне нужно

срочно явиться. Я обратился к своим разведчикам, сказал, какой получил приказ, и спросил, кто хочет добровольно идти со мной. Двое изъявили желание. Я взял одного, и мы ушли на командный пункт батальона, который был метрах в 150 сзади от нас.

Там уже была сформирована разведывательная группа под командованием старшего адъютанта батальона (начальника штаба батальона). Я ему доложил, что по приказу начальника артиллерии дивизии полковника Амутова мы прибыли в их группу с целью засечь огневые точки противника в его расположении. Перед разведгруппой была поставлена задача: уточнить нахождение оборонительных сооружений в глубине обороны противника и, по возможности, взять «языка». Все свои документы мы сдали и встали в строй. Группа насчитывала человек пятнадцать. Опытных разведчиков вместе со старшиной было три человека. Большинство же шло в разведку впервые. Перед выходом мы прошли короткий инструктаж и гуськом двинулись к передовой батальона.

На её левом фланге с соседом, куда мы шли, сплошной линии обороны не было. Как с нашей стороны, так и со стороны противника, ходили только патрули, которых разделяла колючая проволока. Мы прошли немного, и обнаружилось, что один красноармеец болен куриной слепотой. Старший адъютант спрашивает его:

– Почему не сказал, что болен куриной слепотой?

Боец отвечает:

– А как же я скажу? Ведь не поверите и ещё трусом назовёте!

Пришлось выделить одного сопровождающего, чтобы отвести больного, который ничего не видел, обратно в батальон. Вот так: ещё своих окопов не прошли, а двух человек уже не досчитались. Старшина со своими двумя разведчиками уползли вперёд, к колючей проволоке, и затем подали нам сигнал продолжать движение. У проволоки остановились. Один боец стал возиться с гранатой, и она зашипела. Старший адъютант показал ему направление, велел бросить гранату и приказал всем лечь. Граната разорвалась метрах в двадцати от нас, никого не задев.

Оказалось, что боец решил подготовить гранату к бою, запал вставил, а он тут же наткнулся на боёк. Вот тебе и разведчики. Человека три нашей группы были взяты из только что прибывшего пополнения, и их сразу в разведку послали. С другой стороны, начинать-то всё равно надо, все когда-то первый раз были в разведке. Мы осторожно обошли переднюю линию обороны противника и гуськом по мелколесью пошли дальше. Совсем недавно этим мелколесьем мы ходили на огневую позицию во весь рост, никого не боялись, а теперь по своей земле крадёмся, ибо кругом

сидят в своих дзотах наши враги. Если впереди идущие замечали что-то подозрительное, то поднималась вверх рука, и мы все ложились в снег и выжидали. Такие остановки повторялись довольно часто, но кругом было тихо и спокойно. Во время одной из них я умудрился задремать. Меня разбудил разведчик моего дивизиона, и мы ускоренным шагом догнали шедших впереди.

В конце концов, дошли до второй линии обороны противника, подползли к блиндажу, от которого метров на двадцать были на верёвочках разложены по снегу пустые консервные банки. Кто-то неосторожно одну из них задел, и тут же в нашу сторону застрочил немецкий пулемёт. По приказу старшины два разведчика пошли в обход этого блиндажа, но элемент внезапности был утрачен. Раздосадованный старшина подполз к этим банкам и все их сгрёб в кучу. Затем вернул назад посланных двух разведчиков, которые начали обход блиндажа противника, и отполз к нам. Когда стрельба поутихла, мы отошли немного обратно, и старший адъютант батальона после небольшого обмена мнениями принял решение на возвращение к своим, о чём он просигналил ракетами на нашу передовую. Другой связи у нас не было.

Настроение у всех несколько испортилось тем, что задачу по взятию «языка» не выполнили. Лишь один молодой боец с восторгом говорил, что считал разведку трудной и опасной работой, а, оказывается, ничего страшного нет и он совершенно не испугался. Слушать это и смотреть на него нам было откровенно смешно. Однако разубеждать его никто не стал. Зачем человеку портить его первое впечатление? Пусть походит в разведку и, если останется жив, то сам поймёт, насколько это рискованное и опасное занятие.

В ходе нашей вылазки мы выявили опорный пункт противника с хорошо организованной круговой обороной, откуда взять языка было невозможно. Вернулись на командный пункт батальона. Старший адъютант доложил командиру о результатах разведки, нам возвратили наши документы, и мы пошли на свой наблюдательный пункт. Там я сразу по памяти составил схему огневых точек противника, которые удалось обнаружить, и завалился вместе с моими разведчиками спать. Довольно подробное описание этой разведки я дал потому, что ни до неё, ни после мне не приходилось сталкиваться с такой наспех сколоченной разведывательной группой. Но приказ есть приказ, и мы его выполнили.

Поспать мне удалось часа два. На наблюдательный пункт пришёл командир батареи, разбудил меня, и мы начали готовить данные по обнару-

женным в ходе разведки огневым точкам. Таким образом, задача, поставленная перед нашей группой разведки, была, в основном, выполнена. С нашей стороны потерь не было. В газете 305-й стрелковой дивизии «Победа за нами» была помещена заметка о нашем ночном рейде. Результаты разведки я доложил командиру дивизиона капитану Маслякову. Начальник артиллерии дивизии полковник Амутов не спрашивал меня об итогах разведки и проявлял ли он к ним какой-либо интерес, мне неизвестно.

Другие разведывательные группы нашей дивизии оказались более удачливыми и возвращались не только с выявленными ими опорными пунктами противника, но и с «языками», которые были из испанской 250-й пехотной дивизии. Все они были одеты по-летнему, с обилием у них насекомых. Таких пленных показывали нашим бойцам. Пленные лепетали, что Гитлер и Франко капут, и непрерывно почёсывались. Вид у них был крайне жалкий. Такая «наглядная агитация» не оставляла сомнений в нашей победе в предстоящих боях, о которых пока не говорили, но все были уверены, что скоро мы пойдём в наступление.

К этому времени оборона противника была настолько прочной, что прорвать её было очень непросто. 250-я испанская дивизия располагала сильными огневыми средствами в виде тяжёлых и лёгких пулемётов, тяжёлых и лёгких орудий и миномётов. Перед передним краем обороны – проволочные заграждения, минные поля. Далее – окопы, доты¹⁹, дзоты, которые между собою связаны ходами сообщений полного профиля. В глубине от передовой линии созданы опорные пункты с круговой обороной, насыщенные огневыми средствами с запасом боеприпасов.

Многое из этого было нами выявлено в процессе ведения активной обороны и проведения разведки на всю глубину обороны противника. Вот что написал об этом бое заместитель начальника политуправления Северо-Западного фронта В.Н. Глазунов: «Наступление началось 4 декабря. Предстояло сокрушить опорные пункты противника на фронте Посад – Никиткино – Дубровка. Наступающие подразделения 305-й стрелковой дивизии полковника Д.И. Барабанщикова, истребительные фронтовые отряды и отряды Новгородской армейской группы при поддержке артиллерии и авиации в четырёхдневном наступлении выбили противника из ряда населённых пунктов, уничтожив тысячи солдат и офицеров. Наши части захватили много вооружения и военного имущества.

¹⁹ Долговременная огневая точка.

Этой удачной наступательной операцией и завершился тяжёлый 1941 год»²⁰.

Так же, примерно, сообщалось и в официальных сводках. А для нас это выглядело, конечно, полнее. Например, именно в это время мы впервые слушали, как работала реактивная артиллерия («катюши») в районе Посада. Очевидцы потом рассказывали, что от разрывов её снарядов всё горело: и железо, и земля, не говоря уж о дереве. Командир взвода управления батареи на том участке лейтенант Артемичев со своими разведчиками и связистами первыми вошли в деревню, где кроме трупов противника ничего не было.

Вечером 8 декабря и мы получили приказ о наступлении, которым предусматривался артиллерийский налёт по заранее пристрелянным целям на переднем крае с 5.30 до 6.00. В 6.00 – перенос огня на вторую линию обороны противника и атака нашей пехотой первой линии обороны с последующим наступлением и овладением населёнными пунктами по восточному берегу Волхова. Ночью перед атакой пехота получила пополнение, которое развели по ротам в окопы.

Декабрь, много снега, сильный мороз, темень беспросветная. Шли и стреляли вслепую. Зато сохранялась внезапность. Противник был в растерянности и неведении: откуда и куда мы наступаем, какими силами? Схватка была жестокой и с большой кровью. Когда наша 5-я батарея снялась с огневой позиции, чтобы следовать за ушедшей вперёд пехотой, то при подходе к Никиткино сначала пришлось расчищать дорогу от тел наших бойцов и командиров, погибших в этом бою, так как лошади храпели и пятались, отказываясь идти по трупам людей. Всё поле перед Никиткино было усеяно телами людей. Уже в расположении первой линии обороны противника мы увидели два трупа: один – нашего бойца, второй – врага. Оба вцепились руками в горло друг другу и в такой позе погибли, но ни тот, ни другой рук не разжали, так и смёрзлись. Похоронная команда, вероятно, их так вместе и похоронила, так как разнять их, не повредив, было невозможно.

Испанцы, не желая покидать своих тёплых землянок и в своей лёгкой одежде оказаться во власти мороза, дрались отчаянно. Но когда они были всё-таки выбиты, то улепётывали с такой скоростью, что мы еле-еле успевали их догнать.

Сопrotивление противника ослабло, тела их погибших встречались значительно реже, и наше продвижение ускорилося. «Голубые» удрали за

²⁰ Южнее озера Ильмень: Сб. воспоминаний. Изд. 2-е, доп. и испр. – Л.: Лениздат, 1985. С.88. (Авт.).

Волхов на заранее подготовленные позиции, а наша пехота где-то в середине дня была в Руссе и Змейско на восточном берегу Волхова. В этих населённых пунктах осталось лишь по несколько неразрушенных домов. Пошли выбирать место для наблюдательного пункта. На склоне к Волхову обнаружили хорошее сооружение с великолепным обзором обороны противника на западном берегу. Но это выпуклое сооружение и у врага было как на ладони. В случае обстрела к нему не подойдёшь и из него не уйдёшь, и корректировать огонь батареи будет невозможно, и ход сообщения не прорыть, так как полностью себя демаскируешь. Пока мы размышляли, его заняла наша пехота под командный пункт батальона капитана Михаила Трофимовича Нарейкина.

Мы выбрали свой наблюдательный пункт левее от него метров на сто, на пустыре, наметили ориентиры, оставили наблюдателей и пошли в один из уцелевших домов поговорить с местными жителями. Зашли в один из дворов, нас очень приветливо встретил пожилой, но ещё довольно бодрый хозяин и сказал:

– Я не сомневался, что вы прогоните этих вояк. Если бы вы их не выгнали, это было бы позором для России. Смотрите, вы ведь молодец к молодцу, и одеты и обуты добротной и тепло, и не замухрышки, как испанцы в пилоточках, худых шинелишках, срам смотреть!

На крыльце появилась его жена, указывая на которую он сказал:

– Моя хозяйка.

Нас пригласили в избу погреться, где хозяйка поведала, что испанцев Гитлер не кормил, а выдавал зарплату, на которую они должны были покупать у населения продукты питания.

– А что можно купить у неимущего населения? – сетовала хозяйка. – Вот они и побирались у нас. Придут и говорят: «Матка, дай картошки!» А я им говорю, чтоб полезали в подполье и набирали. «Нет, – отвечают, – там партизан пук, пук, то есть застрелит. Слазаю сама, наберу ведро и отдам. А что делать? Всех кошек в деревне поели, говорят – «русский зайка».

Мне подумалось, что хозяин «заливает». А он говорит, что их коты тоже опалили, но съесть не успели.

– Вон он у ворот валяется.

Действительно, у ворот лежал опалённый кот. Почему палили, а не обдирали, я уж не знаю, и спрашивать не стал. Хозяйка ещё добавила:

– И куда эти горемыки из Испании в Россию лезли в своей-то одежде? Нешто их наши-то ребята не вытурят?

Выяснилось, что их двое сыновей тоже воюют, только давно от них вестей нет. Но теперь будут. Мы попрощались с приветливыми хозяевами и посоветовали им переселиться в тыл.

Вернулись мы на свой наблюдательный пункт. Разведчики доложили о своих наблюдениях за противником, и началась наша обычная подготовка к бою, включая пристрелку реперов в расположении противника, от которых можно довольно точно переносить огонь на обнаруженные цели. Сами цели пока не трогали, чтобы не спугнуть противника, ибо за ночь он поменяет позиции огневых точек, и нам их снова нужно будет искать.

Не дремал и противник, начав укреплять свою оборону на западном берегу Волхова и вести пристрелку в нашем расположении. Все хождения с обеих сторон без необходимости прекратились. Работы, связанные с повышенным риском, велись только в тёмное время суток. А работ этих было много. Особенно у пехоты – оборудование ячеек для передового охранения, рытьё окопов и ходов сообщений, установка проволочных заграждений и минных полей. Артиллеристам предстояло оборудовать передовые и боковые наблюдательные пункты. Всем вместе нужно было сделать многое другое, продиктованное условиями расположения противника, возможными его вылазками, особенностями местности. Всё это обязаны были просчитать наши командиры и увязать действия различных родов войск с целью нанесения поражения противнику.

Война – это кровавая и беспощадная бойня людей, и рассчитывать на успех битвы могут лишь те, кто овладел искусством управления войсками, а это весьма сложная задача, ибо такое искусство вырабатывается не в укромных мирных кабинетах, а в кровопролитнейших сражениях. Здесь всё имеет значение, и мелочей не бывает. За любой неучтённый, казалось бы, пустяк приходится расплачиваться жизнями и кровью людей. Чувство ответственности возрастает с неимоверной остротой, и сам человек зреет прямо-таки на глазах. Для такого созревания почва одна – ожесточённые бои с огромным, нечеловеческим упорством как наших воинов, так и воинов противника.

Требования к нашей разведке всех видов существенно повысились. Усилились наблюдения в дневное и ночное время по выявлению огневых средств противника. Ночью по вспышкам их орудий мы с двух наблюдательных пунктов определяли направление, а днём переносили данные на планшет или карту, где точки пересечения каждой пары направлений и есть координаты мест, с которых ночью вёлся огонь. Днём же эти места тщательно изучались через артиллерийские приборы. В тыл противника засылались подразделения лыжников, которые нападали на местные гарнизоны, сеяли панику, брали «языков» и возвращались обратно. Конечно, при таких рейдах и мы несли потери. Но войны без потерь не бывает.

Противник тоже готовился к предстоящим сражениям. Участились выстрелы с его стороны из стрелкового оружия, артиллерийско-миномёт-

ные налёты. При этом уже не соблюдалась та пунктуальность, которая была летом и осенью 1941 года, когда немцы стреляли в определённое время и по одним и тем же площадям и когда можно было предвидеть, где будут рваться снаряды. Прицельный вражеский огонь привёл к пожарам в населённых пунктах и потерям в личном составе и в конском поголовье, а также к выходу из строя техники.

В свою очередь, мы накапливали боевой опыт, изучали противника, учились у него организации обороны, его тактике в проведении боевых операций, его маневренности. В то же время серьёзное внимание уделялось слабым местам врага, с учётом которых разрабатывались тактические приёмы ведения боевых операций. Вся эта работа была основана на нашем убеждении, что враг умён и коварен, жесток и беспощаден, и что разработка наших боевых операций должна быть основана на уважении к противнику. Суть такого уважения заключалась в том, что нельзя надеяться, что враг где-то «опростоволосится», допустит ошибку в организации и проведении боя, а мы этим воспользуемся. Никакого «шапкозакидательства», никакого «авось» не должно быть допущено при подготовке к бою.

В обороне мы стремились как можно лучше подготовиться к наступлению. Для этого в пехоте на передовой оставляли минимум бойцов и командиров, необходимый для удержания позиций в случае атаки немцев. Всех других мы отводили в тыл на три-пять километров и там учили, как вести себя в наступлении, со всеми подробностями и с учётом лесисто-болотистой местности. Обучали форсированию Волхова с крутыми и обледенелыми берегами и многому другому, что может в бою пригодиться. Боец – тогда боец, когда он умеет всё: и мастерски владеть оружием, и оказать первую помощь раненому, и кашу сварить и действовать в бою, не забывая о собственном маневре.

Мы, в артиллерийских подразделениях, кроме обычной учёбы, уделяли особое внимание взаимозаменяемости. Это значит, что в каждом орудийном расчёте любой номер мог заменить выбывшего в бою товарища, особенно наводчика. Бойцов, готовых заменить наводчика, в каждом расчёте должно быть два-три человека. Их мы готовили сами. На наблюдательных пунктах разведчики учились артстрелковой подготовке. В итоге учёбы каждый мог самостоятельно готовить сокращённую подготовку данных для батареи и корректировать её огонь, читать карту, маскироваться, уметь стрелять из оружия своей пехоты и пехоты врага.

Многому научили нас оборонительные и наступательные бои за пять месяцев войны. Мы были уже не те августовские бойцы за Новгород, и противник нас стал уважать, считая нашу дивизию специально подготов-

ленной для ведения боёв в лесисто-болотистой местности, как для действий в горах готовится горно-стрелковая часть. И это правда. Ведь за пять месяцев войны на своём участке обороны дивизия нигде не отступила, а наоборот, когда в августе 1941 года противник прорвал нашу оборону на участке 267-й стрелковой дивизии («черниговской»), воины 305-й стрелковой дивизии в упорных боях ликвидировали этот прорыв на рубеже Никиткино – Посад.

Обычно условия передовой обороны не способствовали поддержанию уставного внешнего вида. Под Никиткино у ряда бойцов отсутствовали звёздочки на шапках. На замечания командиров прикрепить красные звёздочки на головные уборы реакция была вялой. Когда же снайпер противника попал однажды разрывной пулей прямо в звёздочку на шапке одного красноармейца, то эмаль на звёздочке отлетела, сама звёздочка несколько деформировалась, но хозяин шапки остался невредим. После этого случая все, кто не имел звёздочек на шапках, прикрепили их без всяких на то указаний.

В итоге разведывательных мероприятий мы располагали довольно приличной информацией о противнике и начали готовиться к захвату плацдармов на территории, занятой врагом. Первый плацдарм, захваченный нами на западном (левом) берегу Волхова – деревня Жарки, в которой уцелело всего несколько домов. Взяли её затемно, в предрассветных сумерках при весьма скромной артиллерийской поддержке, в том числе и нашей батареи. Здесь мне пришлось также корректировать огонь других батарей нашего дивизиона, так как иных корректировщиков в Муравьях не было, ибо они находились на других участках фронта дивизии и там выполняли свои основные задачи, как и я выполнял их в Муравьях, куда нас перебросили из Руссы.

В бою за Жарки произошел курьёзный случай. Перед наступлением всем бойцам раздали патроны и ручные гранаты, но некоторые бойцы решили, что гранаты – это обуза для них. И вот, когда бой завязался в самих Жарках, возникла следующая ситуация. Два наших бойца бегут вокруг одного деревянного дома, а за ними – танкетка противника, стреляя из пулемёта. Эти двое на бегу кричат:

– Дайте гранату, дайте гранату!

А танкетка стреляет из пулемёта и никак не может попасть в быстрых бойцов. На их счастье поблизости оказался политрук роты, у которого была граната. Ею он и подорвал эту танкетку. Бойцы остались живы и уже не решали проблему: брать или не брать гранаты в бой. Да и другим стало ясно, что надо брать, и побольше. Вот так в жестоких схватках оставшиеся в живых осваивали на практике науку побеждать.

Другая танкетка противника забралась на сложенные в штабель брёвна. Видимо, хозяева баньку до войны готовились соорудить, а собрать не успели. Так на этом «постаменте» и была танкетка брошена немцами по невыясненной нами причине. Да, по правде говоря, нам и не до выяснений было под кромешным огнём. Деревню мы очистили от немцев, вырвались на окраину, а дальше – ровное покрытое снегом поле и метров через 300 – лес, на опушке которого противник и закрепился. Надо хотя бы батареей дать огня по вражеским точкам, но снаряды израсходованы, а новых ещё не подвезли. Сидеть и ждать – противник закрепится, и его не то что одной батареей, а и дивизионом не выкуришь из окопов и дзотов. Мы решили продолжить наступление. Только двинулись по заснеженному полю, как на нас обрушился шквал огня из стрелкового оружия. Особенно неистовствовали пулемёты противника. Цепь наступающих начала редеть. Острое ощущение гибели охватило душу, бойцы падают замертво как подкошенные. Вот упал сосед справа, затем слева. Значит, следующим буду я. Голова теряет ясность мышления, ужас смерти надвигается, и вдруг раздаётся спасительная команда:

– Ложись!

Падаем в пушистый снег, стараемся плотнее прижаться к мёрзлой земле: в ней вся наша надежда на то, чтобы уцелеть. Теперь уже разум проясняется. Надежда на успех наступления погасла, становится ясна его бесполезность.

В сумерках ползём обратно и занимаем оборону на окраине Жарков. Потери могли быть значительно больше, если бы немцами вёлся артиллерийско-миномётный огонь. Видимо, и у них с боеприпасами было плохо. Нам приказали удержать плацдарм в своих руках. С этим мы справились.

Дня через два-три я получил приказ сняться с наблюдательного пункта, смотать телефонный провод и явиться на огневую позицию батареи. Там нас накормили горячим обедом, какого мы были лишены на передовой, дали возможность выспаться, а утром – новый приказ:

– Выбрать наблюдательный пункт в районе населённого пункта Шевелёво.

Деревня Шевелёво находилась километрах в 15-20 вниз по Волхову, то есть в северо-восточном направлении. Туда мы и перебрались.

Передислокация батареи всегда связана с выполнением большого объёма работы. А именно: нужно оборудовать оружейные окопы, обустроить их для ведения огня; расчистить сектор обстрела, то есть вырубить всё, что растёт перед орудиями; выкопать ровики для укрытия оружейного расчёта, а также для складирования артиллерийских снарядов, которых

должно быть несколько, чтобы противник не смог вывести из строя все сразу; укрыть артиллерийские передки с неприкосновенным запасом снарядов и оборудовать землянки. В этих землянках людям придётся отдыхать и укрываться от артобстрелов. Поэтому это должны быть не просто землянки, а скорее, блиндажи с двумя-тремя накатами брёвен вместо потолка, и сверху них ещё полуметровым слоем земли.

Одной батарее 76-миллиметровых пушек на конной тяге по штату было положено 65 коней, и всех их нужно было укрыть хотя бы так, чтобы не поразили осколки снарядов. Кухня, обоз, землянки для командного состава и старшины, комиссара и командира, баня и прочее – всё это было нашей заботой. В общем, работы, как говорится, невпроворот и не на один день. Когда всё будет сделано, то нет гарантии, что не последует нового приказа о смене огневой позиции батареи, а это потребует выполнения заново всего комплекса работ. Причём все эти работы выполняются, а ведение огня батареями не прекращается.

С августа по декабрь 1941 года от Новгорода до Шевелёво батарея меняла свои позиции не менее семи раз. А что касается смены наблюдательных пунктов, то их вообще невозможно пересчитать. И всякий раз проводились заново все вышеперечисленные работы. Чтобы их выполнить, нужно прежде всего вырубить немало леса, подальше от огневой позиции и не на одном месте. И перетаскать его, как правило, на себе. Одна очистка сектора обстрела занимала порою весь день и даже более.

С наступлением морозов все эти работы были по трудоёмкости равнозначны дроблению вручную гранитных глыб, ибо земля смёрзлась в глубину до метра, так как зима 1941-1942 годов была лютой. Температура воздуха порой достигала – 40°. Водка во фляжках начинала замерзать.

По прибытии в Шевелёво часть разведчиков начала собирать сведения о противнике, изучая местность и передний край противника. А другие выясняли их у пехоты. Связисты обеспечивали связь между наблюдательным пунктом и огневой позицией. Я отправился к командиру батальона с докладом, суть которого состояла в характеристике огневой мощи нашей батареи, наличии снарядов, средств связи и в уяснении мной боевой обстановки. А если наблюдательный пункт уже выбран, то докладываю о его местонахождении.

После этого составляю схему огня, согласовываю её с командиром стрелкового подразделения, которое мы поддерживаем. Выбираю ориентиры, готовлю данные для ведения огня и начинаю пристрелку. Стараюсь вести огонь очень экономно, ибо все снаряды на счету. Если увидел разрыв, то по намеченному реперу передаю поправку, но без последующего выстрела.

На этом пристрелка одним снарядом окончена. Хотя такая пристрелка не точна, это всё-таки лучше, чем ничего, поскольку из-за отсутствия снарядов другого выхода нет. Для продолжения стрельбы по целям приходится ждать, когда подвезут снаряды. Пехота, конечно, недовольна, мы – тоже. Всё, чем мы можем пока ей помочь – это поддержать её огнём из своего стрелкового оружия. В исключительных случаях так иногда бывало.

БОИ ЗА ПЛАЦДАРМ НА ЛЕВОМ БЕРЕГУ ВОЛХОВА

Командир стрелкового подразделения ввёл меня в курс боевой обстановки и сообщил, что его батальон получил приказ форсировать Волхов и захватить плацдарм на его западном берегу. Наша батарея должна подавить огневые точки противника и тем самым обеспечить продвижение пехоты. То количество снарядов, которое нам выделялось на эту операцию, явно не позволяло выполнить эту боевую задачу, о чём мною было доложено командиру дивизиона капитану Маслякову, который, как и командир полка, ничем помочь не мог.

И всё же пехота пошла в наступление. Пока были снаряды, мы вели огонь по огненным точкам противника, и пехота продвигалась. Но вот снаряды кончились, и противник открыл ураганный огонь по наступающим. На спасение людей, залёгших в снег на ровной глади реки у самого её западного берега, не было никакой надежды. Многие бойцы и командиры были убиты, к раненым невозможно было подползти. Санитары попадали под огонь снайперов и пулемётов и тоже гибли. А сверху неслась по телефону одна команда:

– Вперёд и только вперёд!

Для большей убедительности команда подкреплялась нецензурными словами. Положение, в целом, было удручающим. Многие бойцы вышли из строя. Артиллерия наша молчит из-за отсутствия снарядов, авиация вообще не появлялась. Подавленные огневые точки противника вновь ожили. Нет ни одного клочка земли, который бы не обстреливался врагом. Наши тяжелораненые без помощи на снегу быстро слабели и замерзали насмерть. Однако никакие доклады о невозможности продолжения атаки в расчёт не принимались. Лишь с наступлением темноты немногие уцелевшие пехотинцы, измотанные, голодные, полузамёрзшие и обессиленные смогли выползти из этого ада. А немцы всю полосу нашего наступления

освещали ракетами и, если увидят, что кто-то из наших шевелится, сразу по нему открывают огонь на поражение. Уцелели единицы.

За ночь батальон пополнили людьми из резерва, которые не только не обстреляны, но и друг друга не знают. А писарь, естественно, не в состоянии всех их переписать в потёмках за оставшееся время ночи. С рассветом сражение повторяется, только с той разницей, что если у противника и было что-то не пристреляно в наших позициях, то теперь уже этого недостатка у него нет. Вот в таких неоднократных кровавых боях я понял смысл слов, сказанных когда-то Сталиным, что самым ценным капиталом у нас являются люди. Какое лицемерие и лживость! Аж мороз по коже идёт! До сознания людей быстро доходит, что надежды остаться в живых нет, что смерть неизбежна. В конце концов, перемолотив множество людей, мы прекратили это наступление и стали готовиться к новому, имея на это всего лишь несколько дней.

На южной окраине Шевелёва уцелел один дом, и недалеко от него, метрах в двадцати, был колодец с «журавлём». «Журавль» представлял собой длинный шест, на конце которого привязана верёвка, а на ней болтается бадья. При помощи этого приспособления достаётся вода из колодца. Проход от дома до колодца ограждён плетнём. Вода хоть и рядом, а не возмёшь: участок пристрелян немцами. И вот один красноармеец говорит, что всё равно, мол, домой не вернусь – убьют, так хоть доброй водицы напоследок попью. Берёт котелок, идёт к колодцу. Немцы бьют из пулемёта разрывными пулями, которые в плетне рвутся, не причиняя бойцу никакого ущерба. Солдат напивается воды, наполняет котелок и возвращается в сопровождении дымков от разорвавшихся в плетне пуль цел и невредим. Если бы в пулемёте разрывные пули чередовались с обычными, неразрывными, то он был бы убит. Но ведь боец не знал, чем заряжен пулемёт, и шёл на верную смерть. Вот такое безразличие к жизни, страшное, угнетающее состояние души, повергает и окружающих в настроение безысходности: смерть неизбежна. А противник приготовил пулемёты специально для стрельбы по ничем незащищённым людям. Поэтому он и использовал только разрывные пули, которые, разрываясь в теле человека, убивают его или калечат на всю оставшуюся жизнь.

Дня через два, когда вышестоящие начальники (выше командиров полков и дивизий) убедились, наконец, в невозможности захватить плацдарм на этом участке, я получил приказ прибыть в Дубровку, что по соседству с Муравьями. Местность эта была нам хорошо знакома, так как мы здесь воевали с конца августа до второй половины ноября 1941 года. Да и деревню Жарки мы захватили в качестве первого плацдарма на западном берегу Волхова, наступая в конце декабря именно отсюда.

Дубровки, как таковой, уже не было. Не было даже одиноких печных труб. Всё было сожжено и перебито. На месте бывшей деревни было ровное место, покрытое снегом, на котором чернели воронки от разрывов снарядов и мин. По гребню высокого берега проходили сплошные окопы полного профиля, где мы и расположились. Слева от нас, метрах в двадцати, находился командный пункт батальона, от 300 человек которого осталось 30 активных штыков, расположившихся в овраге на той стороне Волхова на подступах к деревне Теремец. Таким образом, форсирование Волхова по льду и захват оврага под Теремцом обошлись батальону в 270 человек убитыми и ранеными, часть которых, не дождавшись помощи от своих, просто замёрзла. Тридцать бойцов и командиров, которые достигли оврага, находились в «мёртвом» пространстве, то есть складки местности делали их неуязвимыми для стрелкового оружия противника, и тот не обращал на них внимания, считая погибшими. Более суток пролежали эти тридцать человек на снегу, без пищи и в трескучий мороз. Связи с ними не было никакой. Все попытки доставить им продукты питания и боеприпасы были безрезультатны, так как подходы к ним простреливались из стрелкового оружия, и это приводило только к напрасной гибели людей.

В те дни ужесточился контроль за расходом артиллерийских снарядов. Мне разрешили пристрелять только один репер. Дальнейший расход снарядов по любым целям мог быть только с разрешения начальника артиллерии дивизии. И вот от Подберезья из леса появилась рота немецкой пехоты, идущая строем в Теремец, как раз туда, где пристрелян мой репер. Звоню командиру дивизиона, докладываю обстановку и прошу разрешения открыть огонь по этой колонне всего десятью снарядами. Командир дивизиона просит подождать его у телефона и звонит командиру полка, передаёт ему мою просьбу на расход десяти снарядов на роту пехоты. Командир полка просит командира дивизиона подождать и звонит начальнику артиллерии дивизии, а пехота противника тем временем продолжает движение. Она доходит до хода сообщения и рассредоточивается по окопам. Наконец мне разрешается открыть огонь и израсходовать десять снарядов. На это я сказал командиру дивизиона:

– Спасибо! Теперь мне нужно не менее сотни снарядов, чтобы выкурить немцев из окопов!

А для себя сделал вывод: надо создать запас неучтённых снарядов. Для этого, если мне разрешили израсходовать, допустим, десять снарядов, а я задачу выполнил восемью снарядами, то докладываю, что израсходовал не восемь, а десять. Таким образом, два снаряда остаются в моём распоряжении. Мои огневики эту «кухню» знали. Накопится, предположим, 10-20 снарядов, и появляется цель, которую нужно уничтожить. Никого

не спрашиваю, открываю огонь и ни перед кем не отчитываюсь. Только начальство звонит и строго спрашивает:

– Ты стрелял?

Отвечаю, что нет. Попробуй, найди, кто стрелял, ведь батарей-то много. На этом всё и кончается. И ни разу никто не выдал, что стрелял я. Видимо, и другие так делали, но молчали. Так, на батарее у нас были неучтённые снаряды и одна-две лошади для них на непредвиденный случай.

Наш правый сосед действовал более успешно. Он не только форсировал Волхов, но и захватил плацдарм на его западном берегу. Расширил его и выгнал противника из леса, подходившего почти вплотную к Теремцу. Конечно, за этот плацдарм, как и за другие, потери людей были огромны, кровь лилась обильно. Семьи теряли кормильцев – отцов, взрослых сыновей и нередко дочерей, которые на передовой бились с противником наряду с мужчинами, а иногда и подавали им пример стойкости и мужества. Зато теперь день 23 февраля называется почему-то чисто мужским праздником. Это ли не искажение истории и не забвение роли наших женщин в боях за Родину? Страна в этих битвах теряла самые крепкие рабочие руки, которые могли бы многое построить и произвести. Ставка Верховного Главнокомандования требовала только одного: вперёд и только вперёд. Любыми средствами. Людей не щадили и даже их жизни, и всё предавали забвению.

Перед тем, как мы получили приказ перейти в Дубровку, 4 января 1942 года нас вызвали с передовой в штаб полка и дали время привести себя в порядок, так как вид у нас был запущенный. Ведь с передовой приходилось передвигаться где ползком по-пластунски, где перебежками, и только достигнув какого-нибудь укрытия, можно было распрямиться и идти в лес. А там уже ждёт лошадка, запряжённая в сани-розвальни с ездовым, – и поехали на огневую позицию помыться и подстричься. Потом пришли в штаб полка, доложили начальнику штаба о своём прибытии для получения приказа. Оказалось, что нас вызвали для награждения за декабрьские бои 1941 года. Вручал награды представитель Верховного Совета СССР, выхоленный, в меру упитанный гражданский с серьёзным лицом. От нашей батареи мне и командиру огневого взвода вручили по ордену «Красная Звезда», разведчику Лебедеву и связисту Суворову – медали «За отвагу». Был скромный банкет, на котором меня спросили, сколько мне лет. Я ответил, что завтра будет девятнадцать. После банкета мы сразу убыли в Дубровку. Всего из взвода управления нашей батареи было награждено шесть человек. Это большая часть наград всего нашего полка.

Когда мы расположились на новом наблюдательном пункте, подошло подкрепление под командованием политрука. Все прибывшие – крепкие,

молодые и ладные бойцы, один к одному. Рассредоточились по окопам и ходам сообщения. Политрук отправился к командиру батальона за получением боевой задачи. Вскоре он вышел из землянки комбата расстроенным и говорит мне, что вот настроил своих ребят на бой, в который они рвутся, а комбат велел ждать и никакой задачи не поставил. Надо быстрее в бой вступить, пока не появились убитые и раненые, что охладит боевой дух его подразделения, и бойцов труднее будет поднять в атаку. Я ему сказал, что комбат прав, и начал ему рассказывать об обстановке. Через стереотрубу показал ему передовую противника и его огневые точки, где и сколько у него пулемётов, миномётов и орудий. Только что противник получил пополнение живой силы численностью до роты. Я же политрука и его бойцов поддержать огнём не смогу, так как снарядов нет, и стрелять мне запретили.

В это время над нами появился наш самолёт «У-2». Лётчик выключил мотор и стал планировать над нами и кричать:

– Вы что здесь сидите? Ваш сосед занял лес, что справа от Теремца, давайте вперёд!

Потом включил мотор и улетел. В свою очередь, противник все свои силы в Теремце бросил против наступающего соседа справа. Для этого даже оголил свой тыл. Тогда наши тридцать замёрзших человек поднялись из оврага и цепью побежали в Теремец. Руки у бойцов были сомкнуты впереди и спрятаны в рукава, а винтовки висели у них на ремнях. Мы тоже все по команде комбата «Вперёд!» бросились на лёд Волхова и побежали к Теремцу. На Волхове весь снег был исчерчен полосами от пуль перекрёстного огня пулемётов, образуя квадраты по 40-50 сантиметров. Такой плотный огонь не оставлял никакой надежды на выживание. И всё же 30 человек из 300 прорвались через него и теперь уже занимают Теремец. Мы же передвигались в полной тишине, то есть по нам уже никто не стрелял, а может, и стреляли, да мы этого не заметили. Первого дома в Теремце достигли без потерь. Бойцы же, которые из оврага ворвались в Теремец, от бега разогрелись и приобрели нормальный вид.

Этот крайний дом был заминирован. Ждали сапёров. Недалеко от дома взяли в плен одного немца, который не мог понять, откуда мы взялись. Тут подбежал невысокий, уже в возрасте, боец с винтовкой и примкнутым к ней штыком. Он наставил её на солдата противника и фальцетом крикнул:

– Ты в кого стрелял, сукин сын?!

Боец считал, что трудящийся в трудящегося не должен стрелять, и таким образом проводил с немцем разъяснительную работу. Тот же перепугался и не понял, что от него хочет этот русский. А наш боец посчитал свою агитационную миссию законченной и побежал дальше.

Наступила ночь. Сапёров ждать не стали. Кто-то раздобыл верёвку, один её конец привязал к скобе двери, за другой конец, из-за символического укрытия, дернул её. Дверь вышибло, разминирование закончилось.

В одном из домов был штаб противника. Зашёл я туда, разбираю документы, в руки попал конверт из серой бумаги, в какую у нас покупки в магазине заворачивали, разорвал его, а в нём оказался железный крест – немецкий орден – и документ, в котором значилось, что этим крестом награждается обер-лейтенант такой-то. Прибежал пехотинец, принёс какие-то небольшие пакетики и спрашивает, что это такое? А я и сам не знаю. Но, прочитав надпись, кое-как разобрал, что это средство для обеззараживания воды. Надо высыпать содержимое пакетика в кружку с водой, и вода зашипит, как газировка, и примет приятный вкус лимонада. Тут же эти пакеты окрестили «шипучкой». Один пакет израсходовали – все по глотку испробовали, в том числе и тот боец, что принёс эти пакеты. Остальные он забрал и побежал угощать свою пехоту. Ещё один пехотинец прибежал с какой-то цилиндрической упаковкой, тоже с целью узнать её содержимое. А упаковка была наполнена круглыми лепёшками-леденцами. Все эти и другие находки, в том числе и хлеб в особой упаковке, позволяющей обеспечить его сохранность не на один год, убедили нас в том, что фашисты готовились к войне с нами задолго до её начала. Они, в отличие от нас, тщательно продумали всё до мелочей, которые мы по-прежнему не учитываем по истечении уже многих лет после той войны.

Так бы и дальше продолжалось, но распахнулась дверь, и очередной пехотинец сказал, обращаясь ко мне, что на окраине деревни они захватили противотанковое орудие со штабелем снарядов, а стрелять никто не умеет, поэтому его послали за мной. Мы с ним побежали к этому орудью. Почти добежали, а пушка неожиданно «заговорила». Видимо, нашлись среди солдат сообразительные, и пушка противника стала служить нам. Мне оставалось только сказать, что я тут уже не нужен и без меня обошлись. А в нашей батарее на огневой позиции снарядов не было.

Вскоре мы передали оборону Теремца 225-й стрелковой дивизии, а сами получили приказ снова перебазироваться на наш (восточный) берег, в район деревень Русса и Змейско. Как и Дубровка, места эти нам тоже знакомы, но теперь здесь сражающиеся стороны устроили крепкие оборонительные сооружения.

Сильно осложняли нашу жизнь морозы в 25-30° и больше. Для противника же они были прямо-таки непереносимы. Не зря немцы награждали своих солдат, воевавших в это время, медалью «За зиму 1941-1942 г.». У нас было зимнее обмундирование и, если поверх него надевали маскхалат, было значительно теплее.

А испанцы со своим изнеженным под южным солнцем телом да ещё в летнем обмундировании выглядели жалко. Этот жалкий вид усиливался тем, что поверх своей верхней одежды они надевали, что придётся, вплоть до платков, отобранных у наших женщин из окружающих деревень. С наших бойцов, попавших к ним в плен, испанцы снимали всё зимнее обмундирование и надевали на себя, а их одевали в своё летнее, которое уже пришло почти в негодность. Но всех своих солдат таким образом не утеплишь. Приходилось придумывать что-то ещё. На сапоги они надевали соломенные боты. Ну, это уж совсем не согреет. И вот снаряжённый таким образом солдат вышел из блиндажа и заступил на свой пост. Минут пять он стоит спокойно, смотрит в нашу сторону. Потом начинает переминыться с ноги на ногу, затем махать руками и, наконец, начинает бегать по траншее туда-сюда – греется. Спустя некоторое время выходит смена, и всё повторяется. А чуть начнёт смеркаться – столбом кверху поднимается дым (к морозу). Это испанцы затопили печки в землянках и блиндажах – успевай засекать. Никакой разведки не надо: сами своё расположение выдают: мороз заставил. Надеясь на молниеносную войну, немцы тёплой одеждой не запаслись. В этом был один из просчётов вермахта.

У нас было несколько попыток захватить плацдарм на этом участке, но все неудачные. Эти нарушители зимней формы одежды огнём из всех видов оружия отбивали наши атаки с большими для нас потерями. Было ясно, что днём да ещё в лобовой атаке успеха не добиться.

Вот и сегодня затемно пошли на сближение с противником. Нужно по льду перейти Волхов, атаковать передовую позицию фашистов. Наш артиллерийский огонь вёлся прицельно, но крайне недостаточно, чтобы подавить огневые точки противника. Наши маломощные трёхдюймовки образца 1902 года разрушить их и уничтожить не могли. Пока мы вели огонь, противник из своих укрытий не высывался. Но вот снаряды у нашей батареи кончились. В воздухе появились немецкие осветительные ракеты, и наша пехота была обнаружена. Тут же на неё обрушился шквал огня. Передовая противника ожила. Нашей пехоте пришлось залечь. О дальнейшем продвижении не могло быть и речи. Глубокий снег, перекрёстный огонь пулемётов, автоматов и миномётов делали оставшиеся 150-200 метров до окопов противника непреодолимыми. Наступивший рассвет усугубил положение наших воинов. Поступила команда занять исходное положение, то есть то, откуда начали наступление. Передние стрелки открыли ответный огонь по противнику, прикрывая отход своих товарищей. В рост идти или бежать почти невозможно, ползти – много времени уйдёт на то, чтобы преодолеть это смертоносное поле, да и риск быть убитым увеличивается. Притвориться убитым, чтобы по тебе не стреляли – замёр-

знешь. Кроме того, нет уверенности в том, что по тебе не будут стрелять. Как бы то ни было, но часть бойцов вернулась в свои окопы – те, кого пули и осколки миновали или ранили легко.

Заснеженное русло реки усеяно трупами, а тяжелораненые не шевелятся. Их задача – пролежать без движений на морозе до сумерек и тогда ползти к своим. Кого-то и санитары смогут на волокушах вытащить, но немалая часть бойцов замёрзнет и окоченеет, занесённая снегом. Весной, когда вскроется Волхов, он примет их в свою пучину.

Враги пришли к нам за тысячи километров. У них есть артиллерия, авиация, танки, и многое другое в достатке. Мы видим их цели, которые держим на прицеле, а стрелять не можем: снарядов нет. До боли в сердце обидно. Как же так случилось, что мы не имеем снарядов? Немцы же смеются над нами, сбрасывают с самолётов листовки, в которых наши самолёты «У-2» называют «рус фанера». Рисуют карикатуры: С.М. Будённый²¹ верхом на детском деревянном коне-качалке с деревянной шашкой в руках, а К.Е. Ворошилов – с детским игрушечным, ружьём, заряженным пробкой на шнурке, и подпись – «русская техника».

Вдруг вскакивает один красноармеец и делает рывок в нашу сторону. Немцы открыли по нему ружейно-пулемётный огонь. Он успел пробежать метров 20-30 и упал на лёд. Убит или ранен? Мы ничем не можем ему помочь, а он вдруг вскочил и побежал в нашу сторону. Снова немцы спохватились и начали его поливать свинцом. Он снова упал. И так продолжалось несколько раз. В конце концов, он прибежал и спрыгнул в наши окопы цел и невредим. Вот уж кто в рубашке родился! Был первым в бою и последним вышел из него.

В вечерних сумерках появился с кухней старшина, а за кухней строем идут наши бойцы-красноармейцы, которые в предрассветных сумерках с перепугу «нечаянно» перепутали направление наступления и оказались в тыловом лесу в нескольких десятках метров от нашей передовой. Командир батальона был вне себя от ярости. Он только что доложил командиру полка о потерях, и на тебе – явились бойцы своего же батальона, существенно пополнившие поредевшие ряды стрелковых рот. Обругали их, на чём свет стоит, и отправили по своим ротам. Если отдать под суд, то вообще не с кем будет воевать. Больше таких «путаников» направления наступления не было, и эти впоследствии проявили себя достойными воинами, вполне оправдав доверие комбата. Тем же вечером, позднее, в

²¹ Будённый Семён Михайлович (1883-1973), инспектор кавалерии Рабочее-Крестьянской Красной Армии. С августа 1940 – первый заместитель народного комиссара обороны СССР.

батальон принесли подарки, присланные жителями нашей страны. Рота выстроилась в цепочку, и командир начал раздавать подарки. Кисеты под махорку, носовые платки, тёплые носки, сладости, съестное и многое другое переходило в руки бойцов и сержантов. В только что завершившемся бою живым из среднего командного состава остался командир одной из рот, чудом уцелевший. Подходит за подарком очередной боец, а этот командир роты ему говорит:

– Когда я подал команду, куда ты побежал? Нет тебе подарка. Женщины и дети собрали эти подарки, оторвав от себя, не для таких, как ты!

Боец, посрамлённый, отошёл без подарка в сторону. Раздача подарков продолжилась. Подошёл очередной боец, небольшого роста, суровый и не улыбочивый. Ротный, как его увидел, обнял и расцеловал, сказав при этом:

– Молодец, правильно действовал!

Потом схватил непочатый мешок и сказал:

– Это всё тебе. От нашего народа награда.

Боец молча взял этот мешок, чуть ниже его роста, и отошёл в сторону. Вот так шло в этой роте распределение подарков.

Мне мои разведчики тоже принесли с огневой позиции мешок подарков, что меня смутило и вызвало недоумение: почему мне одному целый мешок, а другим – носки, или кисет? Несправедливо. Я тут же велел командиру отделения разведки сержанту Черноусову поделить подарки между всеми, кто находился на нашем наблюдательном пункте, а это около десяти человек. Подарками все были довольны. Прислали их дети и воспитательницы одного из детских садов с трогательным письмом, чтобы мы быстрее победили врагов и вернулись все домой, и что они нас очень-очень ждут.

Наши плохо организованные попытки захватить плацдармы на левом берегу Волхова со слабой поддержкой пулемётами и дивизионной артиллерией не могли быть успешными. Основная масса красноармейцев была вооружена винтовками образца 1891 года и ручными гранатами, которые можно бросить где-то метров на двадцать пять. А нас противник своим огнём заставлял залечь метров за 100-150 от своих окопов. И потому эти гранаты оставались невостребованными. Нелепость этих боёв была ясна каждому красноармейцу, и поднять залёгшую цепь на верную и бессмысленную смерть было невозможно. Надежд на какой-либо успех в таких условиях не было никаких. Наши потери были большие. В конце концов мы перешли к обороне. Но это не означало, что наши «стратеги» отказались от наступления.

На наш участок обороны пришли конники генерала Гусева и сказали, что им приказано здесь наступать в пешем строю, так как об использовании коней на глубокому снегу не могло быть и речи. Мы ознакомили их с обороной противника, с его огневой системой и с результатами наших наступлений, бывших ранее. Раскрыли все сложности, которые встретятся им на пути продвижения к западному берегу через Волхов. Короче, мы с ними поделились своим горьким опытом по захвату плацдармов. Но они сказали, что получили приказ наступать и будут его выполнять.

И вот после короткого нашего артиллерийского налёта, цепь пеших конников двинулась в наступление. Огневые точки противника ожили, и шквал стрелкового и артиллерийского огня обрушился на атакующие порядки. Наши цепи начали на глазах редеть, но продолжали продвижение вперёд. Лишь одиночки достигли левого берега Волхова и вынуждены были залечь под плотным огнём противника. Вся нейтральная полоса была усеяна ранеными и убитыми, а помочь им было практически невозможно.

День наступил ясный, морозный, видимость отличная. И если санитары пытались подбирать раненых, то по ним противник тут же открывал огонь. Гибли и санитары, и раненые. В минуты затишья слышались плач и почти детские голоса, которые призывали своих матерей:

– Мама! Родненькая мамочка! Помоги!

Плакали и призывали своих матерей молоденькие красноармейцы, которым только-только исполнилось 18 лет, а некоторым было 17. На их призывы к матерям немцы открывали огонь на поражение. Обстрелянные и опытные бойцы говорили им громко:

– Молчи! Убьют немцы! Радоваться должен, что ранен. В госпиталь попадёшь – отдохнёшь! А сейчас молчи, не двигайся!

До парнишек, видимо, дошло, что мамы их далеко, и что нужно молчать и не двигаться, а когда стемнеет, их вытащат с поля боя. Но ведь мороз не меньше 20°, и без движения, без перевязки, с большой потерей крови доживёт до вечера далеко не каждый. Наши раненые бойцы с большим риском для своей жизни ползли к этим мальчишкам и так же попластунски пытались вытащить их с поля боя. Некоторым это удавалось, а другие гибли вместе с ранеными. Поговаривали, что наступавшими были бойцы 1924 года рождения, что они ошибочно были брошены в этот бой и что оставшихся в живых отвели в тыл. Так закончилась ещё одна безрезультатная попытка захватить плацдарм на левом берегу Волхова.

После неудачных дневных попыток форсировать Волхов командир 1002-го стрелкового полка майор Арсений Иванович Смирнов приказал

двум своим батальонам под покровом ночи, в сильную метель, без шума форсировать Волхов и атаковать противника. Видимость была чуть больше, чем на вытянутую руку. Мы атаковали так стремительно и неожиданно для немцев, что к рассвету наши батальоны вышли к шоссе между Новгородом и Мясным Бором. Не доходя метров 600 до Любцов, бойцы залегли в снег, создав угрозу окружения группировки противника, обороняющей совхоз «Красный ударник» и расположенные рядом с ним населённые пункты.

Наша батарея переправилась через Волхов на западный берег возле деревни Горка, которая находилась километра на полтора-два южнее деревни Русса, расположенной на восточном берегу в полосе наступления соседа слева. На нашем участке был глубокий снег и не было дороги, а через Горку она уже была проложена, ею-то мы и воспользовались. Левый берег был очень крутой. 76-миллиметровое орудие вытаскивали наверх две артиллерийские упряжки. Это 12 лошадей, да ещё и люди помогали.

На западный берег батарея «вскарабкалась», имея всего-навсего семь снарядов на четыре орудия. Конечно, ни о какой артиллерийской поддержке пехоты не могло быть и речи. Все это прекрасно понимали, от рядового красноармейца до командира роты. Однако их мнение и даже мнение командира полка вышестоящее начальство не учитывало и приказало продолжить наступление. Чтобы «оседлать» шоссе Москва – Новгород – Ленинград и выбить противника из населённого пункта Любцы, через который и проходит данное шоссе, нашей пехоте нужно было преодолеть 600 метров открытой местности по глубокому снегу под перекрёстным огнём немцев из всех видов стрелкового и артиллерийского оружия.

Мы находились перед хорошо оборудованной второй линией обороны противника, состоящей из минных полей, проволочных заграждений, дотов, дзотов, закопанных танков, орудий прямой наводки, окопов и ходов сообщения полного профиля, хороших подъездных путей. Чтобы всё это обнаружить, необходимо хорошо изучить передний край противника, знать его огневую систему, пристрелять артиллерию. Для всего этого нужно время, а его нам не дают. Затем, чтобы разрушить огневую систему противника, необходима мощная артиллерийская подготовка. В ней должна принять участие артиллерия большой мощности и авиация, а не 76-миллиметровые пушки образца 1902 года с семью снарядами на батарее, когда только на пристрелку по одной цели по довоенным правилам стрельбы требовалось 10 снарядов. Кроме того, не учитывалось, что дивизия прошла немалый путь в наступлении и была существенно обескровлена. Но приказ есть приказ.

Ко мне подошёл командир стрелковой роты и говорит:

– Старший лейтенант! Помоги поднять роту, всё равно у тебя снарядов нет.

И вот он с левого фланга, а я с правого берём за шиворот каждой рукой по человеку и волоком тащим вперёд шагов шесть, оставляем их на этом месте, идём за другими, берём их и опять волоком тащим вперёд, на ходу приговаривая:

– Вперёд, вперёд!

Ни один не встал по команде командира роты. Только он сам да я перетаскивали лежащих пластом людей вперёд. Вся рота располагалась на расстоянии 70-80 метров. Немцы усилили огонь из стрелкового оружия и кое-кого из перетаскиваемых нами подстрелили, но ни в командира роты, ни в меня не попали, хотя и он, и я ходили в полный рост. Бессмысленность такого «наступления» была очевидной, и, когда в очередной раз на середине цепи роты мы встретились, я сказал ротному, что это дикость, а не наступление, и я его прекращаю. Он тоже прекратил дальнейшее продвижение. Других же командиров в роте не было: кто погиб в бою, кто ранен.

Наступила ночь, мороз усилился. Мы лежим на снегу, зажигать огонь, даже спичку – нельзя. Справа сзади в лесу пехотинцы по очереди грелись у костров, свет которых не был виден ни противнику, ни даже нам. И мы потянулись по очереди на этот огонёк, чтобы хоть чуть-чуть погреться. Сидишь у костра – лицу жарко, а спине холодно, и всё равно задремлешь.

Если уголь или искра попадут на одежду, то усталый и измотанный бессонницей человек почувствует, что горит лишь тогда, когда его тела коснётся огонь. Голова сидящего человека свесилась вперёд и упала на грудь, его шея сзади оголилась, и на неё падает искра. Чувствуется жжение, но сон непреодолим. Всё же наступает момент, когда жжение становится нестерпимым. Рука поднимается вверх, горячий уголёк с шеи сбрасывается, и человек снова моментально засыпает. Если же горячий уголёк попадёт на одежду, то пока она не прогорит до голого тела, хозяин ничего не замечает, он спит. Немало в таких условиях прожгли ватных брюк, телогреек и валенок. Валенки гасить особенно трудно, горят даже мокрыми. С передовой из-за дыры в одежде или в валенках никто не отпустит. Вот и воюют в дырявой одежде и обуви несколько дней, пока старшина не привезёт смену одежды и валенок. А ведь мороз, круглые сутки в бою. И так изо дня в день, пока тебя не ранит или не убьёт.

Через каких-нибудь полчаса нужно освободить место очередным, пришедшим с передовой насквозь промёрзшим людям.

Обед привозили и приносили в термосах, в которых суп и каша превращались в лёд и были несъедобны. Интересно, крыловский журавль смог бы хоть крошечку съестного раздобыть из такого термоса? О чае никто и не заикался. Булки хлеба превращались на морозе в ледовый монолит. Ножом хлеб не разрезать. Если рубить топором, то вся буханка превращалась в мелкие крошки, покрывающие снег вокруг рубщика. Пилили хлеб двуручной пилой – много отходов в ледяные опилки. Если привезут сливочное масло, его тоже не отрезать и не откусить – все замёрзло, и накрепко. В такое время, а оно длилось месяцами, доступными для нас продуктами были водка, сухари и сахар, которые не замерзали. Конечно, их нам давали не вволю, а по нормам, но мы особого голода не ощущали, ибо во время боя едят мало: аппетит пропадает или сводится к минимуму. Да и люди выбывают из строя непрерывно, а их паёк достаётся уцелевшим. Вечером отправят в полк заявку на продукты питания на одно количество людей, а за один день боя от роты в строю останется значительно меньше. Старшина в сумерках привезёт продовольствие на всех, кто ещё вчера был жив. Вот так и получается на каждого продуктов больше нормы – и сухарей, и сахара, и водки.

Спасение от сильных морозов было только в землянках. На передовой их строили, как правило, ночью. Рыли четырёхугольный котлован, сверху на него укладывали брёвна, одно к одному (накат). Их устилали лапником, чтобы земля меньше сыпалась в щели между брёвнами, и засыпали землёй. Двери делали из досок, если они были, или занавешивали плащ-палаткой. Всё это тщательно маскировалось. Внутри по середине землянки прокапывали проход, а слева и справа от него пол устилали лапником, соломой – чем могли разжиться. Это были места для сна. В одной из стенок выкапывали четырёхугольное углубление сантиметров на 60-70, а с улицы делали дыру – вот и печь готова. Никакой дверцы у неё не было. Дрова заготавливали в лесу. Если из сырой берёзы нарубить поленья небольшого размера, то они горят неплохо. Однако тепла от такой печки почти нет, а дыму много – глаза ест. Сверху над дырой-«трубой» нужно ещё устроить искроуловитель, которым обычно служило перевернутое ведро. Если искры заметит противник, а их ночью далеко и хорошо видно, то днём он нашу землянку разнесёт снарядами. Такая землянка в один накат спасёт от осколков, а от прямого попадания снаряда брёвна раскатятся или их раскидает. Немцы на своих землянках накаты брёвен скрепляли металлическими скобами. Прямое попадание снаряда могло проломить такой накат, но не раскатить. Однако, чтобы его проломить, нужна большая сила, а это не каждому снаряду «по плечу». У нас никаких скоб не было. Всегда ведь чего-нибудь не хватает.

В такой землянке можно сидеть, но голова будет упираться в накат, то есть в потолок. Входить в неё и выходить можно было почти на четвереньках. Первые наши сооружения мы делали именно такими. Но вскоре научились их делать лучше – и с железными печками, и с настоящими трубами. Если снаряды нам привозили в деревянных ящиках (по 5 снарядов в ящике для 76-миллиметровых пушек), то патроны обычно упаковывались в ящики из оцинкованного железа. Из этого железа наши умельцы-огневики быстро научились делать печки, которые нас согрели. Стало возможно и замёрзший обед разогреть, и даже чай приготовить. Но всё это только ночью, когда дым не выдаст нас противнику, и если есть чистый снег, что на передовой большая редкость. Из снега мы топили воду. Всё это стало несколько позже, а пока мы соорудили под Любцами такую землянку, которую согревали, в основном, своим дыханием.

Я составил схему огней и начал готовить данные для ведения огня, а связист мне светил. Для освещения брали кусок телефонного провода, один его конец поджигали. Кабель при горении сильно коптил, и через некоторое время моё лицо покрылось слоем сажи, да и связисту досталось. А умыться нечем: снег грязный, мороз около 30°.

Вечером принесли сухари, сахар и водку. В водке поблескивали кристаллы льда. Я выпил свои 100 граммов – у меня сразу перехватило горло и пропал голос. Мог говорить только шёпотом. Поскольку оборона стала более или менее спокойной, то мне разрешили сходить на старую огневую позицию батареи за Волховом, где у нас была землянка-баня, в которой я ещё не был и вообще не мылся месяца два. Утром пошли мы с разведчиком, а навстречу – командир нашего полка полковник Кайгородцев, да не один. Впереди него – начальник разведки полка Менжулин с разведчиками. Ну, думаю, не узнают. Разведчики и Менжулин меня не узнали, прошли мимо, а Кайгородцев сразу узнал и спросил:

– Добров? Это что с тобой?

Я ему доложил обстановку о противнике и о своей пехоте, откуда и куда следую и закоптелый мой вид объяснил. И всё шёпотом: голос-то мой пропал. Под конец нашего разговора командир полка сказал:

– Ты смотри у меня, мойся и брейся!

И пообещал прислать мне врача. Что касается мытья – это верно, а бриться мне было не нужно, ибо в то время у меня никакой растительности на лице ещё не было. Мы разошлись: они – на передовую, а мы – в тыл, в баню. Перешли Волхов у деревни Горка и там, где начинаются кусты за рекой, увидели, как похоронная команда, сплошь пожилые, не пригодные к строевой службе солдаты, хоронят наших бойцов и командиров, сложен-

ных в штабель, как поленья. Нам они рассказали, что это полковое кладбище, что раньше покойников хоронили в той одежде, в какой они были, а теперь пришёл приказ хоронить в нижнем белье, а верхнее снимать. Однако сделать это трудно, так как трупы-то мёрзлые. Что касается шинелей, гимнастёрок, брюк, то их распарывают по швам и снимают, а валенки с ног снять невозможно. Поэтому берут палку и ею бьют по ногам, отбивая валенок от ноги. Потом голенище разрезают и валенок стаскивают. Всё снятое с погибшего воина отправляют в тыл. Живым сгодится. Рядом вырыта квадратная яма, примерно, четыре на четыре метра и в глубину метра три. Раздетые тела погибших укладывают рядами, пока эту яму не заполнят до определённого уровня. Затем её зарывают и сверху оформляют как обычную могилу на одного покойника. Посмотрели мы, что нас может ждать впереди, и понуро пошли дальше.

К нашему приходу баня была уже готова. Мы помылись, затем нас по очереди уложили на полки и начали, поддавая жару-пару, хлестать двумя венниками, не давая передохнуть. Под конец этой процедуры окатили чистой водой и одели в чистое бельё. После этого нас заставили выпить водки и чаю и уложили спать. Проспал я без снов до утра. Проснулся – хрипоты и сиплости голоса как не бывало. Мы позавтракали и, не дожидаясь врача, пошли на наш наблюдательный пункт, в свою задымлённую и прокопчённую землянку.

ЯНВАРСКО-МАРТОВСКИЕ БОИ 1942 ГОДА

Вскоре, 24 января 1942 года, 2-я Ударная армия прорвала оборону противника и от совхоза «Красный ударник» начала продвижение на Мясной Бор, что был справа от нас. Затем она прорвала вторую линию обороны немцев и углубилась в лес в северо-западном направлении. В прорыв был введён 13-й кавалерийский корпус под командованием генерала Гусева.

В тот же день и мы получили приказ перейти Волхов, теперь уже на восточный берег с тем, чтобы по следам 2-й Ударной армии и 13-го кавалерийского корпуса пройти через реки Пóлисть и Глúшица и, взяв Малое и Большое Зáмошья, в дальнейшем наступать на юг. Эту задачу мы начали выполнять, приблизительно, числа 25-го января.

...В начале марта 1981 года я получил письмо от сына нашего однополчанина, председателя совета ветеранов 305-й стрелковой дивизии пер-

вого формирования Б.С. Муравьёва. В письме он сообщил, что работал в архиве Министерства обороны СССР и нашёл там книгу приказов нашего 830-го артполка и некоторые из приказов переписал для меня.

Так, приказ № 8, по личному составу, написан 22 января 1942 года на западной окраине деревни Ситно. Коль скоро штаб полка перебрался в Ситно, которое находилось на восточном берегу Волхова, то мы были ещё под Любцами.

В приказе № 10 от 25 января того же года отмечено местонахождение штаба полка уже в лесу, у отметки 37,0. Это километра два-три на северо-восток от Малого Замошья. Все последующие приказы отмечают местонахождение штаба 830-го артиллерийского полка, примерно, в этом же районе...

Итак, в ночь с 24 на 25 января походной колонной мы тронулись в путь. Мороз был невероятный. На пути следования от совхоза «Красный ударник» до шоссе Новгород – Ленинград нам довольно часто попадались трупы солдат противника. Лошадей мы укрыли попонами, стремяна обернули кто чем мог, и всё равно ноги, обутые в валенки, прямо-таки промерзали от соприкосновения со стремянами. Верхом на лошади ехать было невозможно. Все мы, включая ездовых артиллерийских упряжек, спешились и шли, ведя своих лошадей в поводу. По колонне только и было слышно:

– Ох, скоро ли деревня?

Надеялись погреться. На карте никакой деревни не было, но я молчал, пусть надеются.

Дошли до станции Мясной Бор, от которой осталась лишь небольшая часть стены с северной стороны, и, не останавливаясь, пошли дальше. Теремца Курляндского не было и в помине: пустырь и кое-где торчат обожжённые деревца. Дальше – лес, вроде бы тихо, безветрено, а мороз обжигает. К рассвету наша батарея подошла к месту, от которого мы должны были повернуть на юг к Малому Замошью. Остановились, замаскировались в лесу. И тут начали появляться самолёты-разведчики противника. Летают над нами. Хилые сосенки на болоте вокруг скрывают, конечно, нас от разведчиков сверху, но не так, как надо. Поэтому надо принять дополнительные меры безопасности. За пять месяцев непрерывных боёв нас не раз бомбили. И мы усвоили: когда попадаешь под бомбёжку, то видно, как от самолёта отрывается бомба и куда она летит и можно предугадать, где будет разрыв. Об этом я ещё раз напомнил всем и поставил перед одним из разведчиков такую задачу: при приближении к нам вражеских самолётов залезать на сосенку. Хотя это всего лишь метра два-два с половиной,

но обзор с этой высоты открывается достаточный. Далее нужно смотреть, откуда начинается бомбёжка, и куда, примерно, упадут бомбы. И сразу же сверху подавать нам команду «вперёд!», если бомбы летят в хвост нашей колонны; «назад!», если – в голову колонны; «влево!», если бомба упадёт справа; «вправо!», если она упадёт слева. После подачи команды боец должен спрыгнуть с сосенки и присоединиться к нам.

После разрыва бомб мы снова возвращаемся в исходное положение, разведчик опять залезает на сосенку, и мы ждём следующих самолётов противника, которые бомбили нас очень часто.

Так мы бегали весь день и хорошо прогрелись. В отличие от других батарей мы в этот день не потеряли ни одного человека. У нас только перебило дышло у походной кухни, которое тут же из подходящего дерева было вырублено и поставлено вместо перебитого.

Начало смеркаться. Наш расторопный старшина Виноградов сумел организовать обед и накормить батарею. Мне приказали выбрать наблюдательный пункт, с которого просматривалась бы деревня Малое Замощье. Подошли к поляне. Двух разведчиков я послал осмотреть окрестность справа, а сам с двумя другими пошёл по лесу вдоль поляны слева. Подходим к леску и видим свежие следы и удаляющихся от нас к деревне двух разведчиков противника, которых мы, видимо, спугнули своим появлением.

Мороз снова начал крепчать, но не так как вчера, послабее. Приказываю рыть землянку и сам берусь за кайло. Стараюсь подкопаться под ёлку, чтобы она своими ветками прикрывала нас от постороннего глаза, особенно с воздуха, то есть с самолётов. Мы уже привыкли к тому, что, заслышав гул самолёта, не говорят, что самолёт или самолёты летят, а дают команду «воздух!», после которой принимаются соответствующие действия, чтобы самолёт не причинил вреда. Поэтому выкапывание землянки поближе к ёлке позволяет существенно решить задачу по маскировке убежища и, если даже снаряд прилетит, то разорвётся в этой елке, а землянка уцелеет, и вместе с ней уцелеют люди. Но под ёлкой снега мало, а вокруг ствола вообще ветер выдувает весь снег почти до земли, которая, лишённая снежного покрытия, промерзает глубже, чем под толстым слоем снега. Копать здесь труднее. Однако эти, казалось бы излишние затраты труда, себя оправдывают: меньше будет загубленных жизней. Поэтому я не обращал внимания на ворчания окружающих, работал сам и заставлял работать других.

Полугодовой опыт войны убедил меня в том, что на войне надо людей не жалеть, а беречь. Жалеть в данном случае – не копать землянку. Всё

равно-де через два-три дня мы отсюда уйдём вперёд. Перебьёмся как-нибудь. А в итоге за одну ночь мы, если не замёрзнем до смерти, то всё равно утром будем измученными и к бою непригодными. Беречь же означает построить землянку, хоть 3-4 часа поспать, отдохнуть и сохранить боеспособность. Кроме того, могут быть и бомбёжка, и артобстрел, и на голом месте потери будут больше. Если же зарыться в матушку-землю, то, что называется, голыми руками нас не возьмёшь.

Наутро все были бодрыми, и никто не заикался о ночном марше, дневной бомбёжке, когда всё время бегали от бомб то вперёд, то назад, то влево, то вправо. Не вспоминали и о минувшей ночи, половину которой посвятили тяжелейшей работе на строительстве землянки.

Вскоре подошла наша пехота и начала готовиться к наступлению. Связисты с огневой позиции провели связь. Я их спрашиваю:

– Где стоит батарея?

Они показывают, что где-то там, недалеко от того места, где вчера останавливались. Такая точность меня, как стреляющего, не устроила. Спрашиваю дальше:

– Сколько израсходовано кабеля на прокладку линии связи?

Связисты называют цифру.

– А как его тянули?

Они отвечают, что с кочки на кочку петляли, то есть расстояние напрямую было бы короче, но попробуй-ка пройти по линейке по болоту и валежнику. Готовлю данные, конечно, почти наобум, но чтобы не задеть своих, дальность увеличиваю. Командую:

– Первому! Один снаряд! Огонь!

Передают:

– Первое! Выстрел!

Выстрел я слышу, а разрыв снаряда не вижу. Видимость ограничена, так как вокруг деревни лес. Решаю дать «журавля», то есть шрапнелью. Командую такие установки, чтобы она разорвалась высоко вверху. Передают:

– Выстрел!

Снова звук выстрела слышу, а звука разорвавшейся шрапнели нет, и в этот момент до моих ушей доходит хлопок. Задрал голову вверх и вижу высоко над собой облачко от разорвавшейся шрапнели. Вздохнул с облегчением. Теперь, как говорится, «слово технике», то есть мне. Ввожу корректуру, подаю команду:

– Огонь!

И третий разрыв – у большого сарая, что стоит на северной окраине деревни, обращённой к нам. Место заметное. Командую:

– Стой! Записать: репер № 1!

Пристрелка закончена. Я доволен, что на такую пристрелку израсходовал всего три снаряда. Теперь осталось узнать место расположения нашей батареи. Передаю на батарею команду:

– Доложить установки!

Докладывают, что буссоль такая-то, уровень 30-00, прицел такой-то. Меняю показания буссоли на 30-00, то есть на 180°, умножаю прицел на 50 и получаю расстояние до батареи в метрах. Наношу репер №1 на карту, от него откладываю расстояние по направлению к батарее и ставлю точку. Это и есть координаты огневой позиции батареи.

Пехота начала по лесу слева и справа обходить Малое Замощье. Ко мне подбежал один пехотинец лет 35 и истеричным голосом почти кричит:

– Лейтенант! Пожалей! У меня жена, дети!

На что я ему сказал:

– Ах, жена, дети? Значит, пожил, хватит. Вперёд!

Он сорвался с места и бегом побежал за своим взводом. Возможно, в мирное время меня не поймут и осудят. Но на войне каждый миг дорог. И у него жена и дети, и у большинства тех, кто уже в цепи, идущей на сближение с противником, тоже жёны и дети. Почему потакать и жалеть малодушных за счёт мужественных и отважных воинов? Но, с другой стороны, такого человека можно понять. Первый раз идёт в бой, немецкие пулемёты уже «заговорили», и заставить человека идти вперёд может лишь строгий приказ. Если первый бой для такого человека будет удачным, то в нём уже состоится воин и он сам устыдится своей слабости, проявившейся в его попытке схорониться за спинами своих же товарищей. Жёстко я с ним поступил, но по военному времени и сложившейся обстановке – справедливо.

Наша пехота окружила Малое Замощье и начала продвижение на юг, к Большому Замощью, в 500 метрах от которого она была накрыта сильным артиллерийским и миномётным огнём и огнём из всех видов стрелкового оружия. Пришлось залечь и закрепиться на этом рубеже.

Мы тоже начали закапываться в землю и оборудовать новый наблюдательный пункт в 500 метрах северо-восточнее Большого Замощья. К востоку от этой деревни было густое мелколесье и отдельные деревья, возвышающиеся над ним. Одну из ёлок я и облюбовал под свой наблюдательный пункт. На ней командир отделения разведки сержант Черноусов установил стереотрубу. Вся окрестность и сама деревня отлично просматривались невооружённым глазом, но для тщательного изучения противника, его обороны и для корректировки огня была всё же необходима стереотруба.

Слева от нас был прогалок, через который с земли просматривалась часть деревни и дорога, ведущая в Малое Замошье. На этом месте расчёт 45-миллиметровой пушки установил своё орудие на прямую наводку. Это метрах в 60 от нашего наблюдательного пункта. Сзади нас, метрах в 100, уже по другую сторону поляны была установлена на прямую наводку 76-миллиметровая пушка полковой батареи 1002-го стрелкового полка из взвода лейтенанта Каргинова. С ним мы вместе учились во 2-м Ленинградском артиллерийском училище. Каргинов вырос в городе Иваново, был моим товарищем, хорошим командиром и первоклассным лыжником.

Вскоре справа от нас, в 20 метрах, тоже на ёлке, появился наблюдательный пункт 6-й батареи, где командиром взвода управления был также мой товарищ из 1-го Ленинградского училища старший лейтенант Егоров, а командиром батареи – старший лейтенант Смирнов, воевавший и в Первую мировую войну, и в Гражданскую. Он был абсолютно убеждён не только в нашей победе, но и в победе коммунизма в мировом масштабе. Смирнов оказался не только знающим командиром, но и душевным, чутким и отзывчивым старшим товарищем, по-отечески нас наставлявшим и опекавшим. Его хладнокровие и рассудительность усиливали нашу убеждённость в неизбежности нашей победы над фашизмом лучше всяких боевых листков.

Так были расположены наши боевые порядки в конце января 1942 года. Через несколько дней меня вызвали на огневую позицию 5-й батареи и объявили, что я, исполнявший обязанности командира этой батареи с конца ноября 1941 года по 10 февраля 1942 года, назначен приказом по полку её командиром.

Этот приказ я воспринял уже спокойно, как само собой разумеющееся. Не так, как в ноябре 1941 года, когда считал, что у меня нет хозяйственных навыков, что я не конник, а это, на мой взгляд, несовместимо с исполнением обязанностей командира батареи. И когда в ноябре 1941 года я высказал это своё мнение командиру нашего 830-го арtpолка полковнику Кайгородцеву, он побагровел и громко приказал:

– Молчать! Выполнять!

На это я вынужден был ответить:

– Есть выполнять!

И в полной растерянности ушёл на батарею, где мне комиссар батареи политрук Хомич сказал:

– Не волнуйся! Ты только стреляй, а все хозяйственные вопросы я беру на себя.

Это меня обрадовало и успокоило, и я ему ответил:

– На таких условиях я батареею принимаю.

С комиссаром Хомичем я провоевал с конца октября 1941 года по май 1942 года. Хомич в 30-х годах служил в артиллерии и после демобилизации был уволен в запас в звании «младший лейтенант». В одном из районов Белоруссии он работал заведующим районным земельным отделом. Когда в самом начале войны немцы прорвались к их райцентру, он вынужден был прямо из райисполкома бежать в одном костюме без документов с отступающими частями нашей армии. После объяснений с военкомом одного из районов он был призван в армию и направлен в 830-й артиллерийский полк 305-й стрелковой дивизии, имея при себе только партбилет. Некоторое время он был помощником политрука (в петличках, как у старшины, по четыре треугольника и на рукаве гимнастерки красная звезда) при комиссаре нашего полка Найде. Тот добился присвоения ему звания политрука (по три кубика в петлицу и звёздочка на рукаве). И Хомича направили в нашу батарею на должность комиссара. Мне повезло, что у меня был комиссар из артиллерийских командиров и с опытом работы в районном масштабе. Все вопросы, связанные с обеспечением батареи продуктами питания, обмундированием или, как тогда говорили, продуктово-фуражным и обозно-вещевым снабжением, решались им вместе со старшиной батареи Виноградовым, а позже с Кожахиным. Разумеется, он квалифицированно выполнял и свои обязанности комиссара батареи.

В данном районе 305-я стрелковая дивизия заняла оборону от озера Замошского до платформы Горенка. Это порядка 12-15 километров по фронту. Дивизия же к тому времени около двух с половиной месяцев вела кровопролитные наступательные бои, прорвала несколько укрепленных оборонительных рубежей противника. Форсировав Волхов, она захватила плацдармы на его западном берегу. Всё это привело к потере дивизией более двух третей своего личного состава. Дивизионная артиллерия была не только малочисленна, но и плохо обеспечена боеприпасами.

Нам не удалось с ходу выбить противника даже из Малого Замошья. Окружив его гарнизон, где насчитывалось, по некоторым данным, около 200 человек, мы оставили здесь 30 человек, а все силы сосредоточили для наступления на Большое Замошье. А сил этих – менее роты. Вместе с Егоровым мы пристреляли свои батареи. Наши разведчики круглосуточно изучали оборону противника, выявляли его огневую систему и оборонительные сооружения. С утра перед атакой сделали небольшую артиллерийскую обработку переднего края противника, и редкая цепь нашей пехоты по глубокому снегу пошла в наступление. Сначала продвигались довольно быстро. Я хорошо их всех видел. Противник пока вёл себя смиренно. Но как только артиллерийский огонь ослабел, противник стал обстре-

ливать наших бойцов. Цепь пехотинцев стала редеть и перед самой деревней вынуждена была залечь.

Несколько немецких пулемётов мы подавили, но двух наших батарей для подавления всей укрепленной обороны противника, его опорного пункта, заранее оборудованного на нашем пути, было мало. 76-миллиметровые пушки не могли разбить дзоты, а более мощная 6-я гаубичная батарея с ограниченным количеством снарядов не в силах была с ними справиться. Орудия прямой наводки подавили и частично разбили лишь те огневые точки, которые они видели в своих секторах обстрела.

Глубокий снег помог сберечь залёгших бойцов, и в наступившей темноте их отвели на исходные позиции, подобрав убитых и раненых.

Существенно сковывала наши действия и авиация противника. Она всё светлое время суток находилась над огневыми позициями нашей артиллерии и подвергала их бомбовым ударам.

Помнится, в то время в дивизию привезли одну тысячу подарков, которых хватило (!) на всю дивизию, включая и её артиллерийский полк. Каждому человеку, от командира дивизии и до ездовых обоза, достался подарок.

22 февраля 1942 года 305-я дивизия имела в своём составе 437 человек, не считая артиллеристов, коих тоже было немного²². Из этих 437 человек, составлявших по численности всего лишь батальон, в стрелковых полках имелось 346 стрелков и 91 автоматчик. Из них: 1000-й стрелковый полк имел 145 стрелков и 28 автоматчиков; 1002-й стрелковый полк – 115 стрелков и 18 автоматчиков; 1004-й стрелковый полк – 86 стрелков и 45 автоматчиков. По численности это были не полки, а роты²³.

Добиваться успехов в сражениях с хорошо вооружённым и численно превосходящим противником помогала не только храбрость и упорство солдат, но и умелые командиры. В дивизии были такие самородки, как командир 1002-го стрелкового полка майор А.И. Смирнов. Он имел и хорошую теоретическую подготовку, которую получил во время учёбы в военной академии, и природный дар – светлую голову военачальника. Он мог малыми силами и малой кровью успешно осуществлять свои хорошо продуманные операции. Арсений Иванович уважал противника, ничего не делал «на авось», глубоко и всесторонне учитывал и сильные, и слабые его стороны. Хорошо он знал и нас, артиллеристов. Наша батарея обычно получала приказ на основную поддержку 1002-го стрелкового полка. Я

²² При формировании в июле 1941 года 305-я стрелковая дивизия насчитывала 10000 человек.

²³ *Гаврилов Б. И.* Долина смерти. Трагедия и подвиг 2-й ударной армии. М., 1999. С. 82. (Авт.).

полагал, что это правильно, так как общение с одними и теми же командирами стрелкового полка улучшало взаимопонимание и доверие друг к другу.

Обычно боевой приказ о поддержке огнём батареи определённого стрелкового подразделения или части мы получали по телефону. Когда же обстановка позволяла, то нас, командиров батарей, собирал командир полка и отдавал свой приказ на поддержку пехоты артиллерийским огнём. Однажды, отдавая такой приказ, он сказал, что на Доброва, как всегда, персональный заказ командира 1002-го полка майора А.И. Смирнова. Затем перешёл к другим командирам батарей, которых назначил в другие стрелковые части по своему усмотрению. Такое известие, что пехота запрашивает конкретную батарею для своей поддержки, встречалось нечасто. Мои батарейцы восприняли это как высшую оценку нашей боевой деятельности, как огромное доверие нам и уверенность, что в бою мы не подведём. Мы почувствовали высокую ответственность за свои действия в боевых условиях.

Ежедневно противник бомбил нас с воздуха, накрывал артиллерийским и миномётным огнём, пытался выбить с оборонительных рубежей. Мы не только недоедали, но и недосыпали, за день изматывались так, что в темноте, когда авиация не бомбит, а артиллерия и миномёты ограничиваются редкими налётами по площадям, в минуты затишья в окопах слышится стон людей. Стон не раненых, а пока ещё внешне здоровых, в основном, молодых людей, в большинстве своём в возрасте от 18 до 35 лет. Это был стон их измученных душ.

В темноте нам на передовую привозили хотя и не горячую, но всё-таки тёплую пищу: суп да кашу и по сто граммов водки, если она была.

Находясь в таких условиях мы выкраивали время для совершенствования своих военных знаний. Особое внимание уделялось взаимозаменяемости в орудийном расчёте, подготовке разведчиков, связистов, командиров орудий и наводчиков. Цель такой подготовки: если в бою выйдет из строя человек, убьют или ранят (болезни в расчёт не принимались), то оставшиеся в живых могли бы заменить выбывших, иначе орудия прекратят ведение огня и пехота не сможет получить нашу поддержку, а противник не замедлит этим воспользоваться.

Наши неоднократные попытки продолжить наступление на юг оканчивались неудачами. Силы противника для нас были непреодолимыми. В конце января 1942 года наше командование решило сосредоточить 1002-й стрелковый полк на левом фланге и попробовать с юго-востока окружить хорошо укреплённый опорный пункт немцев – Большое Замошьё. Всё, что было в обороне с северо-востока и северо-запада от Большого Замошья,

было сосредоточено на левом фланге. На старом, теперь уже оголённом, участке остался лишь наш наблюдательный пункт. А наблюдательный пункт 6-й батареи, полковая батарея 76-миллиметровых пушек и 45-миллиметровые орудия были переведены на левый фланг.

Мне в то время пришлось быть и командиром батареи, и командиром взвода управления в одном лице. Кроме меня, на наблюдательном пункте были командир отделения разведки сержант Григорий Черноусов из Пермской области, разведчик Никулин, работавший до войны директором ресторана железнодорожной станции Вятка в городе Кирове, два разведчика и два связиста. Нужно было пристрелять репер на левом фланге, который с нашего наблюдательного пункта не просматривался. Туда был направлен разведчик Никулин и связист. Во время корректировки огня Никулин был обнаружен снайпером, пуля которого попала Никулину прямо в лицо. Смерть наступила мгновенно. Так мы потеряли ещё одного отличного разведчика. Никулин был высокопорядочным человеком и коммунистом не только формально, но и по своим убеждениям. Похоронили его на том самом полковом кладбище, которое располагалось у перекрестка дорог Новгород – Чудово и Мясной Бор – совхоз «Красный ударник», что на левом берегу Волхова.

На другой день на рассвете на наш участок обороны, где кроме нашего наблюдательного пункта с шестью бойцами никого не было, налетела вражеская авиация. Началась бомбёжка. Только одни самолёты отбомбятся, как их сменяют новые. Непрерывная бомбёжка продолжалась минут тридцать. Самолёты «юнкерс-87» выстраиваются друг за другом, включают сирены, с громким воем пикируют на нас и сбрасывают бомбы. От разрывов вокруг нашей землянки всё вздрагивает и шатается, земля сверху сыпается за воротник, звук сирен наводит на людей ужас, все лежат, и надежды на спасение всё меньше и меньше. Но и на сей раз пронесло. Только начало стихать, я выглянул из землянки. Блиндаж 6-й батареи разбит, брёвна разлетелись от прямого попадания бомбы, то же самое – слева с блиндажом расчёта 45-миллиметровой пушки. Всё перемолото и позади нас, на позиции 76-миллиметровой полковой батареи. В живых остались люди только в нашей уцелевшей землянке. Авиация улетела, и тут же начался артиллерийский налёт.

Я снова нырнул в свою землянку. После налёта артиллерии всё стихло. Мы вылезли из своего убежища и, как оказалось, вовремя. Слышим хриплый голос офицера, подгонявшего своих солдат. Началась атака солдат противника. Мы только слышим их, но пока не видим, так как уцелевшие

кусты и отдельные деревца скрывают их от наших глаз. Наша ель уцелела. Я тут же на неё забрался и вижу: цепь солдат противника по глубокому снегу продвигается от Большого Замошья в направлении к Малому. Их цель – прорвать кольцо окружения и вызволить из Малого Замошья находящихся там своих солдат и офицеров.

В бинокль мне видно, как медленно по глубокому снегу, где кучей, где цепью, понуро идут люди. Мороз был небольшой, от 15 до 20 градусов. На руках наступающих болтаются винтовки, а сами руки засунуты в рукава шинелей. Враги не в силах взять оружие в руки. Замёрзли напрочь. Всего их человек шестьдесят, но считать некогда. Соскочил с ёлки и говорю своим шести бойцам, что эти «вояки» нам не страшны, снег их пленил, и из него они не выберутся не то что бегом, а даже нормальным шагом. Офицер тоже, видимо, выбился из сил, подгоняя солдат хриплым голосом всё тише и реже. Наверное, это были испанцы, на немцев не похожи, действуют неумело. У нас был пулемёт Дегтярёва²⁴ и у меня автомат ППД²⁵, патронов было много, снарядов же на батарее нет. Отсылаю в землянку связистов и одного разведчика набивать пустые диски и поддерживать связь с огневой позицией. Сержанта Черноусова – за пулемёт, сам беру автомат, показываю сектор обстрела и дальность до противника, и мы открываем огонь из снегового хода сообщения, который мы прорыли, когда у нас ещё были соседи – 6-я батарея. Ход сообщения получился глубоким, с метровым бруствером, чуть пригнёшься – скрывает с головой, а бруствер из снега от пуль спасает. Разведчика изредка посылаю на ель, откуда он сообщает результаты нашей стрельбы. А противник продвигается всё ближе и ближе. Враги открыли огонь из пулемёта, который бьёт прямо по нашему брустверу. Черноусову приказываю присесть за бруствер, а сам выбрал момент, когда пулемёт замолчал, видимо ленту менял, вскочил в полный рост и выпустил из автомата в направлении пулемётчика весь диск, меняя при этом и дальность, и направление. Диск кончился, я присел на дно траншеи-окопа, вынул из автомата пустой диск, который передал в землянку, а полным диском с патронами зарядил. Вражеский пулемёт вновь открыл огонь. Когда он чуть замолк, Черноусов выпустил весь диск со сменой дальности и направления. Так продолжалось несколько раз.

Всё же обстановка менялась не в нашу пользу. То, что нас очень мало, и фланги наши открыты, и что окружение гарнизона противника в Малом

²⁴ Дегтярёв Василий Алексеевич (1879-1949), выдающийся советский конструктор оружия, Герой Социалистического Труда, генерал-майор инженерно-артиллерийской службы, лауреат четырёх Сталинских премий, доктор технических наук, член ВКП(б) с 1941 г.

²⁵ Пистолет-пулемёт Дегтярёва, образца 1940 г., часто называемый автоматом.

Зáмошье чисто символическое, противнику скоро будет известно. И финал для нас будет печальным. Наша-то пехота слышит, что здесь идёт бой, и знает наше положение. Почему она бездействует? Если мы не удержим своих позиций, то они окажутся в окружении.

Повернулся назад и вижу, к нам идут два бойца с 50-миллиметровым миномётом и с несколькими лотками мин. Спросил, откуда вы? Ответили, что ротный прислал. Наконец-то пехота услышала нас и помощь прислала!

Бойцы установили миномёт, открыли лоток с минами, разведчик забрался на ёлку, и началась пристрелка. Только перешли на поражение, как осечка – одна мина осталась в трубе (трубой называют ствол миномёта). Снова пристрелка, снова перешли на поражение. Разведчик с ёлки сообщает, что хорошо накрыли противника. И так несколько раз. Вскоре противник дрогнул. Мы усилили огонь и миномётный, и стрелковый. Пулемёт противника замолк окончательно. Основная часть наступающих была перебита. Офицеру, видимо, тоже досталось, так как его голоса не стало слышно. Как только два наших миномётчика открыли огонь, часть вражеской пехоты повернула обратно, на ходу подбирая своих раненых. Вскоре всё стихло. Противник не знал, что обороны у нас практически не было, кроме горстки людей на наблюдательном пункте и двух миномётчиков с ротным миномётом. С нашей стороны потерь не было. Миномётчики с миномётом и пустыми лотками, выслушав наши благодарности и добрые слова, деловито зашагали в свою роту.

Мы прекратили стрельбу, набили пустые диски патронами. Я доложил по телефону обстановку командиру дивизиона капитану Маслякову. Мои разведчики уже сбегали на поле боя, где лежали трупы убитых солдат. Я с разведчиком отошёл от нашей землянки на северо-восток в направлении Малого Зáмошья к дороге, и метрах в 50 мы обнаружили двух убитых немецких солдат, а мы в этом направлении не стреляли. Видимо, это были разведчики из окружённого гарнизона Малого Зáмошья. Они шли на звуки боя выяснить обстановку. Наступавшие из Большого Зáмошья солдаты, ведя огонь по нам, случайно застрелили этих своих двух разведчиков, попавших в зону огня.

Через несколько дней разведка противника нашла в юго-западном направлении от Малого Зáмошья брешь в нашей обороне и в ночь с 12 на 13 февраля вывела весь окружённый гарнизон вместе с ранеными, которых унесли на носилках.

Увидели их случайно старшина и повар стрелковой роты, следовавшие на передовую, и умчались от немцев на лошади вместе с кухней. Так окончательно деревня Малое Зáмошье стала нашей.

В первой половине марта 1942 года 1002-й стрелковый полк был снят с обороны и направлен в горловину прорыва для смены правофланговой части 65-й стрелковой дивизии. Наша батарея развернула свои орудия на восток и впервые за девять месяцев нахождения на фронте приготовилась вести огонь с запада на восток. Со своего наблюдательного пункта под Большим Замощем мы тоже снялись и отправились пешком вслед за пехотой на новый участок обороны, который был километрах в трёх на юго-запад от Теремца Курляндского и, примерно, на таком же расстоянии, но на северо-запад, от деревни Зэмтицы на Большом Замошском болоте.

Дорога была проторена прошедшей впереди пехотой, и мы продвигались довольно быстро. Высокий лес закончился, и мы вышли на Большое Замошское болото, где довольно густо росли низкорослые сосенки. Вышли на большую поляну, достигли её середины и услышали звук моторов, а затем увидели в воздухе семь бомбардировщиков и трёх сопровождающих их истребителей. Мы остановились. Позади нас лес – уже далеко, а впереди – ещё далеко. Скрыться негде. Выход один – свернуть с дороги и лечь в глубокий снег, авось пронесёт. И тут мы увидели трёх наших «ястребков» «И-16»²⁶, которых мы называли тупоносыми. В скорости наши явно уступали. Но в маневренности враги тягаться с ними не могли. На стороне немецких лётчиков было численное превосходство. Но почему-то все бомбардировщики, далеко не долетая до нас, сбросили бомбы в болото, где никого не было, и в бреющем полёте, нарушив свой строй, на предельной скорости рванули назад вместе со своими охранниками-истребителями. Наши три ястребка бросились за ними, но расстояние между вражескими и нашими самолётами заметно увеличивалось. Преследование было бессмысленно.

Сам факт, что наши лётчики при соотношении сил 10:3 в пользу противника, наводили на вражеских пилотов такой панический страх, говорит о многом. Сделав несколько фигур высшего пилотажа в свободном небе, наши самолётчики ушли на восток. А мы, даже не успев свернуть с дороги и лечь в снег, пошли дальше, обсуждая всё увиденное и испытывая гордость за наших соколов.

Местность пошла ровная, густо заросшая мелким сосняком. Дальше носа, как говорится, ничего не видно. Сосенки вокруг жидковаты, веса человеческого тела не выдерживают. Впереди две траншеи, прорытые в снегу: одна – впереди, другая – позади. Это передовая позиция, доставшаяся нашей пехоте от 65-й стрелковой дивизии. Обзор плохой. Пошли мы обратно в надежде найти хотя бы дерево, с которого можно видеть

²⁶ Советские самолёты-истребители.

расположение противника и корректировать огонь батареи. Идём, а нам навстречу командир 1002-го стрелкового полка майор А.И. Смирнов. Остановились, и я его спрашиваю:

– Почему, товарищ майор, вы один идёте?

А он мне отвечает, что у него в полку только 30 активных штыков и больше никого нет. В первой траншее находятся три человека, и во второй – два. И всё. Вот почему один и ходит. Выделить одного разведчика для его сопровождения мне тоже было не из кого, так как наблюдение за противником мы ведём круглосуточно, да ещё и в охране нужно иметь человека, так как наблюдатель не должен отвлекаться, а часовой обязан на земле всё вокруг охранять.

Походили мы, походили и ничего пригодного для осмотра местности не нашли. Пришлось готовить данные для стрельбы по линии обороны своей пехоты. Ориентируясь только по звуку разорвавшихся немецких снарядов, я определил направление и расстояние до немецкой батареи. По этим данным нанёс точку на карту. Если будет необходимость, то от этой точки буду переносить огонь на цель.

Наступила ночь, а вместе с ней и мороз. Неподалёку нашли две землянки. Подошли к одной – забита людьми так, что руку некуда просунуть. Лежат солдаты друг на друге от пола до потолка. Это где-то около метра. «Отдыхают». Люди так измотались за день, что заползли в лаз этой землянки, расположились как могли и уснули мёртвым сном. Мы пошли во вторую землянку, где с грехом пополам разместились. Ночью я проснулся от боли в руке и ноге. Оказывается, когда мы уснули, подошли ещё пехотинцы и устроились на ночлег уже поверх нас. На мне лежало несколько человек, и все крепко спали. Ноги и одна рука были так придавлены, что высвободить их или повернуться было невозможно. Вскоре я снова погрузился в глубокий сон.

На рассвете проснулись, вылезли наружу, и оказалось, что в первую землянку было прямое попадание снаряда противника, почти все, кто в ней был, погибли. А мы даже не слышали разрывов снарядов, хотя расстояние между землянками было около 20 метров. Конечно, в этом сказались привычка к разрывам и невероятная усталость.

В нашей землянке никто не пострадал. Когда я осмотрел землянки, то пришёл к выводу, что они построены противником, их координаты ему известны, и выходы из них не в наш тыл, а в тыл противника. До нас с этого места противника выбила 65-я стрелковая дивизия, и землянки оказались на нашей территории. Видимо, они уже немало послужили нашим, но всё до времени, и вот это время досталось нам.

Разведка противника, конечно, выяснила, что оборону держало мало людей, а стало ещё меньше. Этим и воспользовались испанцы из 250-й пехотной дивизии, перейдя в наступление на наши позиции. Весь день были жаркие бои. То они нас окружают, мы прорвёмся и их атакуем, снова окружают, наши опять вырвутся, сминая их цепи. Помогало то, что этих вояк мы знали и считали их слабыми воинами в их ещё к тому же и летней одежке. Помню, после очередной нашей контратаки противник отступил и оставил убитых. И вот лежит убитый офицер, на нём – хромовые сапожки. Видимо, натянуты на ноги с тонкими носками. Ну, как тут на морозе воевать? А с другой стороны – кто его к нам звал?

В одной из схваток солдаты противника окружили расчёт нашей 45-миллиметровой пушки. Отбивались ребята яростно и дружно. Расстреляли все снаряды. Подхватили за станины своё орудие, и одной рукой каждый тянет его, а другой рукой из автомата ППШ²⁷ бьёт по испанцам. Так вместе с пушкой прорвались через их цепь. Затем станины орудия закрепили в санях, и одна впряжённая в них лошадь повезла его, а орудийный расчёт (4 человека) молча шёл рядом. Передки орудия пришлось бросить.

В этих боях мы потеряли своего лучшего разведчика, любимца батареи, Николая Лебедева, и его тело осталось на нейтральной полосе ближе к противнику. А где-то в далёкой деревушке жила его мать, совершенно одинокая старушка. С огневой позиции приехал старшина батареи Кожухин с двумя бойцами. В санях запряжена кобылица орловской породы, которой в полку не было равной. Старшина подошёл ко мне и доложил, что вся батарея просит меня разрешить вывезти тело Лебедева. Я объяснил им обстановку, показал, где проходит передовая противника, где у них пулемёт, и сказал, что не могу приказывать забрать тело Лебедева. Это слишком большой риск. Но и не учитывать желание всей батареи, то есть запретить, тоже не могу. Решайте сами. Они сказали, что будут брать, и ушли в лесок, где оставили лошадь. И вдруг через некоторое время вылетает, как вихрь, лошадь. Правит ею сам старшина, и летят они сквозь нашу цепь в сторону противника. Наша пехота хотя и знала, но ахнула от такой неожиданности. Пехота противника тоже оторопела. Подскакивают смельчаки к телу. Сани лихо развернулись. Двое спрыгивают с саней, один – за ноги, другой – за плечи хватают труп Лебедева, бросают в сани, падают на него, старшина по-разбойничьи свистнул, и лошадь молниеносно проскочила нашу цепь и вместе с седоками скрылась в лесу. Только тогда солдаты противника спохватились и открыли огонь. Наша пехота начала им отвечать. Когда всё поутихло, слышу ворчание пехоты:

²⁷ Пистолет-пулемёт Шпагина, образца 1940 г.

– Нам раненых не на чем увезти, а тут убитых увозят!

Похоронили Николая Лебедева на полковом кладбище у развилки дорог Новгород – Чудово и Мясной Бор – совхоз «Красный ударник», там, примерно, где сейчас стоит телеграфный столб.

Дня через два 1002-й стрелковый полк и мы с ними получили приказ вернуться на свои старые позиции к Большому Замошью.

Раздумывая о нашем пребывании в самом узком месте прорыва 2-й Ударной армии, невольно удивляешься. Почему стык полосы обороны дивизий приходится именно на самое опасное направление и на дивизии, ослабленные в жестоких боях? Стыки – это всегда самое слабое звено в цепи обороны. Их стараются определить и наша разведка у противника, и разведка противника у нас. Как правило, стыки бывают расширены по территории, потому что каждый надеется на соседа, что именно он свой фланг укрепит. А сил на усиление обороны границы с соседом обычно не хватает. В итоге оборона в таких местах растянута и слабо обеспечена огневыми средствами и людьми. В этот стык и направляется главный удар противника с целью окружения и уничтожения прорвавшихся войск. Это прекрасно знают и командиры всех рангов до Верховного главнокомандующего включительно. В этом узком коридоре шириной три-пять километров, по которому прошла 2-я Ударная армия в направлении на Любань с целью окружить и разбить большую группировку немецких войск и снять блокаду Ленинграда, и был стык. Всё это прекрасно знал и наш противник, принимал соответствующие контрмеры и, в первую очередь, стремился закрыть этот узкий коридор и тем самым окружить и уничтожить 2-ю Ударную армию. Сменив измотанную в боях, ослабленную 65-ю стрелковую дивизию ещё более слабым (30 активных штыков) полком 305-й стрелковой дивизии, мы быстро доказали свою небоеспособность командованию 52-й армии, и нас сменили, а противник довольно легко перекрыл коридор. И так было многократно.

Мы вернулись на свои позиции под деревню Большое Замошье и заняли свою же землянку. Сохранилась и наша ель, на которую мы снова установили стереотрубу. Началась обычная работа на наблюдательном пункте. Вскоре разведчик с ёлки доложил, что видит, как из дома на северной ок-

раине деревни ведёт огонь пулемёт противника. Я немедленно сменил наблюдателя и посмотрел на дом в стереотрубу. Действительно, под домом оборудован дзот, из амбразуры которого торчит ствол пулемёта. Начал вести огонь. Первый выстрел – перелёт, или, как говорят в артиллерии, «плюс», то есть снаряд разорвался за домом. Вношу поправки в установки орудия. Второй разрыв – недолёт, то есть «минус». Такое положение, когда цель находится между «плюсом» и «минусом», называется «вилкой». И только собрался перейти на поражение, как из-за дома выбежали двое маленьких детей, одному лет шесть, а другому, примерно, восемь, и остановились перед домом. Несомненно, немцы догадались, что находятся у меня под прицелом, и выгнали малышей из дома, чтобы я их видел. У меня даже сердце сжалось от жалости к детишкам, и я огонь прекратил. Вот, мерзавцы, что делают! Наших детей под разрывы поставили!

Следующие два дня разведчики не сводили глаз с этого дома. Многократно и я внимательно изучал всё, что было вокруг него, но мы не обнаружили ни одной живой души. Видимо, гражданское население, в том числе и детей, немцы отослали в тыл. А пулемёт из-под дома нет-нет да строчит, нанося урон нашей пехоте. Мы же в это время вели огонь из своих орудий по другим целям, в стороне от этого дома-дзота. На третий день я решил этот дом уничтожить. Сделал в него два прямых попадания – крыша осела, а дом, вернее его стены, стоит, и пулемёт цел, хотя и не стреляет. Да, 76-миллиметровый снаряд эту цель не уничтожит. Когда я слез с ёлки, ко мне подошёл старший лейтенант Егоров, командир взвода управления батареи 122-миллиметровых гаубиц. Я ему рассказал, что дзот и дом после моих двух попаданий стоят на месте. Егоров говорит:

– Эх, вы, трёхдьюмовщики! Смотри, как надо!

Я снова залез на ёлку и приник к стереотрубе. Егоров по соседству забрался на свою ёлку, и вторым снарядом попал в этот же дом, который от разрыва 122-миллиметрового снаряда раскатился по брёвнышку в разные стороны, и от дзота ничего не осталось. По крайней мере, огня оттуда больше не было. Егоров мне шутливо крикнул:

– Видел?!

Противник с каждым днём активизировался. Почти непрерывные налёты авиации, массированные артиллерийско-миномётные обстрелы осложняли снабжение боеприпасами и продовольствием. По нашему наблюдательному пункту каждый день были обстрелы, но не ближе 10-20

метров. Когда я однажды сидел на ёлке за стереотрубой, то по разрывам снарядов понял, что противник меня обнаружил. Он пристреливается по мне, а я сижу и наблюдаю, где бы мог быть наблюдательный пункт его артиллериста? Но вот он меня взял в «вилку». Я прыгаю с ёлки в сугроб, и рядом со мной разрывается снаряд. В прыжке моя рукавица зацепилась за сучок и осталась наверху. Я вскочил и успел в два прыжка скрыться в землянке. Следующий снаряд попал в угол землянки, затем огонь был перенесён на наблюдательный пункт 6-й батареи и вскоре прекратился.

После разрыва снаряда на снегу вокруг воронки образуется чёрный нагар, и я предполагал, что если в зону этого нагара попадёт хотя бы часть тела человека, то он погибнет. До этого приходилось многократно попадать под обстрелы, и хотя снаряды рвались в непосредственной близости от меня, но в зону этого чёрного пятна я не попадал. Выходит, мёрзлая земля и глубокий снег задерживают осколки от разорвавшегося снаряда или гранаты. Когда огонь прекратился, сержант Черноусов залез на ель, снял разбитую стереотрубу и мою рукавицу, тоже пробитую осколком.

К вечеру с огневой позиции нам доставили обед, и мы впервые за день поели. Выдали также сахар за целую неделю. Мы решили вскипятить чай, а воду можно было получить из растопленного снега. Снег же вокруг нас весь покрыт чернотой, от которой вода становится горькой. Желание попить чаю было настолько сильным, что двое пошли на поиски чистого снега. Через какое-то время принесли снегу полное ведро и котелки. Снег, вроде, чистый. Растопили. Вскипятили воду в ведре и высыпали в него на радостях весь чай и весь сахар, помня о том, что лучше раз напитокся, чем вовсе не пить. Довольствоваться слегка желтоватой и подслащённой тёплой водичкой, да и то не чаще раза в месяц – это не чай.

Приступили к чаепитию в ожидании блаженства. Первый глоток, вроде горчит, второй раз задержали жидкость во рту – горечь. И всё содержимое ведра пришлось вылить. Ох, и жалко было выброшенного сахара: другого-то нам не дадут. Хорошо, что было темно, и не было видно наших искажённых досадой физиономий.

Рано утром в предрассветных сумерках послышался гул моторов. По команде «в ружьё!» все выскочили из землянки и заняли свои места. В небе в нашем направлении движется армада самолётов противника. Мы насчитали порядка двух десятков, но вдаль они шли нескончаемым потоком. По звуку моторов мы отличали свои самолёты от чужих. Передние из них уже близко, видно на крыльях свастику. Следует команда «в укрытие!». Все, кроме одного наблюдателя, ушли в землянку. И началось светопреставление. Несколько самолётов выстраиваются друг за другом в одну цепочку – и начинается «карусель». Если это «юнкерс-87», одномо-

торный бомбардировщик, то он включает сирену и с рёвом пикирует чуть не до земли. Бросив одну бомбу, он выключает сирену и заходит в хвост впереди летящему самолёту, который вскоре выходит на пикирование с включённой сиреной и тоже бросает одну бомбу. Так поступают все остальные самолёты. Продолжается всё это до тех пор, пока каждый самолёт не выбросит на нас все бомбы. Если бомбят двухмоторные «юнкерсы-88», то они делают лишь небольшой наклон носом на цель и сбрасывают бомбу, но без сирены. Без сирены бомбёжка несколько легче переносится, но душераздирающий звук сирены действует на психику человека, нагоняет страх, хотя сама по себе сирена – не бомба с её последствиями.

Когда отбомбится одна эскадра, наступает небольшой перерыв, от 10 минут и до получаса. Во время этого кратковременного затишья мы выходим из землянки оглядеться и стараемся предугадать, куда будет следующий налёт авиации. Затем уходим в укрытие, и всё повторяется вновь. И так всё световое время. Только когда начинает темнеть, идёт последняя партия бомбардировщиков, которая, отбомбившись, уходит уже в густых сумерках. Такие бомбовые удары от зари до зари наносились от передовой, где мы были, на всю глубину нашей обороны. Особенно сильно бомбили сам «коридор», по которому шло снабжение 2-й Ударной армии и частей 52-й армии с юга и 59-й армии с севера. Этот «коридор» был в непрерывном дыму и пламени. Такая массированная бомбёжка продолжалась семь дней. Лишь ночью люди отдыхали от неё. Морально все были угнетены настолько, что психика людей была на грани срыва.

В ОКРУЖЕНИИ

Закончилась эта бомбёжка числа 18 марта, а 19 марта «коридор» был закрыт противником. Так мы оказались в окружении. наших самолётов во время этого ада мы не видели. Снабжение боеприпасами и продуктами по «коридору» прекратилось, и это сразу отразилось на и без того мизерном обеспечении нас снарядами, продуктами для людей и фуража для лошадей. После такой авиабомбёжки мы легче переносили артиллерийские обстрелы.

Наши огневики-батареи ещё задолго до этой бомбёжки понастроили из подручного материала немало ложных батарей, состоящих из макетов орудий, которые слегка замаскировывали. Иногда ночью на этих «батареях» ставили боевое орудие и делали два-три выстрела, чтобы по пламени противник мог их засечь и днём открыть по ним массированный огонь. Цель

устройства таких ложных батарей – ввести в заблуждение противника и вынудить его расходовать побольше боеприпасов. И нам это часто удавалось. В эту бомбёжку все ложные батареи были уничтожены. Были перемешаны с землёй все болота и леса. Зайдёшь в такой лес, чуть подует ветер, и огромные деревья вдруг начинают падать то здесь, то там. Присмотрелись мы к этому явлению и выяснили, что, оказывается, стволы деревьев у основания перебиты осколками, и пока не было ветра, они ещё стояли.

Наш рацион сократился наполовину и более, но это пока ещё не настоящий голод. Лошадей мы перевели на веточный корм. Заготавливали ветки, запаривали их, чтобы были помягче, рубили и скармливали лошадям. От такого корма лошади худели на глазах.

Снабжать нас начали по воздуху на самолётах «У-2», которые у нас звали «хозяином» тайги или фронта, а на юге – «кукурузниками». Самолёты сбрасывали нам продукты питания и боеприпасы. Тех и других было очень мало.

Огонь мы вели только прицельно и в крайних случаях, а натиск противника усиливался, особенно на 1000-й стрелковый полк, который занимал оборону от Большого Замошья на запад в направлении на Гóренку. Вскоре мне приказали перенести свой наблюдательный пункт в расположение 1000-го стрелкового полка, куда мы и перешли. Обзор на новом месте был хуже, так как лес был гуще и выше.

У деревни Большое Замошье просматривалась её окраина, а в центре и южнее виднелись кое-где крыши. На новом месте мы обустроились, построили землянку, оборудовали ячейки для круговой обороны, пристреляли батарею.

Противник развернул пропагандистскую работу. Засыпал нас листовками с самолётов, в которых расписывал, что мы находимся в безвыходном положении, предлагая нам сдаваться в плен, обещал хорошее отношение, трёхразовое горячее питание и извинялся, что у них мало столовых приборов, поэтому просил захватить котелки и ложки. Восхвалял свою якобы непобедимую армию, ни слова не говоря о том, что эти «непобедимые» были нами разбиты под Тихвином, Москвой, и что они в битвах с Красной Армией несут большие потери в людях и в технике. Листовки, как правило, заканчивались напечатанным пропуском, который нужно предъявить немцам, но прежде нужно было винтовку воткнуть штыком в землю. Если по каким-то причинам пропуска нет, то тогда нужно было кричать:

– Бей жида, политрука, рожа просит кирпича!

Эти слова, якобы, заменяют пропуск. Все листовки были примитивны по содержанию и рассчитаны на невежественных, отсталых людей, а не на наших бойцов, уровень образования и культуры которых значительно

возрос за годы Советской власти. Поэтому эти листовки не могли достичь своих целей. Участилось использование немцами агитационных машин с громкоговорителями, установленными на передовой противника. Содержание этих выступлений мало отличалось от того, что было в листовках. Заканчивались эти передачи обычно призывами с надрывным криком:

– Бейте артиллеристов! Бейте Жигалова!

Капитан Жигалов командовал первым дивизионом нашего полка. Мы воспринимали этот призыв как высокую оценку противником деятельности артиллеристов. Она поднимала наш боевой дух, несмотря на большие потери в этих боях. Таким образом, результат этой агитационной работы был прямо противоположен тому, который ожидался фашистскими пропагандистами. Жаль, что у нас каждый снаряд был на счету, и мы не могли их проучить так, как того они заслуживали. Ну, погодите! Не век же нам сидеть в окружении. Будет и у нас снарядов по потребности.

До конца марта шли кровопролитнейшие бои за «коридор», который переходил из рук в руки. Бои шли круглые сутки, и вся местность была в огне и дыму от грохочущих разрывов. Наконец 30 марта «коридор» перешёл в наши руки, и к нам начали поступать долгожданные боеприпасы, фураж, продукты питания и пополнение людьми.

Появилась возможность сходить на огневую позицию батареи, путь на которую проходил через Малое Замошьё, где сохранилось одно строение. Подошли мы к этому строению и видим, летит наш самолёт «У-2». Летчик выключил мотор и стал парить над нами, высунулся из кабины и крикнул:

– Где я?

Мы ему прокричали:

– Малое Замошьё!

Он тут же включил мотор и улетел на восток. Сориентировался. Через несколько дней нам приказали вернуться на старый наблюдательный пункт.

Самолёты «У-2» не только снабжали нас боеприпасами и продуктами, увозили раненых, но и выполняли чисто боевые задачи, чаще всего по ночам. За это их называли ночными бомбардировщиками. Наберёт такой самолёт высоту над нашей территорией, выключит мотор и планирует над Большим Замошьём, сбрасывает связки гранат и даже стреляет из какой-то пушки. До нас звук выстрела доносился как «тьфу», напоминающий плевок, а самолёт после выстрела отбрасывало в сторону. Сразу после этого включался мотор, и «У-2» на бреющем полете над нашими головами улетал в наш тыл. Особенно в ясные ночи при луне мы всё это хоро-

шо видели. Пленные немцы жаловались, что «рус фанера» (так они звали «У-2») бросает гранаты прямо в трубы печей, нанося удары по спящим в избах немцам.

В мартовские бои дивизия понесла огромные потери среди бойцов и командиров. Неоднократно наш полк направлял людей для восстановления «коридора». Когда же он был восстановлен, от его защитников в живых остались единицы. Батарея направила несколько человек разыскать трупы наших бойцов, убитых в этом огненном аду, и похоронить их на полковом кладбище около Мясного Бора. На участке нашей обороны посланцы батареи обнаружили обгорелые тела и лишь по некоторым признакам опознали, что это наши батарейцы. До последней секунды жизни они оказывали упорное сопротивление противнику, погибли, но не отступили. Их, мёртвых, а может быть, и полуживых, враги облили бензином и сожгли. Непобедим народ, у которого такие сыны. «Коридор» от 2-й Ударной армии до Большой земли был восстановлен.

У нас же в орудийных расчётах вместо семи человек осталось по два-три бойца. Коней в батарее только-только хватало на орудийные упряжки, то есть на четыре орудия – 24 лошади, вместо бывших 65. Не подумайте, что если из семи человек орудийного расчёта осталось два-три человека, то получается, что четыре-пять человек из каждого орудийного расчёта погибли. Нет, погибло значительно больше. Мы многократно получали пополнение. Но бои шли непрерывно, и замена погибших новыми бойцами не восполняла всех потерь, не говоря о профессионализме, которого у вновь прибывших не было.

В те дни через своих разведчиков я интересовался у комиссара батареи местонахождением знамени полка. Он отвечал, что по приказу командира полка знамя передали в тылы полка, которые находились на восточном берегу Волхова вместе с тылами дивизии. Там же по приказу командира дивизии Д.И. Барабанщикова хранилось и знамя дивизии.

Сам командир нашего полка распорядился о хранении боевого знамени полка в его тылах на основании, видимо, устного указания Барабанщикова. Такое указание не могло касаться только нашего полка. Вероятно, все стрелковые полки поступили так же.

После выхода из окружения я продолжал службу уже в 608-м артиллерийском полку 165-й стрелковой дивизии, где заместителем командира артполка по строевой части был бывший начальник разведки 830-го артполка майор Менжулин, которого я хорошо знал, как и он меня. Менжулин мне говорил, что сейф с документами полка он закопал, но о боевом знамени не упомянул, речь шла только о документах. Место, где закопан

этот сейф, мне он не назвал, а я не спрашивал. Раз не сказал, значит, так нужно. Впоследствии Менжулин погиб уже на территории Польши и тайно захоронения сейфа унёс с собой, а я в эти дни лежал в госпитале на Кавказе. Возможно, после выхода из окружения на допросах в особом отделе Волховского фронта Менжулин называл место, где он закопал сейф полка. Эти его объяснения, которые мы все писали неоднократно, есть в архивах. Но где же эти архивы? Генерал-майор Б.В. Новиков, который служил в СМЕРШе²⁸ 52-й армии, на одной из послевоенных встреч однополчан нашей дивизии в Новгороде отмолчался и не ответил ничего об архиве. Без наших боевых знамён 305-я стрелковая дивизия не смогла бы возродиться после повторного формирования со всеми полками – 1000-м, 1002-м, 1004-м стрелковыми и 830-м артиллерийским.

В апреле 1942 года к нам в 5-ю батарею прибыл с пополнением лейтенант Моисей Самуилович Шамовский. До фронта он работал инженером на одном из заводов, кажется, Кемеровской области. С его приходом в нашей батарее наконец-то появился командир взвода управления. До этого с ноября 1941 года обязанности командира взвода управления и командира батареи в одном лице выполнял я.

М.С. Шамовский был хорошо подготовленным лейтенантом-артиллеристом, общительным и доброжелательным человеком. Он быстро освоился и расположил к себе всех. Мне с ним стало полегче работать. Немалую роль в этом сыграла его большая курительная трубка, в которую входило полпачки махорки. Бывало, пойдёт он к пехоте, попросит табачку на трубочку, те, не подозревая подвоха, протягивают ему кисет. Такой трубки хватало нам на всех. А с табачком у нас было плохо.

Началась весна, и «коридор» залила вода. Растаявшие болота вынудили огневиков строить из брёвен настилы, на которые устанавливались пушки, а для упора станины своим сошником пристраивали дугообразные упоры, чтобы орудие при откате от выстрела не проваливалось в болотистую почву. Нам на наблюдательном пункте приходилось почаще вычерпывать воду из землянок.

²⁸ Здесь и далее автор допускает неточность. Главное управление контрразведки «Смерш» (Смерть шпионам) было создано Постановлением Совета Народных комиссаров от 19 апреля 1943 года. По-видимому, Александр Семёнович в описанном эпизоде и по выходе из окружения общался всё же не со СМЕРШами, а с так называемыми особистами – сотрудниками Управления особых отделов Народного комиссариата внутренних дел СССР, которое было предшественником Главного управления контрразведки «Смерш». Пожалуй, только последний эпизод с участием СМЕРШа (см стр. 137) находится в полном соответствии с действительностью. Таким образом, Б.В. Новиков служил в Особом отделе дивизии.

305-й стрелковой дивизии пришлось растянуть оборону до горловины «коридора» по берегу Большого Замошского болота. За боеприпасами и продуктами на Большую землю мы добирались по «коридору», залитому водой. Под ней были глубокие, и не очень, воронки от разорвавшихся снарядов и бомб. Конкретную глубину каждой воронки можно было узнать, когда свалишься в неё вместе с конём и грузом. И всё это под непрерывным вражеским огнём из всех видов оружия и бомбёжкой авиации. Для выполнения этих заданий выбирали наиболее крепких и выносливых. Многие в таких походах погибали или возвращались ранеными и больными. Так, комиссар 5-й батареи политрук Хомич вернулся хотя и не раненым, но таким распухшим, что на него не могли надеть нижнюю рубашку и эвакуировали на Большую землю самолётом. Командир орудия А.И. Зайков со своей группой попал под бомбёжку на Большой земле и был контужен, однако доставил груз в батарею, и после этого был отправлен в медсанбат нашей дивизии, который располагался в районе Новой Кéрести. Такое выполнение боевых заданий – не единичные примеры, а массовые. Я привёл эти лишь в качестве иллюстраций обычных условий войны.

28 мая 1942 года противник снова захватил «коридор». И опять на старом месте, между речками Пóлисть и Глúшица, 305-я стрелковая дивизия оказалась отрезанной от своей 52-й армии и была переподчинена 2-й Ударной, которая действовала в этих районах и была тоже окружена.

Нашей дивизии была поставлена боевая задача прочно удерживать оборону в районах Большого и Малого Замошья. Как нам объяснили, с наступлением зимы это будет хороший плацдарм для наступления на Ленинград. Однако вскоре, в связи с ухудшением обстановки, нам пришлось удерживать оборону на тех же позициях, но уже для того, чтобы тем самым прикрывать отход войск 2-й Ударной армии. Волховский фронт в это время уже вошёл в состав Ленинградского фронта.

Противник сконцентрировал большие силы и усилил натиск на боевые порядки 305-й стрелковой дивизии. Однако почти непрерывные бомбёжки и артиллерийско-миномётные налёты в сочетании с атаками пехоты противника не принесли ему никакого успеха на рубеже обороны нашей дивизии. За эти стойкость и мужество нам объявили, что, как только мы выйдем из окружения, дивизии присвоят звание «Гвардейская».

Личный состав 305-й стрелковой дивизии прошёл большой боевой путь оборонительных и наступательных боёв. Мы к этому времени уже имели опыт по ведению боя и в окружении. Почему же командование фронта позволило противнику окружать нас многократно на одном и том же участке в горловине зимнего прорыва, не расширив её силами 59-й

армии с севера и 52-й – с юга? Думаю, что это произошло из-за очень плохой организации тех боёв. Свежие части, где личный состав был плохо обучен, не вооружён должным образом, бросали без рекогносцировки в бой прямо с марша, даже не объяснив толком обстановки и не поставив боевой задачи.

Так, в начале июня 1942 года на передовую прибыли части 165-й стрелковой дивизии из города Кургана (Зауралье). Как проходил её первый бой, мне рассказали его участники. Им приказали занять исходное положение около железнодорожного полотна станции Мясной Бор. Задачу поставили так: наступать прямо и только вперёд. И подняли в атаку. А наши окопы были на километр-полтора впереди, где держали оборону воины другой части. Местность открытая, довольно ровная, немцами пристреляна. Как только 165-я стрелковая дивизия пошла с этого рубежа в атаку, противник открыл ураганный огонь, начались потери личного состава. С криками «ура!» бойцы добежали до Теремца Курляндского. У кого личное оружие выходило из строя, бросали его, хватили у убитого товарища и бежали вперёд. За Теремцом Курляндским начался склон, а метрах в 200 – лес. И вот тут на склоне к лесу оказались окопы, а в них наши бойцы держат оборону. Они спросили воинов 165-й стрелковой дивизии:

– Это вы куда же бежите?

Те отвечают:

– Идём в атаку!

– Так ведь в атаку-то ходят вон оттуда!

И показывают вперёд к лесу на нейтральную зону метрах в ста. А дивизия в такой бестолковщине уже потеряла треть состава и залегла. Чрезмерная спешка исключала должную подготовку к восстановлению «коридора» для выхода окружённых войск. Часто в бой бросали малые силы, что кончалось их гибелью.

305-я стрелковая дивизия, как и другие части 2-й Ударной армии, попала в очень тяжёлое положение. Снабжение боеприпасами и продовольствием было отвратительным, если не сказать большего. Лошадей кормили так называемым веточным кормом, от которого они дохли. А мы их трупы ели.

С апреля месяца мы ни разу не получали нормального питания да ещё половину марта провели голодными в окружении. Вот обычный дневной рацион нашего питания: 1 пачка концентрата каши пшённой, граммов 150-200 на 10 человек, каждому – столовая ложка сухарных крошек и иногда чайная ложка сахарного песка, а соли совершенно не было. Почему-то интенданты вместо соли посылали нам сахар, а надо бы наоборот.

В докладе о проведении операции по выводу 2-й Ударной армии из окружения начальник штаба Волховского фронта генерал-майор Стельмах и военный комиссар штаба Волховского фронта дивизионный комиссар Рябчий отмечали: «В частях не было запасов соли, поэтому употребление конины было ограничено. Среди начсостава и красноармейцев прогрессивно нарастало количество больных от недоедания, отмечалось много случаев смертности от голода». Вот это да! Стельмах и Рябчий совершенно не представляли себе условий, в которых сражались воины 2-й Ударной. Сами они находились в 25 километрах к востоку от Волхова, в Малой Вишере.

Без соли, конечно, плохо. Но голод заставил нас съесть и лошадей со шкурой, и даже их амуницию без грамма соли. Так что сокращение потребления конины произошло не из-за отсутствия соли, а из-за отсутствия съестного вообще и коней, в частности. Если в нашем, 830-м, полку уйдёт лошадь, то её делили на все батареи. На одного человека приходилось не более ста граммов мяса, сварив которое, макали в сахарный песок, если он был, и ели. Немало дней было и без сухарных крошек, и без сахара. Был у нас в батарее красноармеец Нефёдов, богатырь выше двух метров, который в одиночку разворачивал орудие на 180 градусов. А тут он так обессилел, что еле-еле ходил. Видно, дойдя уже до крайности, Нефёдов обратился ко мне:

– Товарищ комбат, прикажите давать мне этой бурды две порции. Совсем обессилел, ноги не держат.

Бурдой была обычная, но не частая в меню того времени, вода, чуть мутная от небольшого количества пшённой крупы. Я приказал старшине давать Нефёдову две порции, за что он обрадованно меня благодарил:

– Ой, спасибочко вам, спасибочко большое!

Было жалко и больно видеть состояние пухнувших от голода и героически сражающихся людей, да ещё произносящих «спасибочко» за мутную водичку.

В мае мне приказали отойти из-под Большого Замощья и выбрать наблюдательный пункт, примерно, в полутора километрах на северо-восток от Малого Замощья. Здесь, метрах в 150 от нас, расположился штаб батальона капитана Михаила Трофимовича Нарейкина, а в 15-20 метрах – наблюдательный пункт 120-миллиметровой миномётной батареи, которой командовал мой земляк, старший лейтенант Евгений Петрович Шершнёв, общительный, чуткий и авторитетный человек с большим чувством юмо-

ра. Сослуживцы его уважали и ценили. Командиром взвода управления был старший лейтенант Леонид Абрамович Залгаллер из Ленинграда. До войны он был студентом архитектурного института. Он любил поэзию, знал много стихов, прекрасно и с большой охотой их читал. Выполненные им панорамы местности вызывали у нас восхищение. Своей культурой и эрудицией он притягивал к себе людей.

Во всех направлениях от нас шёл непрерывный бой. Мы же заняли перешеек между болотами. Перед нами – широкая поляна, по которой немцы не рискнули наступать. Так мы очутились в сравнительно «тихом» месте. Прежде, под Большим Замошьем, обстановка была очень напряжённая. Нам приходилось отбивать по несколько атак противника в день. Глаз не смыкали ни днём, ни ночью. Спали урывками. А здесь – тишина, относительная, конечно: бои-то продолжаются вокруг. Но не у нас. Мы привыкли, улучив свободную минуту, задремать. Выставили часовых и наблюдателей, и – спать. И днём, и ночью. Через неделю отоспались вволю за все свои предыдущие недосыпы.

Ель, где был мой наблюдательный пункт, была метров 30 высотой. С неё в стереотрубу хорошо просматривался район деревень Зёмтицы и Вёшки, где нами была обнаружена батарея противника со складом боеприпасов, и всё это огнём 5-й батареи было уничтожено.

Постепенно от постоянного недоедания физические силы оставляли бойцов. И если я в свои 19 лет вначале залезал на ель без передышки, то теперь отдыхал не менее трёх раз, а многие уже вообще были не в состоянии не только подняться на ель, но и ходили плохо. Командиру отделения разведки сержанту Григорию Черноусову было около 25 лет, разведчику Семидотскому – 35, остальные разведчики и связисты имели возраст в этих пределах.

В это время к нам в тыл со стороны Кёрести проникла немецкая диверсионная группа «Герцог» с задачей поднять панику и затем уничтожить нас. Нашему командованию пришлось снимать людей с обороны и направлять их на уничтожение прорвавшихся «герцогов». Они были хорошо вооружены и каждый имел запас продуктов на несколько дней. Этот запас продуктов и вызывал особый интерес у наших бойцов, которые не только стремились уничтожить прорвавшегося противника, но и завладеть его продуктами питания. В тех условиях это был единственный способ добывания пищи.

Наши солдаты – это истощённые и опухшие от голода люди, которых воистину качало ветром. Два пулемётчика, первый и второй номера, были совсем недавно могучими тридцатилетними воинами, а теперь настолько истощены и обессилены, что с большим трудом тащили свой «максим»

по направлению к прорвавшимся «герцогам». Развернут бойцы пулемёт, дадут несколько очередей и снова продвигаются вперёд. Заберут у убитых солдат съестное, подкрепятся и опять – вперёд. И вот эти истощённые бойцы смогли уничтожить хорошо вооружённых и упитанных солдат противника и восстановить положение.

И всё же обстановка ухудшалась, кольцо окружения сжималось. Снабжение прекратилось совсем. Рядом с наблюдательным пунктом М.Т. Нарейкина расположилась батальонная кухня, но варить было нечего. К счастью, уже начал появляться щавель. С передовой выделили двух бойцов в наряд на кухню. Они пришли вечером, а утром должны были нарвать щавеля, вскипятить его в воде и эту кислую жидкость, еле-еле тёплую, разнести по окопам. Эти литр-пол-литра на каждого составляли наш завтрак, обед и ужин. Наступило утро, а бойцы не встают – умерли во время сна от истощения. А один командир роты, тоже из батальона Нарейкина, подстрелил скворца и с несказанной радостью побежал варить суп. Конечно, без ничего и без соли. А остальные, и я в том числе, завидовали этой снеди.

Кроме главного – боеприпасов – не было ещё бинтов и простейших медикаментов. Небольшое касательное ранение с малой потерей крови могло оказаться смертельным. Те из солдат, кто был старше 30 лет, совсем ослабли. Духом же мы были сильны и уверены, что когда придёт наша очередь – прорвёмся. И ещё удивительно, что жёсткая экономия боеприпасов повысила прицельность огня. В районе узкоколейки стояла зенитная батарея и, когда было много боеприпасов, нередко била мимо самолётов противника. А тут, неоднократно видел сам: летят «юнкерсы», и эта батарея с первой очереди сбивает самолёт! Диву даёшься! Ведь это очень сложно, но факт налицо. Конечно, при крайней нужде мы тоже стреляли, но непременно наверняка. Даже пехота на патронах экономила – солдаты били только прицельно.

Примерно, 15 июня было вновь прорвано кольцо окружения в огненном «коридоре» в направлении на Теремёц Курляндский, и через образовавшуюся брешь удалось выйти из окружения большому количеству частей 2-й Ударной армии. По слухам, было выведено тысяч пятнадцать бойцов. А 305-я стрелковая дивизия в это время продолжала выполнять поставленную задачу. Как и раньше, её 830-й артиллерийский полк неоднократно выделял бойцов для пополнения рядов пехоты, державшей оборону в месте прорыва. Вот и 15 июня, прорвав кольцо окружения, из него вместе с частями 2-й Ударной армии вышли и наши бойцы, которые были посланы нами для подкрепления оборонявшихся. Нам же опять пришлось

выделять из огневых расчётов людей для обороны на востоке, а при орудиях опять осталось вместо семи по два-три человека.

К 25 июня противник, продвигаясь за отходящими частями 2-й Ударной армии, подошёл к огневым позициям 830-го артполка. Вести огонь прямой наводкой было невозможно: кругом густой лес. Пришлось огневые позиции батарей перевести в район Малого Замощья. Единственная дорога на восток, имевшаяся у нас (настил из брёвен по болоту), была захвачена противником. Продвигаться на Большую землю и самим тянуть за собой артиллерию было невозможно, так как на пути было труднопроходимое Большое Замощское болото. И вот я по телефону получил приказ командира дивизиона, капитана Маслякова, оставить наблюдательный пункт и со всеми бойцами явиться на огневую позицию своей батареи для получения боевой задачи. Быстро собрали снаряжение и пошли на огневую. Немного отошли и встретили партизан, которые спросили у меня об обстановке. Я им доложил, они остались, а мы пошли на огневую. Подошли к огневой, и я услышал команду:

– Комбат, в ровик!

Это кричал мне старшина батареи. Ровик – это окоп недалеко от орудия. Я, все разведчики и связисты, пришедшие со мной, прыгнули в ровик, и в этот момент орудие взлетело на воздух. Потом и остальные три, друг за другом, были подорваны наши боевые 76-миллиметровые пушки образца 1902 года с небольшой модернизацией затвора, проведённой в 1930 году. Мне было жалко до слёз эти пушки, но приказы выполняют без обсуждений. Взрывали так: в ствол забивали дерево, заряжали, удлиняли шнур, прятались в ровик, дёргали за боевой шнур, и снаряд в стволе взрывался. Батарея была выведена из строя по приказу капитана Маслякова, который в свою очередь получил приказ от командира полка, майора Н.Н. Вязьмитинова. Так вывели из строя все орудия. На том месте до сих пор стоят два передка нашей батареи.

На случай химического нападения у нас в батарее было 20 литров бензина для дегазации. Всё имущество батареи старшина Николай Иванович Кажохин собрал в одну кучу. Были там и мои личные вещи – новая выходящая гимнастёрка, галифе и сапоги. Он мне предложил переодеться, так как ему всё это богатство сжигать было жалко, но я приказал всё сжечь. Тяжело вздохнув, старшина облил кучу бензином и поджёг. Видно было, что сделать это ему нелегко. Он ведь был из калининских крестьян, людей практичных и экономных, но не жадных. Так мы освободились от лишнего груза. В батарее осталось человек 15 раненых и человек 10, способных держать оборону. Всех раненых я приказал посадить на уцелевших

лошадей, и мы двинулись на восток, где согласно приказу должны занять оборону по реке Глушица. Всё это произошло 25 июня 1942 года. Раненых с лошадьми и артиллерийскими приборами (буссоли, стереотруба и т.п.) сосредоточили на северо-западном берегу Большого Замошского болота.

Слева от нас занял оборону 1002-й стрелковый полк нашей 305-й стрелковой дивизии под командованием майора А.И. Смирнова. Справа – 6-я и другие батареи нашего полка. А 4-я батарея под командованием старшего лейтенанта Егорова была окружена и уничтожена немцами. Командир дивизиона капитан Масляков со своим штабом находился справа сзади от нас метров на сто. Здесь нам сказали, что командующий 2-й Ударной армии генерал-лейтенант Власов пошёл выходить из окружения с группой из семи человек с партизанами.

Наступила ночь с 25 на 26 июня, которая прошла относительно спокойно, хотя немцы не прекращали артиллерийско-миномётной стрельбы. 26 июня капитан Масляков оставил меня за себя, а сам ушёл по вызову в штаб полка. Вернулся он часа через три, собрал нас, командиров, и объявил приказ, который гласил: вести себя тихо и не стрелять, не обнаруживать себя противнику, а в 20.00 незаметно оторваться от противника, сосредоточиться на северо-западном берегу Большого Замошского болота и объединёнными усилиями, с остатками частей 305-й стрелковой дивизии и 19-й Гвардейской стрелковой дивизии, идти на прорыв в направлении Теремца Курляндского. Наряду с этим капитан Масляков приказал заготовить на три дня варёного мяса. Мы уже забыли, когда ели последний раз.

Я снял с обороны своего заместителя по строевой части лейтенанта Сипайло, старшину батареи Н.И. Кажохина и ещё одного бойца, послал их к раненым. Там посланные должны были рассчитать, сколько нужно оставить лошадей, чтобы увезти всех раненых. Это, примерно, по два человека на лошадь, а остальных лошадей зарезать и наварить мяса. Они ушли, и больше я их не видел. Капитан Масляков ещё говорил, что в штабе командиры полков спорили, кто из них старший, чтобы возглавить прорыв. Кажется, старшим стал командир 1000-го стрелкового полка, так как он имел воинское звание выше других – полковник.

А обстановка сложилась очень тяжёлая. Площадь, примерно, два на два километра, занятая нашими войсками, насквозь простреливалась противником. Всюду лежали убитые и раненые. Кто бредит, кто лежит в воде и просит пить, кто просит перевязать. Кто, обессиленный и лишённый возможности двигаться из-за тяжёлого ранения, просит, находясь в здравом уме, пристрелить его. У некоторых, чтобы не застрелились, личное оружие было изъято. Застрелился комиссар нашего дивизиона старший

политрук Долинский. Я считал, что это преждевременно, бой не кончился, и ещё не всё потеряно.

Перевязочного материала никакого нет. Количество раненых увеличивается, а перевязать их нечем. Немцы уже не атакуют, а обложили нас, как зверя в берлоге, бомбят и обстреливают артиллерийско-миномётным огнём. Правда, один раз они попытались занимаемую нами территорию перерезать на две части, но наше командование, имея небольшой резерв автоматчиков, быстро выбило их с нашей территории.

До окружения в нашей батарее было 118 человек и 65 коней, а теперь, на реке Глушица, из командиров – один я (лейтенант Сипайло ушёл к раненым и не вернулся) и два сержанта, а всех нас – несколько человек: сержант Григорий Черноусов, назначенный мною командиром взвода управления, то есть практически моим заместителем; командир орудия, азербайджанец, фамилию которого я забыл (в былое время в Дмитрове он отлично играл в домино); один связист и один из огневого расчёта – вот и все. У нас был один ручной пулемёт Дегтярёва уже с пустыми дисками. К 19.00 26 июня у каждого осталась винтовка с пятью патронами, а у меня – две гранаты Ф-1, пистолет ТТ с обоймой и автомат ППД с одним диском патронов.

Откуда ни возьмись, с левого фланга, идёт писарь дивизиона Курдюков, человек с феноменальной памятью. Он увидел меня и остолбенел:

– Комбат, ты живой?

Я ему ответил:

– Как видишь.

– А мне сказали, что ты убит, и я тебя уже списал.

– А я-то думаю, почему меня не кормят?

Курдюков мне ответил:

– Ничего, будешь жить до ста лет.

И ушёл своей дорогой. Лежим тихо. Черноусов мне говорит:

– Комбат! Если ранит меня, пристрели!

Я подбадриваю его, говорю, что мы много прошли: и Муравьи отстояли, и Волхов форсировали, и Малое Замошье взяли и т. д., и отсюда провёмся. Он вроде успокоился. А на меня напала грусть. Думаю про себя: «Неужели убьют?». И вдруг мелькнула мысль сползать и попросить покурить у заместителя командира нашего дивизиона, капитана Крашенинникова. У него, кажется, ещё есть табачок. До Крашенинникова метров 70 назад. Своим сказал:

– Сползаю, авось покурю!

Уполз. Крашенинников лежал за сосновым бревёшком. Дал он заку- рить, и так мне весело стало, хоть пляши. И в это время – налёт. Где лежал я несколько минут назад – прямое попадание. Черноусова убило наповал. Санинструктор бросился к нему – снова налёт. Он залез под трупы и спас- ся. Я прибежал обратно.

Осталось нас четверо. У моего автомата оторвало кусок кожуха, вы- полнявшего функции дульного тормоза. Как это могло случиться, если я его из рук не выпускал? Непонятно. Или ещё такое: одного моего бой- ца ранило – распорол живот, не повредив кишок. Кишки выпали, он их собрал вместе с мусором и вложил снова в брюшную полость. Стоит, и сквозь пальцы сочится сукровица и кровь. Перевязать абсолютно нечем, исподнее бельё грязнее грязного. Этот боец был токарем одного из мос- ковских заводов, коренастый здоровяк, выше среднего роста. Я подошёл и спрашиваю:

– Ну, как ты?

Чем-то, думаю, надо подбодрить его, коль сделать ничего не могу. Он отвечает:

– Ничего, комбат, за вами буду держаться – выйду.

Вот эту силу духа и стойкость рядовых защитников Советской стра- ны, эту высокую, беззаветную преданность Родине я видел в 305-й стрел- ковой дивизии в окружении. И не раз. В условиях, когда вообще никаких условий не было. Обычно пишут в воспоминаниях или рассказывают, что вот-де не было того-то, и как трудно было обойтись без того или другого. А у нас ничего не было. Ничего. Мы последние три дня не спали и не ели даже травы. О куреве никто и не говорил. Желание покурить перекрыва- лось чувством голода. Заядлые курильщики обычно в сытое мирное время говорят:

– Я лучше голодом посижу, но без курева не могу!

Но нет, настоящий голод вытесняет желание курить.

Вот мы лежим, ждём 20.00, чтобы начать отход. А часов-то ни у кого нет. Так, примерно, прикидываем, сколько ещё осталось до 20.00. Сов- сем недалеко появились два немецких разведчика. Шёпотом боец-связист просит у меня разрешения снять их из винтовки. Но нам приказано не демаскировать передовую, а оторваться незаметно. Я бойцу шепчу:

– Два вшивых фрица погоды не сделают, а вот незаметно мы отсюда уже не уйдём.

Примерно, в 19.00 немцы открыли ураганный автоматнo-пулемётный огонь справа, спереди и слева. Мы не успевали сбрасывать с шей сосновые иголки, которые сбивали с деревьев разрывные пули. Приказываю бойцу

отползти в тыл метров на сорок и оттащить туда пустые диски от ручного пулемёта, чтобы они нас не затрудняли при отходе. Боец вскоре, уже не по-пластунски, а прямо-таки на четвереньках бежит обратно и кричит:

– Комбат! Немцы!

Я на него цыкнул, чтобы замолчал, и спросил, где штаб дивизиона. Он ответил, что никого нет. Тогда я сам пополз в тыл посмотреть. Точно – немцы. Вернувшись назад, приказал отходить. Метров сорок проползли, а затем уже в довольно высоком болотистом лесу мы побежали на юг, в направлении 1002-го стрелкового полка, к северному берегу Большого Замошского болота. Боец, что ползал с дисками и первым обнаружил немцев, рассказал, что видел, как немцы подходят к нашему раненому и говорят:

– Рус, вставай! Идти можешь?

Если встал и идёт – «гут», а если нет – прикалывают ножами. Командир орудия, азербайджанец, бежал с пулемётом и всё мне говорил:

– Комбат! Разреши бросить пулемёт, сил нет!

Сначала я не разрешал, а затем подумал, зачем нам эта железная палка, если патронов нет, и приказал ему на ходу разобрать пулемёт и разбросать его части, чтобы противник не мог воспользоваться. Потом я взял пулемёт за ствол, ударил его о дерево, и все деревянные части отлетели.

Вскоре мы выбежали на небольшую болотную полянку, на другой стороне которой стоял командир 1002-го стрелкового полка подполковник (теперь уже) А.И. Смирнов. Это был душевный человек и талантливый военачальник. Обычно в атаках моя батарея поддерживала огнём именно 1002-й стрелковый полк. Так вот, выбежали мы прямо на Смирнова. Я такой встрече обрадовался и даже успокоился. Обращаюсь к нему, докладываю обстановку и сообщаю, что немцы следуют за нами. Он мне в ответ:

– Не может быть! У меня там заместитель со станковым пулемётом.

И показывает правее того места, где мы были. Я ему говорю:

– Вы что, мне не верите?

– Да нет, – начал Смирнов и не успел закончить фразу, как немцы выкатились цепью на опушку поляны и остановились. Я показал на них рукой:

– А вот и живые свидетели.

Смирнов говорит:

– Добров, удержи их, пока я отведу полк.

– Меня свои бросили, отходим вместе.

– Я вас не брошу.

– Отходим вместе.

А полк, это человек 20, от силы 30, вытянулся цепочкой, и мы пошли в направлении, где должны были сосредоточиться для прорыва. Я и мои бойцы были замыкающими. Всё это происходило на виду у немцев, которые стояли и не стреляли. Они, видимо, были уверены, что мы потенциально их пленные. Когда мы отошли к болоту, я походил в том месте, где должны были находиться лошади и раненые. Кроме разбитых артиллерийских приборов ничего не нашёл. В это время мы услышали далеко-далеко на востоке крики «ура!». Это наши пошли на прорыв. Примерно, в 20.00-21.00 я со своими бойцами занял оборону на левом фланге 1002-го стрелкового полка, подальше от гнавшихся за нами немцев. Я решил не отрываться от полка и идти на прорыв с ним, а для этого полк вынужден идти через меня, и тогда нас точно не забудут.

ВО ВРАЖЕСКОМ ТЫЛУ

А вышло всё наоборот. Полк, чтобы обмануть немцев, сначала пошёл на запад и потом уже повернул на восток.

Возобновились артиллерийский налёт и бомбёжка. Спрятаться негде. Кто стоит, кто лежит. Я стою на одном колене. Мысль у всех одна: лишь бы не ранило. Ранит – попадёшь к немцам. Не ранит – можно попытаться прорваться, а если убьёт, то убьёт. Несколько позже мы узнали, что 1000-й стрелковый полк и дивизионы нашего 830-го артиллерийского полка, а также части 19-й Гвардейской стрелковой дивизии почти полностью погибли. Командир взвода управления 6-й батареи вернулся из неудавшегося прорыва, нашёл меня и сказал, что впереди всех шли командиры полков, батальонов и рот с личным оружием, а за ними – бойцы. Все кричали «ура!» и шли, не сгибаясь, под шквальным пулемётно-автоматным огнём врага. Командир нашего дивизиона капитан Масляков дошёл до нашего проволочного заграждения, то есть почти прорвался, и погиб. Он был впереди всех. Я пытался выяснить, почему на прорыв повели вдоль старой передовой, где через каждые десять метров у немцев устроен дзот с пулемётом. Взять бы левее, вдоль узкоколейной железной дороги. Но ответа не находил.

Когда мы заняли оборону на левом фланге 1002-го стрелкового полка, прибежал откуда-то связной и объявил:

– Коммунисты, в штаб полка.

Это как снег на голову. Я считал, что забыли только нас, а забыли, оказывается, ещё и 1002-й стрелковый полк и штаб 830-го артиллерийского

полка! Из коммунистов был я один – кандидат в члены ВКП(б). Я встал и пошёл со связным. Артиллерийский налёт пока прекратился, вернее, затих. Смотрю, мои бойцы идут за мной, боятся меня потерять. Я их оставил недалеко от штаба полка и велел ждать. Штаб полка – это то же болото, поросшее мелким сосняком, и никаких укрытий. Подхожу, стоит командир полка майор Вязьмитинов, комиссар полка батальонный комиссар Найда, начальник штаба полка капитан Брюховецкий и парторг (фамилию забыл). Откуда нас собралось человек 15, не знаю. Все молчат. Говорит один парторг и, примерно, следующее: обстановка очень тяжёлая, организованное сопротивление бессмысленно. Разбивайтесь на мелкие группы и выходите, кто как сможет! Вот так. Довоевались. Меня такое решение возмутило. Я считал, что нужно объединиться и прорываться. Люди начали расходиться. Ко мне подошли командир полка майор Вязьмитинов и комиссар Найда. Вязьмитинов осипшим голосом, полушёпотом спросил:

– Добров, что будем делать?

Я ответил:

– Вы командир полка, вы и командуйте, а я с этого места никуда не уйду.

И сел на пенёк. Они от меня отвернулись и пошли на север, но ведь кругом лес. Десять метров прошёл и можешь менять направление. Никто и не увидит.

Смотрю, два моих бойца, слышавшие мой ответ, пошли за командиром полка. Ко мне подошли какие-то женщины и стали просить меня взять их с собой. Куда я их возьму? Сам не знаю, что делать. Встал и с двумя оставшимися у меня бойцами – командиром орудия из Азербайджана и ещё с одним пошёл назад, к 1002-му стрелковому полку. Пришли, а там никого нет. Ушли. А куда? Тогда я решил возвратиться. Ребят оставил в лесочке, сам пошёл в разведку. Вышел на полянку, а по другую сторону поляны немцы стоят плотной шеренгой и машут мне рукой, крича по-русски:

– Иди-иди!

Я поворачиваюсь через правое плечо. Это я хорошо помню, что не по уставу повернулся. И вижу, что к немцам идут женщины, наверное, медицинский персонал. Шеренга размыкается, и немцы пропускают их, похлопывая по плечам, и говорят:

– Гут! Гут!

Мне же кричат по-русски, но, как мне показалось, с акцентом:

– Иди, иди! Всё равно наш будешь!

И не стреляли. Я возвратился к своим ребятам и сказал, что здесь нам не пройти, не объясняя почему, так как подумал, как бы не пошли

сдаваться, и мы двинулись на восток, к болоту. Прошли, может быть, с полкилометра, сели. Лежит раненый в ногу полковник из 19-й Гвардейской стрелковой дивизии, наверное. Видно, что отличный был строевик и хладнокровный, каких мало. В руках – пистолет. Я сел недалеко от него. Нужно было подумать, что предпринять. Прорываться – не с кем. Значит, надо уйти в тыл к немцам, подкормиться, выждать, когда немцы уберут войска, перейдут к обычной обороне, и тогда выходить к своим. Раненый полковник говорит мне:

– Вы люди молодые и не раненые. У вас есть надежда выйти, а вот я подпущу немцев поближе, убью одного-другого, а потом себя.

В это время к нам подошли командир полковой батареи 1002-го полка и командир его огневого взвода, старший лейтенант Каргинов, мой однокурсник по артиллерийскому училищу. О Каргинове я уже писал выше. С ними был пожилой боец их батареи и лейтенант из миномётного дивизиона нашей дивизии. Вокруг нас бродят с десятков бойцов из разных частей. Кто они, что они – неизвестно. Один лейтенант из 19-й Гвардейской стрелковой дивизии подошёл и говорит, что нас продали, тебя, орденоносца, тоже продали и так далее. Тут, как часто бывает, когда собираются несколько человек, начались всякие слухи, что немцы засылают к нам переодетых в нашу форму шпионов, что доверять незнакомым нельзя и т. п. Пожилой украинец, который, видимо, побывал в окружении ещё в 1941 году, стал агитировать за создание партизанского отряда. Лес для этого вполне подходящ. Только, как говорил этот украинец, нужно выбрать хорошее место:

– Ще гаще, вин туда не пийде²⁹.

«Вин» – это немец. Я послал своих в разведку на болото, так как это был единственный шанс выйти: кругом уже были немцы. Через некоторое время мои бегут обратно и кричат:

– Комбат! Справа немцы идут гуськом друг за другом и отсекают болото от нас.

Раздумывать было некогда, я вскочил и крикнул:

– За мной!

Побежал на Большое Замошское болото. Бегу и вижу: по земле натянуты зелёные нити. Значит, это минное поле, начинённое противопехотными минами натяжного действия. Немцы здесь маловероятны. Приостановился, показал всем подбежавшим (нас оказалось уже человек семь), как нужно переходить минное поле, встал боком и, переставляя ноги одну над другой, перешёл всё минное поле. Все сделали так же и прошли это поле,

²⁹ Где гуще, он туда не пойдёт (укр.)

а вслед за ним и другое, аналогичное. Только нити на том поле были белые, оставшиеся от зимы. Углубились мы в болото километра на два. Легли и закопались в мох, замаскировались. Мох оказался сравнительно сухой. Стало тихо, попробовали курить мох, но он только трещит и не горит.

Весь остаток дня над болотом очень низко летал немецкий самолёт-разведчик, но нас не обнаружил. К вечеру мы встали и пошли на запад. Вышли из болота прямо на мой бывший наблюдательный пункт, преодолев снова два минных поля, только в обратном порядке: сначала зимнее, а потом летнее. Рядом с землянкой стояла брошенная лошадь. Я достал пистолет, дал его пожилому бойцу и сказал:

– Стреляй!

Он вложил ствол в ухо лошади и выстрелил. Вырезав немного мяса, мы направились вдоль болота к Малому Замошью. Недолго прошли и вдруг услышали приближающиеся звуки губной гармошки. Видимо, нам навстречу шёл немецкий патруль. Мы бросились к болоту и по грудь в воде, держа оружие и мясо над головой, пошли потихоньку на запад. Выбрались на кочки в приболотном лесу. Темень. Разложили небольшой костерок и стали варить мясо, кто в кружке, кто как шашлык, и тут же, полусырое, ели. Потом решили, несмотря на ночь, двигаться дальше на запад.

Только выбрались из леса на полянку с кустарником, как кто-то сбил меня с ног, налетев в темноте со стороны немцев, и скрылся в лесу, а с той стороны, откуда прибежал этот «кто-то», начали стрелять короткими очередями и кричать что-то. Звуки стрельбы были короткие и подстёгивающие. Как выяснилось позже, на этом болотце скопилось немало людей, и немцы, окружив его, ждали, когда мы сдадимся. А сбил меня кто-то из группы, которая решила выходить раньше нас.

Съев всё мясо и кусок лошадиной шкуры, которая была вырезана вместе с мясом, мы стали думать, что надо из этой мышеловки выбираться. Помог счастливый случай. В ночь с 27 на 28 июня в этот район прилетели наши самолёты «У-2». Они, наверное, собирались сбросить продукты и боеприпасы, но условных сигналов не увидели. Окружавшие нас немцы открыли по самолётам сильный огонь, и нам под этот шум удалось проползти незамеченными через их боевые порядки. Помню, что ползу слева от небольшого куста, а справа за ним лежит немец у пулемёта и кашляет. Этот фриц не стрелял, и мы около него все проползли. Подняться и задавить его у нас уже не было физических сил.

Дальше мы встали в рост и пошли на запад, питаясь только травой. Ноги опухли и почти не сгибались в коленях. С трудом, бывало, встанешь, поставишь ноги на ширину плеч, раскачаешься и поворотом корпуса бро-

саешь то левую, то правую ногу вперёд. Если попадает местность, где съедобной травы нет, то сознание отключается, и идёшь, ничего не соображая. К примеру, сбоку у меня висит планшетка с картой и компасом. Мне нужно сориентироваться на местности, проверить азимут, правильно ли держим направление. Беру планшетку в обе руки, гляжу на карту – и сознание отключилось. Стою, стою. Потом сознание возвращается. Я говорю сам себе: «Фу ты, что же это я стою?». Быстро сверяю направление движения и мы, покачиваясь, двигаемся дальше. Видимо, это было что-то вроде небольшого голодного обморока. И такое состояние, повторялось всё чаще и чаще. Шли мы гуськом, старались попадать след в след. Утром, когда высохнет роса, трава поднимается, и след исчезает. Идущие впереди периодически менялись, так как первому нужно быть особенно внимательным. Шли, примерно, в направлении деревни с названием Речка.

В одном месте лес закончился. Высокая, по пояс, трава и грунтовая дорога, на которой, слева от нас, работают наши пленные, а справа, метрах в семидесяти, у дороги дымит костёр. У костра немец в накомарнике стоит. Он смотрит в противоположную от пленным сторону вдоль дороги и отмахивается от комаров веткой. Один из пленным неожиданно увидел нас и уставился, опершись на лопату. Я гляжу на него и думаю: «Что ж ты делаешь? Ведь предаёшь нас». Он, как будто прочитал мои мысли, повернулся к нам спиной и быстро-быстро заработал лопатой. Что нам делать? Обходить стороной – силы на исходе. Легли мы и по-пластунски переползли дорогу между пленными и немцем и благополучно скрылись в лесу.

Если нужно было сходить в разведку, то ходили парами по очереди. Шли вперёд, сообразуясь с обстановкой: днём или ночью. Поздно вечером, когда уже сгущались сумерки, мы подошли к какой-то деревне (не помню названия), где-то в районе деревни Речка. Настала очередь идти в разведку мне и Николаю Каргинову. Подползли мы вдвоём к огородам. На улице никого не видно. Мёртвая тишина. Только встали и пошли огородам к дому, как справа, недалеко от нас послышалось, как будто конный въезжает в деревню. И вдруг из всех домов, включая и тот, к которому мы шли, выскакивают немцы и громко разговаривают. Видимо, им привезли почту. Мы легли и отползли в кусты к своим. Там неожиданно вспугнули тетёрку, которая заломила крыло и не могла лететь. Мы её поймали, разодрали, поделили на части и съели сырой. Такой вкусной пищи я никогда не ел!

...Спустя сутки подошли мы к другой деревне. Недалеко от неё, у болота, две ветряные мельницы стоят. Мы пошли к ним, поскребли жернова и наскребли мучной пыли вперемешку с каменной ложку, может быть, на всех. Съели. Теперь должны идти в разведку азербайджанец с командиром миномётного взвода. Я им говорю:

– Подползите к деревне кустами, понаблюдайте и действуйте по обстановке. В случае чего отходим к большому дереву.

Дерево видно было на местности справа впереди, где-то в километре от нас. Я дал командиру орудия, азербайджанцу, свой пистолет ТТ, и они пошли. Но не кустами – это было бы дальше, а опухшим и измождённым людям каждый шаг давался с трудом. Они двинулись прямо по полю к деревне. Когда мы это обнаружили, то изменить направление их движения было уже невозможно. Через некоторое время они нам были уже не видны, а вскоре мы услышали перестрелку и крики по-русски:

– Двое, двое!

Видимо, их или застрелили или поймали русские каратели. Когда всё успокоилось, мы пошли к условленному высокому дереву. Подождали немного у него и, опасаясь, что ушедшие могут нас выдать, ускорили, как могли, свой марш на запад. Нас осталось, как помнится, четверо: один из бойцов, Каргинов с командиром своего батальона и я. Шли мы, как правило, бездорожьем и безлюдными местами. Иногда выходили на тропы. Один раз, вышли на просеку, которая тянется с востока на запад. По ней проходит тропа, на тропе – свежий след немецких сапог. Судя по чёткости отпечатков, немцы прошли на запад совсем недавно. Значит, назад не вернуться. И мы по их следу прошли сколько-то километров, а потом свернули в болото.

В другой раз шли по тропе, и я начал опять терять сознание. Бреду, как слепой, голова пустая и никакой реакции ни на что. Шёл самым последним. Подошли мы к болоту. По нему через кочки проложены доски, типа переходов, как через ручей. А впереди виден берег болота, метр, может быть, или полметра высотой. Никого вокруг нет. Мы пошли прямо, потому что обходить далеко. Идём, смотрим под ноги. Вдруг в самом гиблом месте болота меня как будто кто-то толкнул. Поднимаю голову – на обрыве пять немцев с винтовками стоят. Я от своих, оказывается, отстал метров на 20, а они уже добрались до сравнительно сухого места и по болоту бегут влево от немцев. Немцы смотрят на меня, не стреляют. А мне надо пройти по направлению к ним ещё метров 15 по доскам, чтобы миновать гиблое место и тогда уже бежать за своими. Но до немцев ещё метров 50. Мысль работает быстрее современной счётной машины. Я их оценил так: это тыловики, стрелять не умеют, в чистом обмундировании в грязь не лягут. Дальше прикидываю: мой автомат неисправен, да если я и резану по ним, то всех не убью, а уж лёжа они меня точно достанут. И решил не стрелять. Иду на них. Прошёл, наконец, гиблое место и неожиданно для немцев рванул влево за своими. Весь огонь принял на себя. Пули то слева,

то справа, в основном, разрывные. Дымки от разрывов то впереди, то сзади, но ушёл, не попали. Только вот котелок, который подобрали, кажется, на мельнице, пришлось бросить.

Болото оказалось большим, мы прошли по нему два или три километра и напали на клюкву. Ели до сумерек и чувствовали себя после этого дня два много лучше. Потом подошли к реке Луге в её верховьях. Здесь она неширокая, где-то метров шесть, но глубокая. Оказалось, что я лучше других плаваю, и мне пришлось её переплывать туда и обратно раза три, чтобы доставить на другой берег одежду и оружие. Тут я решил одну гранату израсходовать, чтобы оглушить рыбу для еды. Нашли омуток, я бросил гранату, но кроме бурой торфяной грязи – ничего.

Вскоре нам повстречалась небольшая группа наших, но не из нашей дивизии. По всему видать: начальство. Они выглядели куда лучше нас. Видимо, было, что поесть. Сами они нам ничего из съестного не дали, а просить ведь не будешь. Правда, у них был котелок, которым они позволили нам попользоваться, чтобы хоть воды горячей испить. Потом они котелок забрали и ушли. Мы сталкивались с ними и раньше, до встречи с пятью немцами на болоте, а вот после реки Луги больше их не видели.

Наше физическое состояние ухудшалось, боец уже не мог нести винтовку и бросил её, взял палку и, опираясь на неё, шёл. Мне даже граната и автомат казались невероятно тяжёлыми, но я решил твёрдо: «Эта последняя граната – для себя».

Дошли ещё до какой-то деревни и подползли к ней с запада. Деревня длинная и вытянулась по бугру. Под бугром – рассадники для выращивания капусты, затем кусты, переходящие в лес. На окраинах деревни – по часовому, и больше никого не видно. Пролежали мы до ночи, а ночью пошли в деревню. На одном из огородов вырвали две грядки лука. Подошли к надворным постройкам. Слышим: корова вздыхает, закрытая в хлеву на замок. Цепь от хлева тянется в дом. Забрались в сарай – спят на насестах куры. Боец мне говорит:

– Нужно взять их за головы, тогда не закудахтают.

По его команде мы схватили по две курицы, но у меня одна вырвалась, и я её снова придавил, а у бойца всё вышло без осечки. Передали тушки Каргинову и его батальонному командиру, оставшимся на огороде.

Затем я решил зайти в самый захудалый дом, а моим товарищам велел оставаться на месте. Тихо подошёл к двери, стучу осторожно – ни звука, но слышу: тихо заплакал ребёнок. Тогда стучу настойчивее. Дверь открывает беззубая маленькая сухонькая старушка, радостно улыбается. Она думала, что это немцы, а меня увидела и зашептала:

– Уходи, уходи.

И дверь пытается закрыть, но моя нога не дает ей это сделать. Спрашиваю:

– Где немцы?

Она показывает на свой чердак и говорит:

– Там.

Я говорю ей:

– Врёшь! Сама в доме, а они на чердаке? Дай что-нибудь поесть, а то не уйду!

Она отрезала кусок какой-то чёрной липкой массы из лебеды и, подавая, сказала:

– Немцы – напротив через улицу, в кирпичном доме.

Выхожу я с крыльца дома и вижу, что Каргинов со своим комбатом уже выходят на улицу как раз по направлению к этому кирпичному дому. Я успел их вернуть. Разделили хлеб, и его нам досталось всего по кусочку, который мы проглотили как мёд. До того хорош!

Пошли дальше, смотрим – ульи стоят. Я немного был с пчёлами знаком. У нас они дома когда-то были. Расстелили мы с бойцом плащ-палатку, сбросили крышку с улья. Сверху уже стоял так называемый «магазин» – приспособление для сбора мёда, который пчеловоды выкачивают для себя. Он оказался пустым, выбрасываем на землю рамку за рамкой, а гнездо с мёдом – в плащ-палатку. Вдруг поднялся шум, часовые начали стрелять в разные стороны, пули – трассирующие, и их траектории нам видны. Мы схватили плащ-палатку на плечо и побежали обратно в лес. Лишь один раз пришлось присесть, так как трассы пуль пересеклись прямо над нашими головами. Опять немцы стали палить в разные стороны. Мы пошли каким-то ручьём, чтобы собаки след не взяли, потом болотом, благо их в этих местах хватает. Наконец выбрались на более или менее сухое место и начали каждый свою долю есть, но, конечно, не враз, а, допустим, одну курицу на всех. Была у нас одна 400-граммовая кружка, в которой мы по очереди варили свою порцию и ели. Затем ели лук, макая его в мёд.

Там же поспали и с рассветом пошли, взяв курс на юго-восток, так как здесь наша топографическая карта кончилась, а идти без карты по незнакомой местности опасно. Встретили двух женщин, которые хотели от нас убежать, но я после мёда ожил и их догнал. Они сказали, что ходили в соседнюю деревню менять вещи на продукты, но ничего не выменяли. Расспросили их о немцах, где они, сколько их и т.п. Женщины сказали, что если немцы узнают, что они разговаривали с нами, то расстреляют. Мы их успокоили, что от нас никто ничего не узнает, и они ушли.

С ПАРТИЗАНАМИ

Прошли километра четыре. На пути – поляна, справа – река и луга. Если идти по берегу реки, то сократим расстояние, если лесом, то поляну обогнём по дуге. Пошли прямо, вышли на середину поляны. Впереди шёл боец, опираясь на палку, а за ним – мы. Вижу, что в конце поляны люди, а по опушке леса бежит другая группа, отрезая нас от леса. Деваться некуда. Быстро совещаемся, что делать. Решили: даём последний «концерт». Я взвёл автомат, Каргинов и его командир батальона – пистолеты, а бойца с его палкой мы поставили сзади, чтобы нам не мешал. Думаем так: подойдем вплотную или на сколько подпустят, ударим по ним и прорвёмся. А если нет, то погибнем. О плене и не думали. Я уже стал плохо видеть. Иду, и в голове стучит: «стрелять – не стрелять?» Вроде не немцы, не кадровые, во всяком случае: одежка нараспашку, форма нарушена. Вроде свои. «Стрелять – не стрелять?» И слева на нас бежит человек и кричит:

– Здравствуйте, товарищи бойцы и командиры! Мы партизаны!

Руки опустились, автомат поставил на предохранитель. Зашли в кусты. Нас окружили, дружески спрашивают. Мы рассказали о нашей трагедии. А командир говорит:

– Мы видим, что много троп идёт в тыл к немцам, и думаем, что это так много партизанских отрядов заслали. Теперь всё ясно.

Потом он спросил, как мы себя чувствуем, можем ли идти?

Мы, конечно, ответили, что чувствуем себя чуть ли не хорошо, идти можем. Затем мы предъявили свои документы, командир отряда показал свои. Партизаны рассказали о себе, о том, что их набрали в госпиталях, сформировали отряд и заслали в тыл к немцам с определённым заданием, после выполнения которого они выходили обратно и где-то в районе Малой Вишеры отдыхали. Затем снова шли на задание. Мы узнали также, что они подрывали Батецкую дорогу, что были сформированы в бригаду, что их немцы окружили, рассеяли, и остатки двух отрядов идут на Большую землю. Помню, что командир их – опытный человек, воевавший в финскую войну санинструктором, кажется. Всех партизан было человек 20 и нас четверо.

Командир отряда приказал, чтобы каждый выделил нам по несколько ложек муки, и мы, как и партизаны, заимели свою муку. Но расходовать её могли лишь так: вскипятим утром ложку муки в котелке воды, получится что-то вроде жидкого клейстера. Это порция на двоих. Получается, примерно, литр на человека. Вечером – то же самое, без хлеба и соли. И всё же мы почувствовали себя несколько лучше. Но траву ели по-прежнему все не переставая.

Партизаны прекрасно знали местность и обстановку в сёлах. Например, в такую-то деревню не заходим, потому что там староста наш. А в одну из деревень командир послал меня с двумя партизанами, чтобы мы повесили старосту, но тот успел скрыться, и мы его не нашли.

Партизаны научили нас и продукты добывать. Командир отряда говорит:

– Вы с голоду умрёте, если будете у местных жителей просить поесть. Идите с моими ребятами, они вас научат.

И мы пошли с партизанами. Вот заходим в один дом. Лежит на койке дед седой, якобы больной. Хозяйка заявила, что у них ничего нет. Партизан подходит к кровати и говорит:

– Ну-ка, дедушка, подвинься.

А под дедом – выпеченный хлеб, много булок. Часть из них мы взяли.

Зашли в другой дом, в чулане – мука. Партизан подзывает меня и говорит:

– Смотри, вот мешки с мукой грубого помола и по цвету она сероватая. Это мука хозяйина. А вот мешок с белой мукой, мелкого помола. Эту муку он наворовал из горящих складов Новгорода, когда наши отступали. Вот её, как государственную, мы и берём.

Хозяин молчит. Муку унесли.

Случалось нам заходить и в рабочие посёлки по разработке торфа. Там люди не боялись никаких немцев и делились последним. Помню, в деревне Речка у одной женщины тяжело болел туберкулёзом сын. Так она, не боясь, догнала нас, уже уходивших, и, видимо, последние две или три булки отдала нам. Мы пытались отказаться, зная, что у неё тяжелобольной на руках, но она ни в какую – берите, да и только. В целом же, население деревень бедствовало. Ну а мы? А мы добыли мешок муки, да и то не полный, на двадцать с лишним человек. В общем, и в партизанах было голодно.

Дважды на наш лагерь нападали русские каратели. Один раз они убили нашего часового и ранили командира полковой батареи 1002-го стрелкового полка. После одного из нападений карателей группа партизан во главе со старшиной, человека три-четыре, сбежала. Мы же пытались окружить карателей, которых было немного, но они тоже скрылись. Когда всё закончилось и стихло, командир отряда в разговоре со мной один на один спрашивает:

– Что будем делать с группой сбежавших?

Я ему сказал:

– Расстрелять.

А он мне ответил, что если будем за это расстреливать, то скоро останемся без отряда. На что я ему сказал, чтобы он тогда сам решал, что делать. Мы пошли по следам сбежавшей группы и через сутки их нагнали. Командир их отругал, и на этом всё закончилось. Я же тогда понял, что командир-то прав, а я со своим «расстрелять» – нет.

Где-то уже в местах нашего окружения мы встретили двух наших. Один уже не мог двигаться и даже не говорил, а второй смог встать. Оба из 2-й Ударной армии. Кажется, они были из СМЕРШа³⁰ или политработники. Нести их мы были не в состоянии. Продукты у нас кончились, и мы ели только траву и им ничем помочь не могли. Двинулись дальше. 22 июля командир послал разведку – нашего легко раненного командира батареи 1002-го стрелкового полка и своих двух или трёх разведчиков. Они ушли, а мы немного привели себя в порядок. Мне помогли снять с ног яловые сапоги 42 размера, и ноги, как квашня, с лёгким звуком «пух» стали толще, чем голенища. Ставишь палец на подъём ноги, и он запечатлевается, как в тесте. Один партизан меня выручил, надел мои сапоги, а его кирзовые 45 размера еле-еле надел я. Партизаны пока ещё были покрепче нас, опухших и шедших с трудом. Мы с Каргиновым собрали котелок черники, вскипятили, съели. Вшей над костром попалили. К вечеру вернулась разведка и доложила, что обнаружена немецкая передовая. Посоветавшись, наместили, где её переходить.

Утром решили подойти поближе, чтобы понаблюдать, и ночью перейти линию фронта. Подошли к поляне, сплошь усеянной трупами наших бойцов и командиров. Зрелище было страшное: все распухли и неузнаваемы. Старшина отряда, тот самый, что убегал, подходит к трупку лейтенанта, на котором очень хорошая шинель. Берёт шинель, мясо от костей отделяется, и на земле остаётся один скелет с кишасей массой червей. Встряхивает он шинель пару раз, скидывает с себя какую-то куртку (одни лохмотья) и надевает шинель. С другого погибшего командира он стянул сапоги, и остались на земле голые белые кости, а мелкие, чёрные черви кишат в сапогах. Старшина встряхивает их, рвёт пучок травы, засовывает руку с травой в один сапог, малость потёр, ещё раз трянул. С другим сапогом поступил также. Свои ошметки с ног сбросил, накрутил тряпки вместо портянок и обулся. Встал и, как ни в чём не бывало, зашагал. Всякое нам приходилось видеть, но такое – впервые. И, знаете, даже нас, бывалых, покорило, а с него – что с гуся вода. Документов у убитых не было.

³⁰ См. сноску 28.

Уже в сумерках осторожно подходим к немецкой передовой. Командир поглядел и смело пошёл вперёд. Вошли мы в окопы, в дзот – никого. Это была подготовленная вторая линия немецкой обороны. Командир принимает решение без предварительной разведки идти к первой линии и переходить её в наступающей ночной темноте. Вперёд послал ведущего разведчика и меня. Ведущий разведчик – это такая должность у партизан. Он идёт вперёд, где более опасно, человек опытный, бывалый, многократно переходивший вражеские передовые. Мы с ним идём впереди, а за нами на расстоянии видимости (метров 20-40) идёт командир с отрядом. К первой линии немецкой обороны подошли неожиданно. И вот странная местность: вырубленный лес, такие толстые пни, что пуля не пробьёт, а кругом – вода. Слева – дзот и справа – дзот, и висят резиновые сапоги вниз голенищами – сушатся. Между дзотами – доски, по которым ночью немцы патрулируют. Ведущий разведчик мне говорит:

– Надо сапоги забрать.

Я ответил:

– На кой они нужны, надо вперёд идти.

И в это время из дзота вылез немец и увидел нас. До него метров 30. Нам, обессиленным, гранату не добросить и на 15 метров. Немец кого-то окликает:

– Олео! Олео!

Я шепнул разведчику:

– Вперёд!

Он рванулся, я – за ним. Мы уже миновали этот дзот, как фриц швырнул гранату. Она упала между нами, а расстояние между ведущим разведчиком и мной было, примерно, четыре метра. Взрыв! Его убило наповал, а меня как будто чем-то тёплым погладило по лицу, по обеим щекам. И всё. Я пополз вперёд. В это время на шум высыпало справа человек 15 немецких автоматчиков и давай поливать огнём, да из двух дзотов пулемёты хлещут. Слева впереди, недалеко, ещё один немецкий пулемёт бьёт. Как потом выяснилось, это стреляли наши из трофейного. По звуку определяю, что чуть правее, далеко впереди, бьёт наш «максим». Компас у меня был учебный, а у погибшего ведущего разведчика – «андриановский», со светящимся циферблатом. Теперь уже я оказался первым и, так как на моём компасе в темноте ничего не видно, то пополз на звук «максима». Прополз между двумя пеньками, перевернулся на спину – море огня от трассирующих пуль, от пеньков щепки летят. Особенно лютуют автоматчики и немецкий пулемёт слева впереди. Но автоматчики толком не знали, где мы, и перенесли огонь в сторону. Я пополз вперёд, наткнулся на так

называемое малозаметное препятствие (МЗП), типа сети с насечкой. Сразу вспомнил, как нас учили перед войной в училище преодолевать такие препятствия. Надо накинуть шинель или плащ-палатку и перебежать по ней. Но тут не побежишь: сунься – враз трупом будешь. Знаю, что эта проволока крепится на маленькие колышки, нащупал и выдернул. Сзади подползли партизаны. Одному даю колышек и велю поднять повыше, чтобы отряд под этим колышком с проволокой мог проползти. А сам подумал: «Попробуй, фриц, попади в руку!». Где-то напротив должен быть другой колышек. Прополз под проволоку, за мной пополз второй партизан и движениями вытянутой руки вверх отдирав проволоку, которая цеплялась за мою спину и скатку (в скатке через плечо – плащ-палатка). Я нащупал второй колышек на противоположной стороне МЗП, выдернул, поднял вверх и передал ползущему за мной. Он его тоже поднял, и отряд пополз под проволокой. Я же подполз к речке Пóлисти и очутился в «мёртвом» пространстве, то есть в таком месте, куда пули не залетали. «Максим» уже давно перестал стрелять, и куда идти, трудно было определить. Через речку лежало бревно, кажется, берёза, и по нему можно было вполне ходить и бегать. Но сил у меня нет, да и равновесие держать уже не могу. Встал я тогда на четвереньки и потихоньку пополз по бревну на другую сторону. Ползу и думаю: «Ну, Русь, кажется, всё для тебя, что мог, сделал. Как-то ты меня встретишь?».

Немцы тоже перестали стрелять. Вышел я на берег, куда ни пойду – всё речка: попал в излучину. А темно. Потом всё же выбрал направление, осторожно шагнул и чувствую, что нога задела нить. Значит, опять мины натяжного действия. Мы их уже четыре поля прошли, когда на болото от немцев уходили и с болота на свой наблюдательный пункт шли. Нагибаюсь, беру нить в руки, чтобы не натянуть, рассматриваю, и оказывается – хмель. Сразу смело шагнул и очутился на тропе. Немного прошёл и увидел дзот с пулемётом. Тихо-тихо подошёл вплотную к входу. Из него высовывается голова в нашей каске. Я, что есть силы, зажал эту голову руками и допрашиваю:

- Русский?
- Русский.
- Свой?
- Свой.

Я его голову отпустил. Это был пожилой красноармеец. Объяснил я ему ситуацию, спросил, где командир роты, и пошёл к нему. К этому времени подвалил весь наш отряд, и мы пошли по ходу сообщения. Вот так и вышли мы в ночь с 23 на 24 июля 1942 года на участке 59-й армии к деревне Любино Поле, от которой уцелела только одна банька. Идём, а пехота,

уже прослышавшая про нас, суёт нам в руки сухари, табак – всё, что есть под рукой. А наши зубы не кусают, отвыкли. Еле-еле грызём сухари и хлеб и курим махру. Солдаты сами дают нам хлеб и сами же уговаривают:

– Ребята! Не ешьте, а то умрёте!

Какой там! Жуём. Посчитали своих: из 18 человек троих убило, один боец и один партизан пропали, семь человек вытащили ранеными, в том числе Николая Каргинова и командира полковой батареи 1002-го стрелкового полка. А старшине отряда выбило один глаз, но он остался живым. Не ранеными вышли пять партизан и от 305-й стрелковой дивизии один я. Подошёл я к раненым поговорить. Они все довольны и, узнав, что я невредим, говорят:

– Молодец, Сашка!

– Какой там молодец! Повезло, вот и всё тут.

На ночлег нас отвели в какую-то баню, и там мне стало плохо. Из рта пошла пена, очень хотелось пить. Уже теряя сознание, я услышал голос командира:

– Не давать пить, а то умрёт!

И отключился. Утром проснулся, вроде бы ничего. Снял свою рубашку и стал над костром уничтожать вшей. В это время подошёл партизан-одессит из нашей группы и, приглядевшись, говорит:

– Саш, смотри-ка, где у тебя пуля прошла.

И показывает мне входное и выходное отверстие пули под мышкой плотно обтянувшей тело моей нижней рубахи. Надо же! Ещё вчера рубашка была цела. А пуля даже не задела тела.

Потом в штабе полка, на чьём участке нам удалось выйти из окружения, мы нанесли на карту все огневые точки противника, обнаруженные нами. В том числе и артиллерийскую батарею.

После этого нас увезли в штаб 59-й армии, помыли в самодельной бане, где я снова потерял сознание и уснул, прижавшись животом к тёплой печке-бочке. Проснулся – ничего не болит. Стало быть, повода для обращения к медикам нет. Да мне это и в голову не пришло, а окружающим и подавно. Лежу один, никого в бане нет...

У ОСОБИСТОВ

...Офицер СМЕРШа 59-й армии, кажется, полковник, встретил нас у своей землянки. С каждым побеседовал и попросил написать подробное объяснение о пребывании в окружении. Метрах в двадцати от землянки

СМЕРШа, на высотке был построен шалаш, который нам отвели для отдыха. Чуть в стороне располагался хозяйственный взвод во главе с тамошним старшиной. Весь состав взвода и старшина были нестроевые, в возрасте, приближающемся к пятидесяти. У нас ощущение голода нарастало, и мы пошли к старшине. Он занимался какими-то хозяйственными делами, и по виду его мы поняли, что кормить он нас не собирается. Командир нашего партизанского отряда говорит старшине, что нас нужно покормить. Старшина с некоторой официальнойностью ответил, что мы у него на довольствии не состоим, и кормить ему нас нечем. Вот тут мы все на него и напустились:

– Как это ты нас на довольствие не поставил? Его, видите ли, никто не предупреждал. Да ты на такие случаи запас продуктов должен иметь. Привык народ морить, такой рассякой!

– Да у меня, кроме хлеба и пшена, ничего нет!

Услышав, что есть хлеб и пшено, мы сразу поутихли и повеселели:

– Давай хлеб и пшено, да за весь день, а не за один раз!

Дал он нам три булки хлеба общим весом шесть килограммов, пшена и пустое ведро. Тут же партизаны набрали сушняку и воды, разожгли костёр и начали варить кашу. Я же до того ослаб, что почти не принимал в этом участия, а только подкидывал в огонь сушняк. Партизаны меня подбадривали:

– Ничего, Сашка, держись! Теперь заживём!

Наварили целое 12-литровое ведро пшённой каши. Уселись в кружок и начали «пиршество». Вшестером всё до крошки и до крупинки съели. Вроде почувствовали некоторую сытость. «Старички» из хозяйственного взвода ненавязчиво издали наблюдали за нами, тяжело вздыхали, а некоторые утирали слёзы.

Наш новый знакомый старшина поехал получать продукты на завтрашний день, а мы поднялись и пошли в шалаш. Горка, на верху которой он расположен, была небольшая, но преодолеть её стоило нам немалого труда. Спокойная, тихая обстановка расслабила нас, и мы со своими руками-костями, лишёнными мышц, стали тихоходами на распухших ногах. Едва дошли до шалаша, как от ощущения сытости не осталось и следа. Голод начал мучить нас с прежней силой. В это время мы увидели старшину, который на бричке привёз продукты питания на следующий день, и спустились с горки к нему:

– Ты нас на довольствие поставил?

– Поставил.

– А продукты наши привёз?

– Привёз.

– Отдавай наши продукты за завтрашний день!

Старшина упирается:

– А чем я вас завтра кормить буду? Вы ведь опять ко мне придёте.

– Мы завтра к тебе не придём.

– О, господи! А если с вами что случится, так мне головы не сносить!

– Ничего с нами не случится. Продукты наши?

– Ваши.

– Отдавай наши продукты, и хлеба побольше дай!

– Я побольше не могу, вот только если мятого.

– Давай мятого.

Дал он нам снова по булке хлеба на двоих, а булки-то были двухкилограммовые, и опять же – пшена, как и в первый раз. Никаких жиров старшина не дал. Видимо, боялся за нас, дистрофиков, а мы и не думали ни о каких жирах, а радовались пшену. Снова сварили ведро густой каши и с хлебом всё съели.

Еле-еле поднялись мы на горку, а живот, как переполненный мешок, болтался с боку на бок. Таким образом, за два приёма каждый из нас съел четыре литра каши и булку хлеба. Вроде поели, но в шалаше опять захотели есть. Уж и есть-то некуда, желудок переполнен, а истощённый организм снова просит пищи, но уже, правда, не с такой силой, как прежде. В шалаше мы улеглись прямо на землю и моментально уснули.

Утром проснулись, и у всех одна мысль: где бы поесть. Так голодно, что трудно терпеть. К старшине идти уже неудобно, так как ещё вчера свои сегодняшние продукты съели, да и ему пообещали, что сегодня к нему не придём. Решили пойти к полковнику из СМЕРШа. Командир партизанского отряда изложил ему суть нашей просьбы. Полковник тут же написал записку в столовую, чтобы нас накормили, выделил из комендантского взвода пожилого солдата, и тот отвёл нас в столовую. В этой столовой кормили командиров, которые после выздоровления следовали из госпиталя в свои части.

Красноармеец-проводник шёл впереди, мы – за ним гуськом. Путь оказался нам неблизким, до столовой мы дошли уже ближе к обеду. Посадили нас за стол, принесли хлеб и суп, которые мы весьма быстро проглотили. Нам опять дали хлеба и второе блюдо – и это съели. Попросили ещё и уже шутливо напомнили, что в записке полковник приказал не покормить нас, а накормить. Всё повторилось снова. Проводника-солдата мы усадили с собой, чтобы он тоже поел. Тот, как нормальный человек, съел первое

и второе и от дальнейшей еды отказался. Сел в сторонке и ждал, когда мы насытимся. Командиры, которые пользовались услугами этой столовой, далеко не все, к нашему удивлению, могли съесть не только второе, но даже и первое. Их оставшийся хлеб партизаны без стеснения перекладывали к нам на стол. А нам всё подавали и подавали первое, второе блюда и снова первое, второе, и так до вечера. Стало смеркаться, пора столовую закрывать, и мы собрались уходить.

Вышли, а перед нами – помещение кухни. Кто-то из наших говорит:

– Давайте попросим у повара. Может, у него в котле есть какие остатки.

Двое ушли. Вскоре они вернулись и говорят, что если мы для кухни напилем и наколем дров, то остатки наши. Тут же были двухметровые бревёшки, пила и топор. Мы начали пилить и колотить. Немного погодя вышел повар, оглядел нас и говорит:

– Ребята! Я же не знал, кто вы. Бросайте эту работу. Я вас и так накормлю.

В котле было порядочно пищи, которую мы съели. Хотели котел помыть, но повар не позволил:

– Что вы, что вы! Мы сами вымоем!

Уже в сгустившихся сумерках пошли мы за солдатом-проводником в обратную дорогу, которую без него не нашли бы. И снова в шалаше нас ожидал безмятежный и беспробудный сон. От тихого дуновения ветра слегка шумит, убаюкивая нас, сосновый лес. Как до войны. Кругом – тишина. Ничто не взрывается и никто не стреляет. Для меня такое чудо было впервые за год.

На другой день за партизанами пришла машина из их штаба. Они, как один, начали меня уговаривать поехать с ними. Звал и командир в свой отряд. При этом прощании присутствовал полковник из СМЕРШа, которому ребята дали на меня отличную боевую характеристику. Я же поблагодарил их за всё, что они сделали для нас, воинов 305-й стрелковой дивизии, но от их предложения и уговоров соединить свою дальнейшую военную судьбу с ними, партизанами, отказался искренне, мотивируя свой отказ тем, что я принесу больше пользы, воюя в рядах Красной Армии как артиллерист. Партизан увезли.

Меня же в сопровождении красноармейца направили в особый отдел Волховского фронта, располагавшийся в районе города Малой Вишеры. Свою гранату Ф-1 я не взял – потяжелела, а мой автомат понёс по моей просьбе сопровождающий. На перекладных и пешком за дружеской беседой мы добрались до цели моего назначения. Меня накормили и вместе с

моим автоматом поместили в землянку где-то на окраине Малой Вишеры, на пустыре, без всякой охраны. Показали, куда приходиться на завтрак, обед и ужин, и я остался один, кругом – ни души. Утомлённый дорогой, я уснул. Утром проснулся, пошёл позавтракать и после этого опять уснул. Вскоре пришёл посыльный красноармеец, разбудил и сказал, что меня вызывает следователь. Следователь взял все мои документы: удостоверение личности, билет кандидата в члены ВКП(б), сберкнижку, дневник, который я вёл в окружении до встречи с партизанами, орденскую книжку, а также моё личное оружие – автомат ППД. Он расспросил меня, дал бумагу и велел написать подробное объяснение о моём нахождении в окружении. Когда все эти формальности были выполнены, я вышел на улицу. Там один из командиров СМЕРШа издали кричал мне, что они ещё разберутся, кто я такой, и как это получилось, что все погибли, а я остался жив и невредим. Со мной это был первый случай такого грубого, огульно несправедливого обвинения после выхода из окружения. Я прошёл мимо кричавшего, не отвечая на его нервное поведение, и лишь убедился в том, что с этим довольно молодым лейтенантом я никогда раньше не встречался. Но глубокая обида на такое обращение со мной, как с человеком, который сделал для Родины всё, что мог, и с честью вышел из всех невзгод, оставила в моей душе глубокий след.

Дня через два ко мне в землянку подсадили старшего лейтенанта, наказанного арестом за какую-то провинность. Мы с ним познакомились. Он расспросил меня, кто я и как оказался здесь. Я ему довольно подробно всё рассказал и ругал, на чём свет стоит, тыловых крыс, СМЕРШев, которые, на мой взгляд, ни черта не смыслят в войне и боятся передовой, трясутся за свою шкуру. Кроме этого, я сказал, что вот только поправлюсь и предложу свои услуги сводить их через передовую в тыл врага. Пусть посмотрят и прочувствуют, как люди воюют, и какую они на фронте проходят проверку огнём, кровью и смертью товарищей. И пусть на деле убедятся, кому можно доверять, а кому нет. Вот только нужно постараться, чтобы все они, СМЕРШИ, остались живы. Правда, гарантии такой я им дать не могу. Но те, которые вернутся живыми, будут совсем другими людьми, чем сейчас. Я был в этом уверен. В таком духе я костерил эту братию, а мой новый сосед внимательно меня слушал. Один раз он меня спросил:

– Какой срок службы пушки?

Я ответил, что не знаю. Он сказал:

– Десять секунд.

То есть, если артиллерийское орудие будет находиться десять секунд в таких условиях, в каких оно находится в момент выстрела, то по исте-

чении этих десяти секунд оно придёт в негодность. Несколько позже я вспомнил, что когда-то об этом нам сказал мимоходом один из преподавателей на занятиях в училище.

Время от времени мой новый знакомый уходил на базар в Малую Вишеру, где покупал что-нибудь съестное и подкармливал меня за свой счёт. У меня никаких денег не было. На фронте нам их наличными не выдавали. Мы лишь расписывались в ведомости, что столько-то перечисляем в фонд обороны, столько-то – аттестат родителям. Если после этого какие-нибудь деньги оставались, то начальник финансового отдела перечислял их на сберкнижки. Мою сберкнижку, на которой было рублей 700-800, СМЕРШи изъяли. А есть я хотел круглые сутки. То, что мне давали в столовой, было крайне мало, и потому я был радёшенек продуктам в виде 2-3 картофелин в мундире или какой-нибудь иной снеди, которую с базара приносил старший лейтенант.

Дня через три, выслушав моё очередное нелестное высказывание в адрес СМЕРШев, старший лейтенант мне сказал:

– А ты знаешь, я ведь из СМЕРШа.

Я от удивления остолбенел, но тут же спросил:

– А тебя-то сюда зачем посадили?

Он ответил уклончиво, что за упущения по службе, а за какие, я не стал уточнять. Я же воспринял его признание как предостережение мне в дальнейшем не высказываться столь агрессивно в адрес СМЕРШев. Он тепло со мной распрощался, сказал, что срок его ареста истёк, и он приступает к исполнению своих служебных обязанностей. Вскоре и за мной пришёл связной и сказал, что меня переводят в распоряжение коменданта гарнизона, где пребывают задержанные военнослужащие. В этом гарнизоне, расположенном в лесу, мне отвели что-то вроде избушки-землянки с койкой, окном, печкой и «удобствами» на улице. Познакомили с комендантом, который был предупредительно вежливым и пригласил меня приходить каждый день к нему на обед. В землянку мне приносили мой обед, съев который, я отправлялся на обед к коменданту.

Появился у меня и новый следователь, которому я заново исповедывался и вновь писал подробное объяснение по поводу моего нахождения в окружении. Несколько раз он вызывал меня для уточнения некоторых деталей в моём объяснении. Для меня было ясно, что нужно говорить только то, что я уже говорил. В конце концов, следователь проникся ко мне доверием и даже сообщил, что вышедшие из окружения раньше меня бойцы нашего полка говорили, что до самого конца дрался с немцами только Добров, и он один может рассказать, что там происходило. На что

я сказал следователю, что, конечно, наши штабные работники не имели в непосредственном подчинении людей и потому бросили нас на произвол судьбы. А пока мы сдерживали натиск противника, принимая его удары на себя, они могли выходить из окружения.

Ещё следователь спросил меня, сколько времени можно просидеть на дереве, спасаясь от врагов. Я ответил, что не знаю, так как мне не приходилось прятаться от врагов на деревьях. Если мой наблюдательный пункт был на дереве, то я сидел на нём часа по четыре и более, когда этого требовала обстановка.

– А на что это вам? – спросил я. Он ответил, что вот ещё одна группа бойцов вышла из окружения, и они утверждают, что во время прочёски немцами леса, они забрались на деревья и очень долго на них сидели даже после того, как все солдаты противника ушли, не заметив их. Через многие годы после войны, я был на встрече ветеранов 305-й стрелковой дивизии в Новгороде. Там я услышал от однополчанина, Александра Ивановича Зайкова, из города Долматово Курганской области рассказ о том, как их группа выходила из окружения, и как они однажды отсиживались на деревьях, пока немцы прочёсывали лес. Только в августе 1942 года, переправившись через Волхов, А.И. Зайков с товарищами вышли к своим.

После этого разговора следователь оставил меня в покое. Поскольку мой учебный компас не был изъят СМЕРШами, я спросил у коменданта лагеря, можно ли мне ходить в лес, чтобы поесть ягод, и он разрешил. В лесу было обилие черники. Чтобы не заблудиться, я намечал по компасу определённый азимут, шёл и ел ягоды, не отклоняясь от него. Затем я изменял направление на 180° и возвращался к обеду обратно.

Дня через два-три меня снова вызвал следователь и сказал, что моё пребывание у них закончилось. Завтра утром мне дадут сопровождающего, который меня отведёт в штаб Волховского фронта, где я получу направление в часть для прохождения дальнейшей службы.

На следующий день всё так и было. После завтрака за мной зашёл крепкий молодой красноармеец и доложил, что он прибыл для сопровождения меня в штаб фронта, который располагался в нескольких километрах отсюда, в Малой Вишере. Зашли к следователю, который вручил сопровождающему пакет, как я догадывался, с документами на меня. Мне вернули автомат, мои документы, среди которых почему-то не оказалось сберкнижки, но я об этом не стал говорить, чтобы не терять времени на её розыски, ибо я был убеждён, что она застряла у тех СМЕРШей, один из которых кричал, что они ещё со мной разберутся. Только вот как он сможет по чужой книжке деньги получить?

Следователь тепло со мной попрощался, пожелал всего хорошего на новом месте службы, и мы с сопровождающим отправились. Немного ото-шли, и я попросил красноармейца нести мой автомат, так как для меня он пока ещё был слишком тяжёл. Боец с радостью согласился. Мне стало легче, но быстро двигаться я всё равно не мог. Из-за этого мы еле-еле прошли километра два. Тут на дороге показалась легковая машина. Красноармеец говорит, что шофёр ему знаком и подбросит нас до штаба. Он проголосовал, машина остановилась. Мы сели, а в машине оказался офицер СМЕРШа Волховского фронта, с виду маленький и плюгавенький, похожий на Ежова³¹. Офицер сразу грубо обратился ко мне:

– Кто тебя завербовал? С какой целью к нам заброшен? На кого работаешь?

И всё в таком духе. Я ответил, что меня проверили и отправили в распоряжение штаба Волховского фронта для прохождения дальнейшей службы.

– Мы ещё посмотрим, как тебя проверили, – сказал он и приказал водителю возвращаться. Высадив меня и сопровождающего красноармейца у землянки следователя, с которым мы только что расстались, он приказал ему:

– Перепроверить его.

И уехал. Следователь улыбнулся мне и сказал:

– Не везёт вам, Добров. Придётся вам снова идти. Но транспорта у нас нет, и помочь вам не могу.

Мы пошли обратно. Красноармеец почти всю дорогу, что мы проходили уже второй раз, извинялся, что не заметил в ней начальника. Я же шёл, превозмогая большую усталость и слабость, и думал, каким же шкурам доверяют такую работу с людьми. Они не знают и не понимают, какую проверку нам устроили немцы. И вместо того, чтобы прорвавшихся из окружения бойцов считать настоящими героями и патриотами, вот такие ограниченные и злобные «карлики» смешивают их с грязью. Было очень больно и обидно за себя, за фронтовиков и за страну, где правят бал такие болваны. Обнадёживало и поддерживало меня только сознание, что служу я не им, а своему народу.

Наконец мы пришли. В штабе фронта сопровождающий меня красноармеец вручил под расписку полученный им от следователя пакет. Затем он вернул мне мой автомат, пожелал мне хорошего здоровья и успешной службы, попрощался и ушёл.

³¹ Ежов Николай Иванович (1895-1940), с 1936 по 1938 Народный комиссар внутренних дел СССР, генеральный комиссар госбезопасности.

Штабной писарь, взглянув на мои погоны старшего лейтенанта, стал выписывать мне направление в часть. Пришлось его остановить и сказать, что я не старший лейтенант, а капитан, что мне присвоено это воинское звание в мае 1942 года. Штабисты тут же нашли приказ 0165 и выписали направление на имя капитана Доброва, указав, что я должен прибыть в распоряжение командира 608-го артиллерийского полка 165-й стрелковой дивизии. Её штаб находился в районе совхоза «Красный ударник» на берегу Волхова.

Меня покормили, дали что-то в дорогу, я это «что-то», не раздумывая, тут же съел на глазах у изумлённых, с открытыми ртами, интендантов, закинул свой автомат на плечо и отправился в нелёгкий для меня обратный 25-километровый путь. Попутный транспорт не заставлял себя долго ждать, и я на перекладных в послеобеденное время уже прибыл в штаб 165-й стрелковой дивизии. Отыскал начальника артиллерии дивизии, полковника Филиппова, который стоял с группой командиров, и доложил ему, что капитан Добров прибыл в его распоряжение для прохождения дальнейшей службы в качестве командира батареи 608-го артиллерийского полка. Он заметил, что не видит, что перед ним капитан. Я сказал, что я из окружения, и предъявил документы. Тогда он пригласил меня с ним отобедать. Я только хотел принять это предложение и уже открыл было рот, как один из присутствующих старших лейтенантов начал говорить, что не нужно беспокоиться, так как в полку очень хорошо кормят. Я бросил злой взгляд на говорившего, он сразу смолк и потупился. Мне же оставалось отойти в сторону и вместе с другими молча ждать ушедшего обедать начальника. Вскоре мне дали связного и направили в распоряжение командира 608-го артиллерийского полка. Когда подошли к штабу полка, связной спрашивает, куда меня вести.

– На кухню!

Пришли на кухню, где хорошо покормили, после чего связной проводил меня до места назначения. Я доложил начальнику штаба полка, капитану Рыжкову, о своём прибытии. Познакомились. Оказалось, что его семья эвакуирована в мой родной город Ирбит Свердловской области. В ходе короткого разговора выяснилось, что для жены капитана Ирбит – «дыра». Для меня же он – рай земной.

Пришёл связной и повёл меня в штаб 2-го дивизиона. Когда подошли к месту его расположения, я сказал связному, чтобы вёл меня сначала на кухню. Обед давно закончился, но нужные мне люди – старшина, каптенармус и повар, – занятые своими делами, были на месте. Усадили они меня за стол. Повар еле успевал подливать мне супу в миску, каптенармус

Зубов в своей каптёрке нарезал для меня хлеб, за которым к нему бежал сам старшина. Наконец, старшина говорит мне:

– Извините, но командирский суп у нас кончился. Остался только солдатский.

– Давай солдатский!

Зубов не выдержал и с булкой хлеба и с ножом выскочил из своей каптёрки посмотреть, какого это он богатыря кормит, а увидел молодого парнишку 19 лет, худющего заморыша, скелет скелетом. Он, ошарашенный, смотрел на меня, а я ел и улыбался ему. Как выяснилось позже, Зубов был, как и я, уралец, родом из небольшого городка Касли Челябинской области. Наконец, я наелся. Встал, всех поблагодарил и сказал связному, что вот теперь можно вести меня в штаб дивизиона. А гостеприимная троица – старшина, каптенармус и повар – стояли молча, с широко открытыми глазами, провожая меня.

На пути в дивизион я решил, что если наблюдательный пункт будет на дереве, то воевать откажусь, так как мне на него не влезть. Если на земле, то воевать буду, потому что, хотя я и слаб и хожу плохо, но до него уж как-нибудь доползу.

В штабе дивизиона был командир, которому я доложил о своём прибытии. Он, как и все другие командиры до и после него, не спрашивал меня о самочувствии, а я, в свою очередь, тоже об этом никому ничего не говорил. Выслушав мой доклад о том, что я прибыл для прохождения дальнейшей службы, командир дивизиона приказал мне принять 5-ю батарею 608-го артполка 165-й стрелковой дивизии. Она находилась на восточном берегу Волхова в противотанковом резерве, где наблюдательных пунктов вообще не было. Это от передовой, примерно, в восьми километрах.

19 августа 1942 года я принял 5-ю батарею, которая была сформирована в городе Кургане, в Зауралье. Мои странствования по особым отделам заняли 26 дней. Как выяснилось, это было немного по сравнению с другими людьми, вышедшими из этого же окружения. Закончился для меня первый год боёв в Великой Отечественной войне, и с 19 августа 1942 года начался отсчёт дней второго года.

Где-то к середине сентября или к его концу у меня появилось, наконец, чувство сытости, и я сразу же запретил на батарее раздельное приготовление пищи для среднего командного состава и для рядовых с сержантами, введённое комиссарами. Мотивировал я свой запрет тем, что Народным комиссаром обороны установлены единые нормы продуктов питания для всех военнослужащих. Для командного состава сверх этих норм установлен дополнительный паёк и не более того. Поэтому впредь всех следует кормить из одного котла.

Сам же я перешёл на диету, состоящую из сухарей и чая. Если я её даже немного нарушал, то начинался кровавый понос – следствие дистрофии. Поэтому свой дополнительный паёк я отдавал рядовым. Мой недуг продолжался не менее двух месяцев. Никому о своих страданиях я не говорил, стеснялся. Потом всё прошло само собой. В те же дни меня начала мучить изжога, от которой я страдаю и по сей день, но, правда, с небольшими перерывами. И лишь в пятидесятых годах у меня установили язву двенадцатиперстной кишки. От перенесённой голодовки я почувствовал и небольшую потерю зрения, которое после выхода из окружения восстановилось лишь частично. По этой причине с биноклем я не расставался, а после войны уже постоянно и по сей день ношу очки.

В 165-й стрелковой дивизии встретил я как-то одного лейтенанта, командира взвода 45-миллиметровых пушек, который был в 1002-м стрелковом полку 305-й стрелковой дивизии. Он рассказал мне, что подполковник А.И. Смирнов снял с обороны полк и повёл его на прорыв, но в момент прорыва сердце Смирнова не выдержало, и он умер. На мой вопрос, были ли Смирнов ранен, лейтенант ответил, что нет. Полк прорвался и вышел к своим. Я снова пожалел, что в своё время в окружении потерял 1002-й полк, пока ходил в свой штаб, где нам объявили, что нужно выходить мелкими группами. Из-за этого нам пришлось ещё целый месяц голодать и пробиваться из окружения.

Восстановить картину прошлого мне помогло одно из моих последних объяснений, которое я писал, как только 165-я стрелковая дивизия была переподчинена другой армии. Это объяснение я изъясил из своего личного дела по совету полкового уполномоченного СМЕРШа. Он мне сказал:

– Поверь моему опыту, тебя сживут со свету, если ты скажешь, что был в окружении.

Впоследствии оказалось, что он был частично прав. Ведь до сего времени живёт ложь, которую распространил в своё время Геббельс³², о добровольной сдаче в плен 2-й Ударной армии. Позор тем, кто этому верит, и горе нам, что мы до сих пор не опровергли этот чудовищный наговор.

³² Йозеф Пауль Геббельс (1897-1945), министр пропаганды фашистской Германии с 1933.

ПРИЛОЖЕНИЕ

О ВОЙНЕ, О СЕБЕ, О ТОВАРИЩАХ (ПИСЬМА ВЕТЕРАНОВ 305-й СД 1-го ФОРМИРОВАНИЯ)

Прошло несколько десятилетий, а боль о пережитом в теперь уже далёком 1942 году не утихает. Об этом свидетельствуют и письма ко мне ветеранов, чудом уцелевших в ожесточённых боях, происходивших в «долине смерти» в условиях, сравнимых разве только со Сталинградским сражением и Ленинградской блокадой.

Вот письмо бывшего секретаря партбюро дивизиона, командовавшего огневым взводом батареи 305-й стрелковой дивизии, младшего политрука, а впоследствии лейтенанта, Николая Григорьевича Богданова. После войны он учительствовал в городе Зубцове Тверской области. Письмо датировано 4 мая 1980 года.³³

«Здравствуйте, дорогой однополчанин Александр Семёнович!

Прошло 35 лет, как была разгромлена фашистская Германия... Мне до сих пор снятся кошмарные дни переживаний в Новгородских болотах...

Я, как и Вы, стремился выйти из окружения, но обстоятельства сложились так, что финал был печальным. Наше командование дивизионом в свою группу отказалось взять никого из младшего комсостава, и мы стихийно организовались в небольшие группы и направились в разные направления.... Наша группа наткнулась на плотный заслон врага, и мы были пленены под селом Подберезье. Всего было пленено 29 тысяч человек. Среди пленных были комиссар нашей дивизии Айзенштадт, командир 830-го артполка и другие из старшего комсостава....

В конце декабря [1941. – В.Д.] или начале января 1942 года в наш дивизион прибыли три студента из Свердловска, окончившие кратковременные курсы Шерстнёв³⁴ Евгений Петрович, студент индустриального института; Володя Артамонов из Свердловского горного института; Гордеев (он, как мне помнится, из Рязанской области). Затем прибыл четвёртый – Залгаллер Леонид Абрамович – студент Ленинградского архитектурного института. Старший лейтенант Шерстнёв³⁵ был ко-

³³ Это письмо, как и следующие, не подвергалось орфографической и пунктуационной правке и литературной обработке.

³⁴ Ошибка. Правильно: Шершнёв.

³⁵ См. сноску 34.

мандиром батареи, старший лейтенант Залгаллер – командир взвода управления, старшие лейтенанты Артамонов – начальник связи дивизиона и Гордеев – командир огневого взвода.

Их судьба – все они были пленены. Л.А. Залгаллера (он был очень похож на Я. Свердлова³⁶) немцы расстреляли как еврея. Гордеева и Артамонова застрелили, когда они хотели что-то добыть из пищи и выбежали из колонны. Вот такая судьба у этих молодых людей. Как сейчас вижу перед собой красивого, энергичного Артамонова, мечтавшего продолжить учёбу после войны; Залгаллер был прекрасный чтец и эрудирован по многим вопросам...

Мне лично хотелось бы на встречах ветеранов 305-й стрелковой дивизии в Новгороде услышать от товарищей Новикова и Златкина всю правду о случившейся трагедии, и почему Златкин избежал окружения. Такое желание у всех присутствующих. Но на этот вопрос ответа от них не услышишь, им невыгодно раскрывать карты. Ведь что случилось за неделю до окружения? Командир дивизии Барабаничиков со своим адъютантом на самолете (причина – болезнь) вылетают на Большую землю. За ним следует начштаба Николаевский, и затем те, кто ниже рангом.

Разве было в истории русской армии бросать на произвол армию? Пример тому фельдмаршал А.В. Суворов. Не знаю, согласны Вы со мной, но моё мнение такое. Пусть моё откровение останется между нами.

С уважением Н. Г.

Слишком скудные сведения я поведал Вам, дорогой Александр Семёнович, да и время прошло много, память не удержала всего виденного и пережитого. Если состоится встреча, то, надеюсь, мы поговорим о многом.

Здоровья Вам и всего наилучшего в Вашей жизни.

С уважением к Вам. Однополчанин Н. Богданов».

В.А. Кузнецов, бывший в 1941-1944 годах ответственным секретарём редакции газеты «Отважный воин» 2-й Ударной армии, в статье «Начало пути» описывает свой выход из окружения 25 июня 1942 года. В частности, он пишет: «Вечером того же дня я рапортом докладывал начальнику отдела пропаганды и агитации политуправления фронта бригадному комиссару Златкину о судьбе редакции³⁷».

Так вот куда «исчез» начальник политотдела 305-й стрелковой дивизии Златкин – ушёл на повышение.

³⁶ Яков Михайлович Свердлов (1885-1919), один из крупнейших строителей коммунистической партии и Советской власти.

³⁷ Вторая Ударная в битве за Ленинград. Л., 1983. С. 107. (Авт.).

Из письма заместителя старшины 4-й батареи 830-го артиллерийского полка Сергея Яковлевича Куткина от 14 мая 1985 года:

«Дорогой Александр Семёнович!

Благодарю за поздравление с праздником и всё время жду от Вас письма, а пишете совсем редко. Вы спрашиваете, как я живу, бахвалиться нечем, а самое больное и тяжёлое время наступает, когда попадаю в прошлое военное время нашей дивизии и её трагические дни. В голову лезут бесконечные вопросы: почему это так случилось, неужели не знали, куда лезли с такими силами? Была ли другая территория для оказания помощи Ленинграду, кроме этих, непроходимых в летнее время болот? Кто нес охрану этой долины смерти, зачем нужно было залезать в этот мешок, почему не расширили проход? Вот такие вопросы попадают в голову, и ночь становится бессонной, а сам делаешься больным.

С того трагического времени прошло более 40 лет, а останки лучших наших товарищей, отдавших жизни за честь и независимость нашей Родины, до сих пор не убраны и не преданы земле. Воистину, никто не забыт!

Саша, тебя интересует, как я попал в плен. После того, как нам была дана команда выходить малыми группами и кто как может, а такую команду дал младший лейтенант связи нашей батареи, я хотел присоединиться к нему. Он приказал выходить самим отдельно. Это было поздно вечером 25 или 26 июня недалеко от узкоколейной дороги и настильной дороги, где мы втроём охраняли три своих орудия без единого снаряда и хозяйственные повозки батареи. Пришлось вынуть орудийные замки, завернуть и закопать в разных местах, а также и орудийные панорамы. Повозки облили керосином и подожгли. Попытались пойти к перешейку – к выходу, но уже было поздно. Тогда мы, пять человек, решили искать партизан, но не зная, в каком месте они находятся, не имея карты, не зная местности, мы несколько дней блуждали в тылу у немцев без еды. Напоролась на минное поле, где один человек был убит и один легко ранен, после чего мы углубились на занятую противником территорию и пошли на юг. По пути встретили небольшую группу немцев, завязалась перестрелка, патроны кончились, и мы оторвались от немецкой группы и блуждали в лесу без еды и боеприпасов до 6 или 7 июля. Вышли к лесной сторожке где-то в 4-5 км от Новгорода. Один из нас подполз к огороду, в котором находилась старуха. Женщина показала направление, куда нам надо идти. Чуть отдохнув, мы немного отошли от избушки, и нас окружили немцы с собаками и русскими добровольцами. Сопротивляться

было бесполезно и нечем, да и мы едва-едва передвигали ноги. Отобрали у нас винтовки и документы и отвели в Новгород, где и поместили в лагерь. Военнопленных в лагере было очень много. Состоял он из нескольких секторов. Командиры находились в одном секторе, а красноармейцы – в другом. Там я и увидел командира 830-го артполка и других командиров.

Кормили нас очень плохо, гоняли на работу. Вскоре отобрали команду военнопленных, в которую попал и я, и увезли. Выгрузили нас недалеко от деревни Малое Замощье строить настильную дорогу (макаронку). Поставили нашу большую санитарную палатку, обнесли проволокой в несколько рядов и установили кругом вышки с часовыми. Там я от тяжёлой работы в воде опух, и немцы меня хотели расстрелять как симулянта. Но за меня заступился один унтер-офицер (не знаю, чем я ему приглянулся). Меня вывели из строя и увели к санинструктору. Пришла машина, и меня увезли в Новгород в госпиталь для русских, где я пролежал до июля-августа 1943 года. Когда наши начали наступать, нас всех увезли под Лугу, затем в Прибалтику, Латвию, Литву, Германию, Штеттин, а затем в Норвегию на строительство железной дороги. Там нас освободили англичане. Кончилась война в 1945 году, мы были чуть живы, едва переставляли ноги – старики и куча вшей.

Приехал наш русский генерал, охрану сняли. Мы стали охранять себя сами. Генерал нам сказал: «Вас перевезут на Родину после того, как вы станете похожи на людей. Домой не спешите, пусть они (англичане) приведут вас в человеческий вид». Нам всё выдали английское и постепенно стали нам увеличивать питание. Кой-кому мы сами сделали самосуд. Норвежцы к нам относились по-разному, иногда кое-что давали из еды. Потом пришёл корабль, нас всех погрузили и привезли в Мурманск. Санобработка, первая госпроверка, а затем в город Козельск на вторую госпроверку, после чего отобрали в запасной 40-й артполк. Выдали красноармейские книжки, военное обмундирование. Погрузили нас с командирами в вагон и на фронт в Японию, но пока туда-сюда, война с Японией кончилась, и нас с командирами направили в шахты в Подмосковье.

Уволился я только в ноябре 1948 года по инвалидности II группы – нефрит. Приехал домой, поступил работать на завод токарем, где и проработал до 1976 года. Всё прошёл, но всё равно не то...

Решай сам, как мне было, хорошо ли.

Пиши, всегда рад. Твой Сергей.

Извини, что так плохо пишу. Не могу об этом спокойно вспоминать, незаслуженную грязь на нас вылили.

Пишите, буду рад Вашему письму.

До свидания. Куткин».

Вот отрывок из ещё одного письма С.Я. Куткина:

«...Наш однополчанин Богданов Н.Г. писал о подарке, полученном им ко дню 40-летия Победы, и в этом письме он сообщил о своём горе: он рассчитывал получить надбавку к пенсии 5 рублей, но ему в этом отказали. Сказали, что якобы у него прервался непрерывный стаж работы. Как он пишет, в 1950 году он работал инспектором районо. 29 августа зав. районо ему объявил, что он как бывший военнопленный не может занимать эту должность, и предложил подать заявление об освобождении. Заявление Н.Г. Богданов написал, это и послужило причиной отказа ему в надбавке. Но в этот же день – 29 августа, он был назначен преподавателем математики. Районо-то ведь одно и то же, где же справедливость? Взрослыми руководить нельзя, а детей воспитывать можно?? Вот и докажи, что ты воевал и проливал кровь на фронте, отголоски прошлого.

Крепко жму Вашу руку. С. Куткин. 21/VI-85 г.

Сколько ещё неизвестного, скрытого от народа. Обидно, почему всё нельзя, всю правду для народа. Саша, давай, поднимай народ на последний «штурм» трагических Замошских болот, а что написали писаки за 40 с лишним лет о нашей судьбе?

Пиши. Куткин».

Хотелось Сергею Яковлевичу ещё раз побывать на месте былых боёв.

А вот что пишет С.О. Виноградов:

«Здравствуйте, Александр Семёнович!

Ваш адрес мне дал А.З. Мильман. Я Вас помню как командира 5-й батареи 830-го артполка. Перед окружением я исполнял обязанности старшины этой батареи, и был Вами с этой работы снят. На моё место Вы назначили Н.И. Кажохина, если такого помните, я же обратно был направлен ездовым, а затем в пехоту – занимать оборону на реке Пóлисть. В то время мы находились в окружении в Замошских болотах. В окружении я пробыл до 15 июня. Два моих товарища Н.В. Ильин и Н.Л. Романов умерли от голода, а я каким-то чудом выжил. Затем я был направлен в запасной полк на выздоровление. Кончил войну в Латвии. По указу о демобилизации военнослужащих старших возрастов 23.06.45. был демобилизован и 20 июля 1945 года был уже дома в Калининской области, в Старицком районе. С 1946 по 1969 год работал председателем колхоза на ро-

дине. В 1964 году ушёл на пенсию. Мне уже 75 лет, живу в Калининe, ещё работаю в областной больнице в должности начальника снабжения.

Когда ещё формировались в городе Дмитрове под Москвой, то помню командира полка Городовикова, командира дивизиона Домнича и нашего всеми уважаемого командира 5-й батареи Ротина Михаила Петровича, которого уже в марте 1942 года отозвали как кинооператора в Москву.

Комиссаром дивизиона был Долинский, молодой парень в Вашем возрасте, который, по слухам, застрелился. У нас в батарее комиссаром был белорус, молодой парень, фамилию его не помню, военное дело совершенно не знал.

За всю войну я был четыре раза ранен. Три ранения – пулевые, не задевая костей, и четвёртое – осколочное в шею, от которого я был семь часов без сознания.

На Новый год ездил на автомашине в Ленинград. Проезжал мимо тех мест, где нас постигла злая судьба, заехал на станцию Мясной Бор, поглядел, где форсировали р. Волхов около совхоза. Поклонился всем товарищам, оставшимся лежать в земле, и с горьким осадком приехал в Калинин домой. Видимо, никогда не забыть перенесённое нами несчастье и горе в этих местах.

На этом кончаю. Буду очень благодарен, если Вы ошастливите меня своим ответом.

До свидания, с уважением, Виноградов Сергей Осипович.

10.01.80. г. Калинин».

Помню, в майские дни 1942 года на наблюдательный пункт командира 120-миллиметровой миномётной батареи старшего лейтенанта Шерстнёва³⁸ Евгения Петровича пришёл комиссар этой батареи и провёл беседу со всеми своими батарейцами, и мы, представители 5-й батареи 830-го артполка, тоже приняли участие в этом мероприятии. Под конец этот комиссар (фамилию его я, к сожалению, забыл) сказал:

– После войны каждого взрослого человека спросят: что вы сделали во время войны для Победы?

А нужно сказать, что в нашей победе над фашистской Германией мы не сомневались.

– Вот, например, спросят меня, – продолжал комиссар, – что вы сделали для Победы? А я им скажу, а что вы ещё от меня хотели? И они, в свою

³⁸ См. сноску 34.

очередь, ответят: «Ах, извините, извините нас, пожалуйста». И продолжают опрашивать других лиц.

Мы, присутствовавшие на этой беседе, свято уверовали, что такой опрос каждого будет! С каждого спросят, что он сделал для Победы. У каждого будет оценён и станет известен всем его личный вклад в Великую Победу. Воистину, как в песне: «За столом никто у нас не лишний, по заслугам каждый награждён!».

А на самом деле в итоге никто никем не интересовался. Как всегда, за редким исключением, в выигрыше оказались те, кто был далёк от передовой линии фронта и занимал «тёплые» места, сохранил своё здоровье. Весьма скоро после войны эти люди стали равнодушно и даже высокомерно смотреть на нас, бывших окопников.

У людей, далёких от боёв, от таких боёв, как в огненном «коридоре», мнение одно: Власов сдал немцам 2-ю Ударную армию.

Геббельса как идеолога фашизма понять можно. Он был нашим заклятым врагом и поэтому всячески пытался опорочить Вооружённые Силы Советского Союза. Он был также убеждён в том, что чем невероятнее ложь, тем люди охотнее в неё верят. И поэтому Геббельс объявил, что 2-я Ударная армия во главе с генерал-лейтенантом Власовым сдалась в плен германским войскам. Сталину такая ложь ох как была нужна, чтобы скрыть свои просчёты и явную недалёковидность в руководстве войсками, и он эту грязную фальшивку подхватил и выдал за действительность. Ложь оказалась очень живучей.

А теперь посмотрите внимательно на состав армии и подумайте, как бы вы сами поступили, если бы вам предложили сложить оружие? Я убеждён, что вы придёте к одному выводу: армию сдать невозможно. Воронову³⁹, стряпуху, можно, но армию – никогда.

Начальник тыла 2-й Ударной армии 5 июля 1942 года докладывал Военному Совету фронта: «Личный состав был измотан, вытаскивая на себе материальную часть из болот к узкоколейке и лежневой дороге. До этого, в продолжение полутора месяцев, армия находилась на голодном пайке. Никаких запасов боеприпасов и продовольствия в армии не имелось, так как подвоза не было из-за отсутствия горючего... На 30 мая на территории, занимаемой армией, находилось на платформах и в вагонах 1 500 раненых, а 450 человек гражданского населения в лесу в ожидании эвакуации [гражданских принудили к эвакуации, а их дома сожгли, чтобы не достались врагу. – А. Д.]

³⁹ Спутница генерал-лейтенанта А.А. Власова в его скитаниях в немецком тылу.

7 июля решением ВС⁴⁰ армии 80% личного состава было поставлено в строй, включая артиллеристов и миномётчиков. Однако успеха армия не имела из-за отсутствия боеприпасов и плохо организованного взаимодействия с частями, наступающими с востока... Личный состав получал по 30-40 граммов сухарей в день, раненые – по 70-80 граммов на человека. Единственный продукт питания – конина. Однако из-за вражеской авиации нельзя было разводить костры, и конину ели в сыром виде, без соли. Истощение. Смертность в частях, особенно в госпиталях и среди гражданского населения.

С 20 по 29 июня вышло из окружения 3,5-4 тысячи человек, из боевых частей – 2 500. Осталось приблизительно 32 тысячи. Всего на 20 июня 1942 года армия имела 40 тысяч человек. Отошедшие части 52-й и 59-й армий после закрытия прохода составили 12-15 тысяч человек, а всего на довольствии было 50-55 тысяч.

Причинами гибели армии считаю:

1) отсутствие боеприпасов, голод, в силу чего армия, несмотря на исключительный героизм и самоотверженность всего личного состава, не смогла сдержать натиск превосходящих сил противника, дав ему возможность до предела сжать кольцо;

2) отсутствие помощи с востока;

3) для изучения гибели армии и установления виновных считаю необходимым назначить правительственную комиссию».

Из доклада полковника Кресика на Военном Совете Волховского фронта 5 июля 1942 г. ЦАМО. Ф. 204. Оп. 4108. Д. 7⁴¹.

«28 июня Гитлеру было доложено о победном завершении Волховского сражения. В донесении сообщалось о 32 759 наших солдатах, взятых в плен⁴²».

Какие же потери понесли наши войска в Любанской операции?

⁴⁰ Военный совет.

⁴¹ Иванова И.А. От составителя//Трагедия Мясного Бора. Сб. воспоминаний участников и очевидцев Любанской операции. СПб., 2001. С.16-17. (Авт.).

⁴² Там же. С. 18. (Авт.).

ЛЮДСКИЕ ПОТЕРИ В БОЯХ⁴³:

Операция, срок проведения и привлекаемые силы	Численность войск к началу операции	Потери			
		безвозвратные	санитарные	всего	среднесуточные
Любанская наступательная операция (7.01-20.04. 42 г.). Волховский фронт, 54-я армия Ленинградского фронта	325 700	95 064	213 303	308 387	2 705
Операция по выводу из окружения 2-й Ударной армии Волховского фронта (13.05.-10.07.42 г.). 2-я Ударная армия, 52-я и 59-я армии Волховского фронта	231 900	54 774	39 977	94 751	1 606
Всего:	149 838	253 280		403 118	

Навстречу 2-й Ударной армии в направлении на Любань наступала 54-я армия Ленинградского фронта. Она также являлась участником Любанской наступательной операции (7 января – 20 апреля 1942 года.). Армия продвинулась в этих боях на 25 километров. На маленькой станции Погостье весной 1942 года она обнаружила штабеля убитых за осень и зиму советских солдат.

«У самой земли лежали солдаты в летнем обмундировании, в гимнастёрках и ботинках, на них громоздились морские пехотинцы в бушлатах и широких брюках-клешах. Выше – сибиряки в полушубках и валенках, шедшие в атаку в январе-феврале 1942 года. Ещё выше – политбойцы⁴⁴ в ватниках и тряпичных шапках, выданных в блокадном Ленинграде...» (из статьи «Поруганные святыни»).

Бывший солдат Волховского фронта, а ныне профессор, хранитель нидерландской живописи Эрмитажа Н.Н. Никулин предлагает: «Заснять бы эту картину для истории и повесить в кабинетах сильных мира сего для назидания. Но, конечно, этого не сделали. Ответственность за беспреце-

⁴³ Гриф секретности снят. Потери Вооружённых сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Стат. исслед. М., 1993. С. 224-225, табл.75. (Авт.).

⁴⁴ Взводный пропагандист.

дентные потери принято относить за счёт неприятеля, а высокопоставленные руководители зачастую бывали награждены и повышены в чине⁴⁵».

Каковы же итоговые потери противоборствующих сторон? Смотрим документы:

«Согласно докладу НШ⁴⁶ 2-й Ударной армии полковника Виноградова шифровкой от 21.06.42 численность и боевой состав 2-й Ударной армии по состоянию на 21.06.42 г. был: людей – 23 401.

Примечание: В сведения не включены 19-я Гвардейская стрелковая дивизия, 92-я стрелковая дивизия и 31-й Гвардейский миномётный полк»⁴⁷.

«По состоянию на 29.06.42. за реку Волхов было выведено 3 087 человек, в том числе из 305-й стрелковой дивизии – 56 человек.

Выведено 22.06.42 здоровых – 682 человека.

Выведено 29.06.42 здоровых – 3 087 человек.

Выведено раненых и больных – 9 462 человек (около 45%)⁴⁸».

«С начала вывода войск 2-й Ударной армии на основной оборонительный рубеж и до 26 июня 1942 года противник потерял перед фронтом 2-й Ударной армии не менее 30 000 солдат и офицеров. Уничтожено и подбито около 50 танков и сбито 20 самолётов. Войсками 59-й и 52-й армий были разгромлены части 1-й пехотной дивизии, подразделения 58-й пехотной дивизии и 505-й санбатальон.

Всего противник потерял убитыми и ранеными солдат и офицеров около 45 000, подбито и уничтожено около 60 танков и сбито свыше 20 самолётов⁴⁹.»

Вспоминая пережитое и размышляя над всем вышеизложенным, я пришёл к мысли, что самое главное моё желание в жизни выражено поэтом Александром Твардовским:

И памятью той, вероятно,
Душа моя будет больна,
Покамест бедой невозвратной
Не станет для мира война⁵⁰.

⁴⁵ Голованова Н. По другую сторону трагедии. К 55-летию полного снятия блокады Ленинграда//Невское время, 1999. (Авт.).

⁴⁶ Начальник штаба.

⁴⁷ Доклад о проведении операции по выводу 2-й Ударной армии из окружения (24.05.42 – 26.06.42). С. 20. (Авт.).

⁴⁸ Там же. С. 21. (Авт.).

⁴⁹ Там же. С. 23. (Авт.).

⁵⁰ Последнее четверостишие из стихотворения «Жестокая память» (1951). Приведено в качестве эпиграфа в книге И.А. Ивановой «Трагедия Мясного Бора» (СПб., Политехника, 2001).

ОБ ОТНОШЕНИИ К ПЛЕННЫМ И СЕМЬЯМ БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИХ

На что могут рассчитывать идущие в атаку воины? 20% из них будет убито; 60% будет ранено; ещё 20% останется в строю невредимыми (незначительные ранения-царапины не в счёт), кое-кто, возможно, попадёт в плен. Эта закономерность установлена не только мною, но и многими другими, и проверена боевой практикой. Разумеется, могут быть отклонения в ту или иную сторону. Скажем, более ожесточённому сражению будет соответствовать более высокий процент убитых. Для окружённых воинских соединений увеличится процент пленённых. Однако, в основном, вышеприведённое соотношение останется неизменным. Читая уже в наше время в печати сводки о потерях в Чечне, я убедился в правильности этой закономерности. Причём действует она не только по отношению к крупным воинским соединениям, но и к небольшим.

Коль скоро такой закон войны имеет место, то для каждой из категорий участников боевых действий должны быть и соответствующие действия государства: погибших – с почестями похоронить, раненых – госпитализировать, лечить, кормить надлежащим образом и всячески облегчать их страдания. А 20% бойцов, оставшиеся в строю, – это уже опытные воины, которые будут своим примером активно влиять на молодое пополнение в обучении его боевому мастерству. Эти 20% бойцов уже труднее будет вывести из строя в предстоящих сражениях, они будут выполнять наиболее опасные боевые операции, обучая молодых бойцов примером своих действий и, как правило, они остаются в строю и после участия в последующих боях. Наличие этих 20%, оставшихся в строю, может привести к заключению, что в пехоте 80% солдат – всегда новенькие. На самом же деле воинская часть после каждого серьёзного боя обновляется, примерно, на 40%. Ведь некоторая часть раненых после излечения может продолжить службу. Какая-то часть раненых и даже здоровых может попасть в плен и, как правило, не по своей воле.

Ни одна из войн не обходится без жертв, значительную часть которых составляют военнопленные. Но только СССР объявил, что у него нет пленных военнослужащих, а есть изменники Родины. И.В. Сталин считал, что даже тяжело раненный боец должен перегрызть горло врагу – солдату противника – и потом уже умереть, тем самым приблизить нашу победу, а кто всё же очутился в плену, тот – изменник Родины. Такой изуверский вывод сделал Сталин, которого всеобщая хвала наделила величайшими

положительными качествами в превосходной степени, которые трудно представить трезвомыслящему человеку.

Из опыта многих поколений известно, что наиболее жестокие люди в условиях, когда угроза их личной жизни становится реальностью, теряют самообладание, раскисают, превращаются в слизняков.

Однако плен плену рознь. Если военнослужащий добровольно, сознательно или по трусости перешёл на сторону врага с целью сдаться в плен и тем самым сохранить свою жизнь – это измена. Такой плен всегда считается позором. Если же военнослужащий пленён не по своей воле, а, допустим, был ранен и тем лишён способности к сопротивлению, или когда сопротивление из-за сложившейся ситуации оказывается совершенно нецелесообразным, то такой пленный заслуживает снисхождения, всяческой поддержки и внимания.

В первые два года войны упорное сопротивление наших войск привело к тому, что немецкий план молниеносной войны (блицкриг), составлявший стержень вражеской стратегии, рухнул. Но наши сражения на своей территории обошлись нам очень и очень дорого. Враг оккупировал Украину, Белоруссию, Молдавию, подошёл к Москве и Сталинграду, окружил Ленинград. Громадными были и территориальные, и материальные потери. Велики были человеческие жертвы не только среди гражданского населения, но и среди непосредственно сражавшихся бойцов. Значительную их часть составляли пленные.

По данным трудов западногерманских учёных, из 5 миллионов 700 тысяч советских военнопленных к 1 мая 1944 года умерли, замученные голодом и террором, 2 миллиона 250 тысяч; 1 миллион человек убиты при попытке к бегству или переданы в гестапо для ликвидации.

Советская сторона на Нюрнбергском процессе представила доклад одного из ближайших помощников Геринга, в котором сказано: за первые полгода войны захвачено 3,9 миллиона советских пленных, из которых к началу 1942 года осталось в живых 1,1 миллиона⁵¹.

Вот эти 3,9 миллиона пленных и были причиной провала блицкрига. Именно воины 1941 и 1942 годов заложили в фундамент нашей победы краеугольные камни.

«При царе Алексее Михайловиче, – пишет А.И. Солженицын, – за полное терпение давали дворянство! Выменять своих пленных, обласкать их и обогреть была задача общества во все последующие войны. Каждый

⁵¹ Белое и чёрное//Известия. 1988, 5 февраля. (Авт.).

побег из плена прославлялся как высочайшее геройство⁵². Всю первую мировую войну в России вёлся сбор средств на помощь нашим пленникам, и наши сёстры милосердия допускались в Германию к нашим пленным, и каждый номер газеты напоминал читателям, что их соотечественники томятся в злом плену. Все западные народы делали то же и в эту войну: посылки, письма, все виды поддержки свободно лились через нейтральные страны. Западные правительства начисляли своим воинам, попавшим в плен, и выслугу лет, и очередные чины, и даже зарплату. Только воин единственной в мире Красной армии не сдаётся в плен! – так записано в уставе... Есть война, есть смерть, а плена нет!

Если вернёшься из плена живым, то мы тебя будем судить. Не умер от немецкой пули – умрёшь от советской. Кому от чужих, а нам от своих»⁵³.

Но такое отношение к пленным стало лишь при Сталине. Ни о какой презумпции невиновности нет и речи. Если попал в плен или пропал без вести, то считался изменником Родины со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Однако ещё в 1918 году отношение к пленным было иное. В мае 1918 года в постановлении Совета Народных Комиссаров, подписанном Лениным, было сказано: «Главная задача Русского Красного Креста есть помощь военнопленным». И Красный Крест должен приложить к этому делу «всю энергию и все имеющиеся в его распоряжении средства».

В подписанной В.И. Лениным листовке «Товарищам, томящимся в плену» он вспоминает добрым словом и солдат, возвратившихся из японского плена. В 1918 году V Всероссийский съезд Советов послал военнопленным обращение, в котором, в частности, говорилось: «... съезд шлёт горячий привет нашим пленным, томящимся на чужбине, и с нетерпением ждёт возвращения братьев-солдат... Советская власть обязана и при самых трудных условиях сделать всё возможное для обеспечения братьев-военнопленных... Съезд постановляет послать двадцать пять миллионов рублей специально для организации на месте помощи нашим братьям».

⁵² В 1892 году в г. Белозерске [Новгородской губернии. – В.Д.], проездом из С.-Петербурга на родину в Симбирскую губернию умер старейший солдат русской армии, отставной фейерверкер лейб-гвардии конно-артиллерийской бригады Василий Николаевич Кочетков. Ему было 107 лет, свыше 60 из которых он провёл на действительной военной службе. Тяжело раненный в сражении при ауле Дарго, он был взят в плен чеченцами. Пробыв в неволе 9 месяцев и 23 дня, Кочетков бежал, за что был награждён знаком отличия военного ордена 4 степени. («Новгородские губернские ведомости» № 35, от 29 августа 1892 г.).

⁵³ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1. М., 1990. С. 173. (Авт.).

В гражданскую войну Красная Армия следовала духу этого обращения. Красноармейцы, захваченные белыми в плен, после освобождения или побега тут же без всяких сложностей становились в строй»⁵⁴.

Со временем отношение к пленным и пропавшим без вести изменилось с точностью до наоборот, превратив их из героев в изменников.

А.И. Солженицын, оценивая отношение Родины к пленённым в годы Великой Отечественной войны соотечественникам, писал:

«...Родина изменила им и притом трижды.

Первый раз бездарно она предала их на поле сражения – когда правительство, излюбленное Родиной, сделало всё, что могло, для проигрыша войны: уничтожило линии укреплений, поставило авиацию под разгром, разобрало танки и артиллерию, лишило толковых генералов и запретило армиям сопротивляться. Военнопленные – это и были именно те, чьими телами был принят удар и остановлен вермахт.

Второй раз бессердечно предала их Родина, покидая подохнуть в плену.

И теперь третий раз бессовестно она их предала, заманив материнской любовью («Родина простила! Родина зовёт!») и накинув удавку уже на границе.

Какая же многомиллионная подлость предать своих воинов и объявить их же предателями?!»⁵⁵

Во время финской войны был первый опыт в истории человечества: судили наших сдавшихся пленников как изменников Родины⁵⁶. Период пребывания в плену не засчитывался в стаж службы в армии, а значит, и в общий трудовой стаж. Семьи военнопленных и пропавших без вести лишались, в основном, материальной и моральной поддержки со стороны государства. Но ведь ни один идущий в бой не гарантирован от плена. Получается тупиковая ситуация.

Теперь о последнем долге перед павшими. Как проходят захоронения останков воинов 2-й Ударной армии, погибших в жестоких боях за Родину? «Энтузиасты общественной организации «Долина» вместе с добровольными помощниками из более чем сорока городов страны за последние восемь лет обнаружили и предали земле более 32 тысяч⁵⁷ погибших солдат, установили по сохранившимся медальонам и другим подлинным свидетельствам сотни имён без вести пропавших. Но специалисты счита-

⁵⁴ Белое и чёрное//Известия. 1988, 5 февраля. (Авт.).

⁵⁵ Солженицын А.И. Указ. соч. С. 173. (Авт.).

⁵⁶ Там же. С. 64. (Авт.).

⁵⁷ По данным на конец 2010 г., преданы земле останки почти 99000 советских солдат, установлены имена более чем 17000 погибших («Новгород», 16.12.2010 г.).

ют, что на территории Новгородской области во время Великой Отечественной войны погибло свыше 800 тысяч человек. По данным же облвоенкомата, официально захоронено 510 000. Причём из этого числа известны имена только 200 тысяч защитников Отечества.

Другими словами, если в таком темпе продолжать поиски и захоронения, то «Долине» потребуется не менее 100 лет, чтобы выполнить долг перед павшими и их родственниками, который наша страна по всем общепринятым человеческим законам и нормам морали должна была исполнить ещё 50 лет назад.

Надо, наверное, сказать и о том, что строительство высокоскоростной магистрали Санкт-Петербург – Москва как раз и проходит по местам бывших боев 2-й Ударной. Предстоящей осенью только по Новгородской области будет вырублено лесов и засыпано болот по просеке длиной в 60 километров. Придёт мощная техника: бульдозеры, экскаваторы, скреперы, всё перелопатят, всё сгребут, всё перемешают и заруют. Надо спешить»⁵⁸.

Государство и церковь до недавнего времени не принимали активного участия в этих захоронениях, ограничиваясь лишь представительскими функциями.

Обо всех, кого не находили среди убитых или раненых, сообщали через военкоматы, что они пропали без вести. Вот типичная судьба одной из семей, глава которой пропал без вести, поведанная Ниной Афанасьевной Петровой, дочерью А.Я. Черепанова, воина 2-й Ударной армии.

«В списках без вести пропавших числился ветинструктор 259-й стрелковой дивизии 2-й Ударной армии Афанасий Яковлевич Черепанов, 1905 года рождения. Девяти лет он остался сиротой, так как его отец погиб в 1 мировую войну на Германском фронте в 1914 году. Женился он тоже на сироте, семейную жизнь молодые начали в коммуне. В 1930 году вступили в колхоз «Ключ Ленина» в родном селе Сеницком Шадринского района Курганской области. В колхозе труд его членов учитывался в трудоднях, на которые кроме зерноотходов ничего не выдавали, денег тоже не выплачивали. В магазине колхозникам хлеб не продавали. Семья голодала, и, когда она совсем ослабла, Афанасий Яковлевич решил её увезти от гибели, куда глаза глядели.

Ночью, 18 апреля 1937 года, без документов, с тремя рублями в кармане, бросив дом и всё что в нём было, ушли на станцию и сели в поезд, идущий в сторону Свердловска⁵⁹. Высадились на станции Хризолитово и

⁵⁸ Новгородские болота раскрывают правду о 2-й армии//Известия. 1996, 20 марта. (Авт.).

⁵⁹ Ныне Екатеринбург.

пришли в деревню Рассоха. Там был совхоз и доброй души человек – директор совхоза. Семью Черепановых пожалели, не прогнали. Поселили в летний небольшой домик, дали работу и небольшой денежный аванс.

Народ в совхозе оказался хорошим, коренного населения не было, а были семьи раскулаченных крестьян. В магазине хлеб и продукты продавались свободно. Вскоре удалось оформить временные документы, главу семьи, А.Я. Черепанова, перевели из разнорабочих в ветеринары и дали комнату в бараке. Жизнь постепенно налаживалась.

9 августа 1941 года А.Я. Черепанова призвали в армию. Его жена Мария Петровна осталась одна с тремя несовершеннолетними детьми, из которых младшей было всего четыре годика.

В 1942 году совхоз передали машиностроительному заводу имени Калинина. Ослабевших рабочих завода стали привозить в деревню Рассоха на поправку. Расселяли их по квартирам. В комнату Черепановых тоже подселили семью москвичей из трёх человек с грудным ребёнком. Их продовольственный паёк был очень скудный.

На совхозном поле под снегом лежал в кучах замёрзший турнепс, который, как урожай, считался потерянным, и всё равно брать его было запрещено. Вот за этим-то турнепсом, уже не годным на корм скоту, ходили в сумерках, крадучись от начальства, жители деревни.

Все жили трудно: голодали, занимались непосильным трудом. Сама Мария Петровна работала от темна до темна. Старшей дочери пришлось бросить школу и возиться с младшей больной сестрёнкой. Обиды ни на кого не было, все жили одинаково. Все ждали писем с фронта. Надеялись, что с окончанием войны закончатся и их беды и невзгоды.

И только тогда, когда вернулись домой все фронтовики, а отец не вернулся, Черепановы поняли, что все их беды ещё впереди: они обречены на сиротскую жизнь и никому не нужны. Помощи ждать неоткуда. Таких семей в деревне Рассоха было много, домой не вернулось 60 кормильцев.

Семьи без вести пропавших в боях никогда не были под защитой государства, никакой помощи и поддержки не получали. В деревне была только начальная школа (4-х годичная), после окончания которой в школу ходили за шесть километров пешком. В 1946 году проучились только один месяц, и у них изъяли хлебные карточки и вскоре после окончания войны перестали выплачивать денежное пособие за отца.хлопоты директора школы за таких учеников, чтобы оставить хлебные карточки и пособие за погибшего отца, не дали результата. Когда дети уходили из школы, вместе с ними плакали и учителя. Для большинства на этом образование закончилось.

Все эти дети – безотцовщина, стали разнорабочими совхоза. Трудились вместе с военнопленными немцами. На территории деревни располагался лагерь для военнопленных. Подростки, дети убитых воинов, пропавших без вести на фронте – в одной упряжке с военнопленными немцами. Только военнопленных кормили три раза в день, они были тепло одеты и спали в чистых тёплых постелях, а дети погибших воинов голодали и погибали в холодных бараках.»⁶⁰

...У меня до сих пор свежа в памяти первая встреча с ветеранами 305-й стрелковой дивизии в городе Дмитрове Московской области, среди которых были и бывшие пленные. Их глаза выражали смертельную боль и обиду не на Родину, а на военных чиновников и правительство нашей страны, которые сделали всё, чтобы опорочить их воинскую доблесть при защите своего отечества и усугубить положение их семей в труднейшее военное и послевоенное время. Такие же боль и страдания причиняются детям и родственникам тех защитников нашей Родины, которые не пощадили свои жизни в боях с врагом, и их останки не погребены до сих пор и покоятся там, где они погибли, защищая будущее своих детей и будущих поколений.

Вдоль шоссе Великий Новгород – Санкт-Петербург в районе деревни Мясной Бор, что в 30–35 километрах от Новгорода, находятся братские могилы воинов, которые погибли в июньских боях 1942 года, пытаясь пробить «коридор» для выхода из окружения остатков 2-й Ударной армии и в январских боях 1944 года при освобождении города Новгорода. Имена этих воинов выбиты на могильных плитах.

Энтузиасты-следопыты собирают останки воинов 2-й Ударной армии, погибших в этих местах в 1942 году, и хоронят их в этих братских могилах, о чём делают приписку на надгробных плитах, что здесь же покоятся ещё столько-то тысяч человек. Эти безымянные тысячи воинов и есть бойцы 2-й Ударной армии, до конца выполнившие свой долг перед Родиной, отстаивая её честь и независимость, спасая весь мир от фашизма. Это они числятся в наших военкоматах без вести пропавшими. Со всеми вытекающими последствиями для их семей.

На северо-восточной окраине деревни Малое Замощье у высокого одиночного дерева находится братская могила наших воинов, в которой покоятся безымянные останки 80 человек.

Именно здесь, где вела боевые действия наша 305-я стрелковая дивизия, ветераны и жители деревни вспоминали бои 1942 года во время встречи на новгородской земле в августе 1982 года.

⁶⁰ Безвестно павшие. Сб.//Екатеринбург, 1999. Кн. 2. С. 33-37. (Авт.).

Коль скоро полковые кладбища нашей дивизии, которые были в районе Мясного Бора до нашего окружения, не сохранились, мы на свои средства изготовили мраморную плиту в память о воинах 305-й дивизии и установили её среди других захоронений вдоль шоссе.

В конце августа или начале сентября 1942 года, когда я командовал 5 батареей 608-го артополка 165-й стрелковой дивизии, до меня дошёл слух о том, что все воины 2-й Ударной армии и тех соединений и подразделений, которые были ей переподчинены в окружении, объявлены изменниками Родины.

Я был в шоке от такого надругательства над павшими и попавшими в плен, которые в смертельной схватке до последнего патрона дрались за нашу победу; сковали своими действиями 10 полнокровных фашистских дивизий и тем самым предотвратили падение Ленинграда, нанесли невосполнимый урон живой силе и технике врага. Несколько дивизий противника были переброшены даже с южных фронтов, что облегчило положение наших армий на тех направлениях.

В условиях, когда бой длился и ночью, и днём, неделями и месяцами людьми измождёнными, опухшими от голода, с частыми голодными обмороками, порой заканчивавшимися смертью; когда непрерывно грохотали разрывы бомб и артиллерийских снарядов, а окружающее пространство со всех сторон простреливалось стрелковым оружием врага, когда для уцелевших в боях не оставалось никаких шансов на выживание, эти люди находили в себе силы идти в контратаки и атаки, предпочитая гибель жизни в плену.

Это были действительно самопожертвование и отвага в самом высоком смысле этих слов. Такого массового героизма наших солдат, свидетелем которого мне довелось быть в первом полугодии 1942 года под Новгородом, я больше нигде не видел. Правда, и попадать в такие экстремальные условия мне больше не приходилось, хотя воевал я до 9 мая 1945 года.

Размышляя над боями с января (и особенно с марта) по июнь 1942 года, я прихожу к выводу, что стойкость и отвага солдат, свидетелем которой я был, – это главная отличительная черта всех россиян, и потому победить, а тем более покорить их никто и никогда не сможет. И это великое качество, заложенное в наших генах, нужно всячески оберегать и сохранять.

Ложь, придуманную Геббельсом, о сдаче Власовым армии, ложь, которую подхватил Сталин, чтобы снять с себя вину за всю Любанскую операцию, нужно развеять в прах. Этого требуют души всех погибших и умерших воинов тех боёв.

На этом я заканчиваю свои воспоминания. Если они вызвали у вас интерес, я буду этому рад. Если вы пожелаете убедиться в правдивости моего изложения хода Любанской операции, то поезжайте в Великий Новгород ко дню Победы, послушайте ветеранов, участников описанных мною событий, поговорите с поисковиками, собирающими останки героев тех сражений и посетите захоронения этих верных сынов нашей Родины. Тогда вы скажете вместе со мной:

– Да, армию сдать нельзя, армии не сдаются!

2004 г.,
г. Екатеринбург.

Курсант 2-го Ленинградского Краснознамённого артиллерийского училища Добров Александр. 1940 г.

2. Служебное положение

Наименование штат. должности и последующие перемены	Число и мес.	Год и прик.	Военное зван.
1	2	3	4
Командир взвода 5-й батареи 830 артиллерийского полка	25.7.41г.	Прик. № 1	Лейтенант
Командир 5-й батареи 830-го АП	10 февраля 1942 г.	Прик. № 20	Старший лейтенант

Две страницы из удостоверения личности Доброва А.С.

На второй странице:

«Командир взвода 5-й батареи 830 артиллерийского полка, 25.7.41 г., приказ № 1, лейтенант. Командир 5-й батареи 830-го АП, 10 февраля 1942 г., приказ № 20, старший лейтенант».

Командир взвода управления
120-миллиметровой миномётной
батареи 1002-го стрелкового
полка,
старший лейтенант
Залгаллер Леонид Абрамович.
1940 г.

Командир 3-го батальона 1002-го
стрелкового полка
Нарейкин Михаил Трофимович.

Мы пройдем, товарищи!

Песня бойцов командира тов. Барабанщикова
и комиссара тов. Айзенштата
305 стрелковой дивизии

Сквозь леса осенние
Шли подразделения,
Эхо повторяло
Песню вдалеке.
Сквозь болота топкие
Шли ребята ловкие
К Новгороду древнему,
К Волхову-реке.

На страну могучую
Враг нахлынул тучею,
И тогда дала нам
Родина наказ—
На войне быть смелыми,
Сильными, умелыми.
Умереть, но выполнить
Боевой приказ.

В небе вились коршуны,
Хлеб в полях не скошенный,
Седоволосый, гордый
Новгород пылал,
Стаей соколиною,
Грозною лавиною
На борьбу и подвиг
Сталин нас послал.

Натиском стремительным
И огнем губительным
Мы в те дни фашистам
Преградили путь.
Сердце наше гордое,
Воля наша твердая,
Нет на свете силы,
Чтобы нас согнуть.

Под Хутынью каменной
Зверем выл враг раненый,
Доло не забудет
Схватку за Посад.
Пули наши меткие
И удары крепкие,
Вражьи кости в поле
На ветру лежат.

В Горке и Лебявину
Бились мы отчаянно,
Дали немцам жару
И под Теремцом.
На полях не скошенных,
Снегом запорошенных
Истребляли гадов
Сталью и свинцом.

По земле метелица
Белым следом стелется,
Сыплет на фашистов
Пулеметный град.
Бьем врагов без промаха,
Гойм их без отдыха,
Крепко мстим за Новгород
И за Ленинград.

Через дым пожарища
Мы пройдем, товарищи!
Пронесем, как знамя,
Родины наказ,
Пусть страна-красавица
В нас не сомневается—
Будет с честью выполнен
Сталина приказ

Бор. ОРЛОВ.

*На память Наечке и Линочке
от папы! В.Я. Зайцев
1941-1942. 30.4.*

Стихотворение Б. Орлова из дивизионной газеты «Победа за нами»
Подпись внизу: «На память Наечке и Линочке от папы! 1941-1942 г.
В.Я. Зайцев(?). 30 апреля».

Справа командир
1002-го стрелкового
полка майор
Смирнов Арсений
Иванович.
1942 г.

СИБИРСКИЙ ВОЕННЫЙ ОКРУГ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ РАЙОННЫЙ ВОЕННЫЙ КОМИССАРИАТ
г. Новосибирск
часть Финанс
31 мая 1946 г.
№ 3105-ф
г. Новосибирск
Сибирского военного округа
Телеграфный адрес: Похоронен с отдачей воинских почестей

Покидова-Смирновой Зое Ивановне
Форма 5/БП

ИЗВЕЩЕНИЕ

Ваш муж Подполковник Смирнов
Арсений Иванович

в бою за Социалистическую Родину, верной воинской присяге проявив героизм и мужество,
пропал без вести
погиб в июне 1942 г.

Похоронен с отдачей воинских почестей

Центральный Райвоенком
майор Адмслужбы
Начальник 2 части ст. л-нт Скорород (Скорород)
(Каргин)
зак. 1645

Извещение № 3105-ф от 31 мая 1946 г. Финансовой части Центрального районного военного комиссариата г. Новосибирска Сибирского военного округа, направленное Покидовой-Смирновой Зое Ивановне.
«Ваш муж подполковник Смирнов Арсений Иванович пропал без вести в июне 1942 г.
Центральный Райвоенком майор Адмслужбы Каргин.
Начальник 2 части ст. лейтенант Скороход».

Группа ветеранов и их родственников у мемориала «Огонь вечной славы».
Слева направо: Муравьев Борис Сергеевич, Манцетова Мария Филипповна,
Демидов Валерий Васильевич, Лебедева Екатерина Владимировна, Беляев Михаил Михайлович,
Мильман Александр Захарович, Богданов Николай Григорьевич, Пименова Мария Степановна,
Балицкий Николай Денисович, Белокуров Владимир Владимирович, Захаров Валентин Яковлевич,
Кудряшов Георгий Николаевич. Май 1980 г., Новгород, кремль.

Ветераны и их родственники у здания школы № 4, где в июле 1941 года формировалась 305-я стрелковая дивизия.
Г. Дмитров Московской области, 4 июля 1981 г.

На земле совхоза «Красный ударник» 17 августа 1982 г. В этом месте в январе 1942 года 305-я стрелковая дивизия форсировала Волхов.

Впереди слева сидит неизвестный. Остальные слева направо: Лебедева Е.В., неизвестный, Ликерман Е.Б. и Усевич Г.Б. (дочери писателя Б. Левина), журналистка Шапиро Иветта Юсифовна, Куткин С.Я., Малиновская М.И., Добров А.С., Энкин Д.З., Повереннова Надежда Григорьевна, неизвестный, неизвестный, Хоняк Алексей Николаевич, Полухин Константин Павлович, Демидов В.В., Мильман А.З.

Установка памятной плиты на обочине Ленинградского шоссе
в двух километрах севернее от деревни Мясной Бор.
17 августа 1982 г.

В первом ряду слева направо: Куткин Сергей Яковлевич,
за ним Боровков (с усами), Богданов Н.Г., Добров А.С.,
за ним видна часть лица Манцвевой М.Ф., неизвестный,
впереди наклонился Хоняк А.Н., Павлов Василий Андреевич, неизвестная,
за ней неизвестный, Златкин Илья Яковлевич, Усиевич Г.Б., жена Златкина,
Шапиро И.И., Ликерман Е.Б., Новиков Борис Васильевич.

В деревне Дóлгово Новгородского района. 17 августа 1982 г.
Слева направо: заведующая Большезамошской сельской библиотекой
Васильева Валентина Ефимовна, Мильман А.З.,
местная жительница Затевина Мария Васильевна.

На местах бывших сражений.
Слева направо:
Хоняк А.Н.,
жена Златкина,
Новиков Б.В.,
Златкин И.Я.,
Автономов Николай
Александрович
– заведующий
отделом культуры
Новгородского
райисполкома,
Энкин Д.З.
Правый берег
Волхова,
18 августа 1982 г.

Ветераны и их родственники у развалин Муравьевских казарм.
Новгородский район, 18 августа 1982 г.

На месте обороны 1000-го стрелкового полка.
Слева направо: Беляев М.М., Муравьев Б.С., Кудряшов Г.Н., на корточках сидит Мильман А.З., Захаров В.Я.,
Белокуров В.В., Манцетова М.Ф., Балицкий Н.Д.
У Муравьевских казарм Новгородского района,
18 августа 1982 г.

Ветераны и их родственники с караулом поста № 1. Новгород, кремль, 6 сентября 1986 г.

Участники встречи ветеранов и их родственники у входа в Музей-заповедник.

Слева направо: в 1-м ряду – Нарейкин М.Т.,
Зайцев Михаил Осипович, Цветкова Валентина Георгиевна,
Васина Капитолина Алексеевна, Николаевская Александра Алексеевна;
во 2-м ряду – Богданов Виктор Егорович, Манцветова М.Ф.,
Ершов Павел Васильевич, Куткин С. Я.;
в 3-м ряду – Павлова Вера Арсеньевна, Богданов Андрей Вячеславович,
Морозова Лилия Леонтьевна, Покидова Зоя Ивановна,
Масляев Александр Алексеевич, Ройтман Израэль Абрамович
(2-е формирование), Крепышев Иван Васильевич;
в 4-м ряду – Новиков Б.В., Мильман А.З., Левачёва Клавдия Ивановна;
в 5-м ряду – Демидов В. В., Повереннова Н. Г., Лебедева Е. В.,
Соловьёва Антонина Егоровна, Павлов В.А., Беляев М.М.;
в 6-м ряду – секретарь новгородского городского комитета КПСС
Измайлова Наталья Александровна, Муравьёв Б.С.
Новгород, 16 августа 1989 г.

После открытия нового памятника и церемонии торжественного захоронения останков воинов, найденных новгородской экспедицией «Долина». Мемориал у деревни Мясной Бор Новгородского района, 25 июня (день памяти 305-й стрелковой дивизии) 2005 г.

**П.В. Ершов,
бывший командир пулемётного взвода,
затем политрук пулемётной роты
1-го батальона 1004-го стрелкового полка**

ОТ СТАЛИНГРАДА ДО ШЕВЕЛЁВО

Этот свой рассказ я посвящаю товарищам-однополчанам, павшим в 1941 году в боях на новгородской земле. Пишу это для сына моего однокурсника по Военно-политическому училищу г. Сталинграда Демидова В.В., отец которого погиб при атаке на деревню Зарелье, что рядом с Хутыньским монастырём, утром 18 августа 1941 г.

13 марта 1941 года я с двумя своими товарищами по воинской части прибыл из-под Ленинграда для учёбы в Сталинградском военно-политическом училище. До прохождения медицинской комиссии каждый из будущих курсантов носил свою прежнюю военную форму и знаки различия. Я, например, был заместителем политрука артиллерии. Были среди нас кавалеристы, танкисты, пехотинцы...

Теперь я отчётливо вспомнил, что один из прибывших ходил в лётной форме с голубыми петлицами. У него было какое-то воинское звание младшего командного состава, и он впоследствии занимал среди курсантов должность то ли помощника командира взвода, то ли старшины. Предъявленная мне В.В. Демидовым фотография Демидова Василия Николаевича в форме лётного состава напомнила мне это обстоятельство.

Как только мы были зачислены в училище, то оделись в единообразную форму, сняли знаки различия и стали просто курсантами. Так началась наша учёба.

Погода в марте-апреле 1941 года в Сталинграде стояла жаркая, и из-за этого нам даже в выходные дни, свободные от дежурств и нарядов, ходить в город не хотелось. Спасались от зноя и духоты в прохладном здании училища. Оно было большим и светлым, с колоннами на улице. Над этими колоннами, приблизительно на уровне второго этажа, было нечто вроде балкона, с которого можно было наблюдать каждодневную жизнь горожан. Это и было одним из наших развлечений в дни напряжённой учёбы. Мимо нашего училища ходили трамваи к Тракторному заводу на «Балканы». Недалеко, в том же направлении был мост через овраг, а за

ним, располагался ставший знаменитым во время войны Мамаев курган. На нём мы часто проводили тактические занятия.

В воскресенье, 22 июня, наше училище должно было идти в поход. Мы проснулись рано утром по тревоге и вышли во двор. Построение почему-то задерживалось... Затем прибыл начальник училища и выступил перед курсантами с сообщением о начале войны.

Была дана команда разойтись по аудиториям. После этого нам объявили, что наша подготовка будет проходить по сжатой программе и, видимо, нам придётся заниматься не два года, как полагается, а меньший срок, так как этого требует обстановка. Начались интенсивные занятия с рассвета дотемна без отдыха. Так продолжалось недели две или три.

В один из июльских дней нам объявили, что пришёл приказ из Москвы, согласно которому весь наш курс в количестве 500 человек направляется в Москву для последующей отправки на фронт. В назначенное время нас погрузили в грузовые вагоны и повезли к Москве.

Вечером 22 июля 1941 года мы прибыли в Москву на Казанский вокзал. На вокзале нас встретил старший офицер из Главного политуправления РККА⁶¹ и сообщил, что всем нам присвоено звание «младший политрук» и мы можем носить соответственно форму и знаки различия. До утра мы должны были оставаться на вокзале. Проживавшим в Москве разрешили сходить к родственникам, а через два-три часа вернуться на вокзал для дальнейшего следования в Алёшинские казармы за назначением.

Не прошло и двух часов, как раздался сигнал воздушной тревоги. Фашистские самолёты первый раз бомбили Москву. Мы спустились в метро и находились там всю ночь, до окончания тревоги, и только утром поехали в Алёшинские казармы.

Днём, когда мы находились уже во дворе казарм, была одна воздушная тревога, но мы территории казарм не покинули. Где-то ближе к вечеру мы стали группами получать назначения в воинские части.

Группа из 25 человек, в которой оказался я, была направлена в г. Дмитров, Московской области. Мы сели в трамвай и поехали на Савёловский вокзал. Когда трамвай проезжал по Пушкинской улице вверх мимо Дома Союзов, вновь прозвучал сигнал воздушной тревоги. Трамвай остановился, но мы в бомбоубежище не пошли, а все остались в трамвае. Простояли всю ночь, пока не кончилась тревога и не было восстановлено движение. По прибытии на вокзал мы поездом доехали до Дмитрова, где должны были ждать, когда нас направят по подразделениям.

⁶¹ Рабочее-Крестьянская Красная Армия.

Через три-четыре дня стали прибывать солдаты, и нас назначили политруками рот. Началась военная подготовка подразделений, которая продолжалась числа до десятого августа.

В один из августовских дней мы получили приказ погрузиться в вагоны «грузовые» и отбыли на фронт. Примерно, 12-13 августа нас выгрузили на станции Кувшиново Осташковского района Калининской области. Там мы совершили марш-бросок в лес и вновь начали учёбу. Через день, 15 августа, поступил приказ вновь погрузиться в эшелон, и нас направили на станцию Крёстцы, в 85 километрах к юго-востоку от Новгорода.

Вечером 16 августа мы первыми из нашей 305-й стрелковой дивизии выгрузились в Крёстцах, сразу же пересели на автомашины и проехали километров 40-50 по направлению к Новгороду. Затем нас выгрузили у шоссе. Переночевав в лесу, мы на рассвете собрались в походную колонну и продолжили свой путь.

Солнечным утром 17 августа над одной из деревень нашего маршрута, названия которой не помню, неожиданно появились самолёты фашистов. Мы были обнаружены, но своевременно рассредоточились в прилегающем лесу. Это дало хороший результат: бомбовые удары и пулёмётные очереди немецких лётчиков не причинили нам никакого ущерба.

Поздно вечером наши батальоны подошли к кладбищу Новониколаевской колонии⁶², расположенной на правом берегу Вёлховца⁶³, напротив Ху́тынского монастыря и деревни За́релье. Обследовав всё кладбище и колонию (они были свободны от немцев, а население ушло в леса), мы подошли к разбитому мосту через Вёлховец и расположились на берегу у переправы. Немцы заметили наше расположение и, видимо, поняв наше намерение, открыли ураганный миномётный огонь.

Непривычные к такому огню бойцы стали отходить от реки. Пришлось останавливать их и личным примером указывать места сосредоточения для переправы. На рассвете началась переправа наших подразделений через Вёлховец к монастырю и деревне. В эту первую атаку я с взводом пулёмётчиков поддерживал её огнём с берега, из Новониколаевской колонии (таков был мне приказ).

Сражение длилось весь день. Противник подпускал наши подразделения близко и в упор их расстреливал. Наши бойцы ворвались, было, на окраину За́релья, но к исходу дня отошли ввиду явного превосходства противника, особенно в миномётном огне и автоматной стрельбе. У нас же никакой артиллерии не было, и бойцы шли в атаки с винтовками и пулёмётами.

⁶² Деревня, издавна заселённая немецкими колонистами.

⁶³ Правильно: Малого Вёлховца.

Также к вечеру первого дня стали отходить и от Ху́тынского монастыря те, кто остался жив. Раненые зывали о помощи, и только глубокой ночью утихло поле боя. Переправили раненых. Река, казалось, была наполнена не водой, а кровью наших солдат и командиров, павших в этот день в бою.

На третий день, 20 августа, я получил приказ идти на Ху́тынский монастырь вместе со стрелковыми ротами с правого фланга. В центре шёл второй батальон, а на Заре́лье должен был наступать третий батальон.

На рассвете мы перешли через Во́лховец и направились к левому флангу атаки на монастырь. Прошли по обочине дороги до Ху́тынского поля. Затем наш батальон развернулся вправо и стал подходить к монастырю. На расстоянии 150-200 метров до возвышенности, на которой находился монастырь, фашисты нас обнаружили и открыли интенсивный пулемётный, автоматный и оружейный огонь, прижав нас к земле. Перебежками вперёд нам удалось зайти в так называемую «мёртвую зону» у склона холма монастыря, и там противник без контратаки ничего не мог с нами сделать. Однако, быстро оценив создавшуюся обстановку, он открыл по нашим солдатам сильный миномётный и артиллерийский огонь. Мы вынуждены были зарыться в землю. Вскоре прилетели немецкие самолёты и стали нас расстреливать из пулемётов на бреющем полёте. Артиллерия же немцев перенесла свой огонь на подходивший от переправы 1002-й полк нашей дивизии, спешивший нам на помощь. В течение всего дня, до темноты, противник без передышки вёл огонь из всех видов оружия. А наша артиллерия молчала. Она, видимо, ещё не подошла.

Когда стемнело, я с пулемётом отделения и группой бойцов 1-й стрелковой роты во главе с Иваном Васильевичем Крепышевым стали отходить к насыпи дороги. Тут нас встретили перекрывшие отход по дороге фашисты и вынудили вернуться обратно на нейтральное поле. От берега реки нас отделял ещё залив, через который мы решили перебраться вплавь. Так мы с группой стрелков оказались на небольшом островке между нашими и фашистскими войсками. Малейший шорох вызывал огонь с немецкой стороны, а также и с нашей, из Новониколаевской колонии. Нам пришлось провести эту ночь не шевелясь, в воронках от снарядов и у копен скошенной ранее крестьянами травы.

На рассвете, ещё находясь на половине противника, мы поодиночке перебрались с островка к обрывистому берегу Во́лховца и там попрятались в ожидании удобного момента перехода к своим. Но только на третий день, когда наши переправившиеся ранее роты вновь стали переходить Во́лховец у переправы, мы смогли присоединиться к ним и вернуться через переправу в Новониколаевскую колонию.

Здесь мы нашли контуженого командира роты. Его сильно оглушило ночью в погребке разорвавшимся там снарядом. Однако командир меня узнал. Мы решили пойти в штаб полка, чтобы знать, как быть дальше. Но там оказалась уже другая часть, а наш полк был перемещён на оборонительный рубеж в район деревни Вóлотово. Об этом я узнал, связавшись по телефону с комиссаром полка Захаровым, который приказал нам на рассвете следующего дня прибыть в расположение полка.

Так закончились первые бои за Ху́тынский монастырь. В этих боях сложила головы большая часть политруков рот, командиров рот, командиров взводов и многие-многие бойцы, которые шли с винтовками на вооружённых до зубов фашистов. Ведь в то время у них было всё необходимое вооружение, а у нас, стрелков – винтовка, кое-где – ручные пулемёты и на каждую роту – по одному пулемётному взводу с тремя станковыми пулемётами. В подвижности мы также уступали немцам, а поэтому не могли маневрировать во время атак. Ведь, как известно, станковые пулемёты хороши в обороне, но в атаке они всё же тяжелы, и если противник обнаруживал наш пулемёт, близко подошедший к его передовым порядкам, он всё делал, чтобы подавить его, и чаще всего достигал успеха.

После атак на Ху́тын было очень тяжело переживать наши потери. Не стало с нами многих наших товарищей, с которыми мы ещё и познакомится-то как следует не успели. Только видели их боевой порыв и стремление к победе над врагом. Вечная им слава и честь!

Никто кроме нас, участников и очевидцев, не поймёт до конца того, что происходило на поле боя у Ху́тынского монастыря. Там остались лежать сотни наших бойцов, командиров, политработников. Да, поле от монастыря и Зарелья до Вóлховца с заливом было усеяно телами наших героев-бойцов. Вынести многих из них не было никакой возможности. Так они и стали без вести пропавшими, а на самом деле героически погибли в бою, ибо никто там в плен не попал, и только убитый мог оказаться у фашистов, поскольку всё это происходило на их стороне реки.

Переместившись по приказу командования на линию обороны в район деревни Вóлотово, наш полк не обрёл спокойной жизни. Напротив, это была активная оборона: наши солдаты непрерывно вели разведку огневых средств противника, не один раз ходили в разведку боем. Начала, наконец, проявлять активность наша артиллерия. Так, день за днём изматывая силы фашистов, мы готовились к новым наступательным боям.

В конце сентября, пополнив личный состав свежими силами, мы получили приказ оставить позиции у Новгорода и перебраться в район Мы́тно, где в стыке нашей дивизии и соседей справа противнику удалось перейти

реку Волхов и занять ряд населённых пунктов – Шевелёво, Оттенский монастырь, Посад, посёлок Первомайский и другие. Место нашей прежней обороны заняли переформированные части полковников И.Д. Черняховского, К.Ю. Андреева и других.

11 ноября 1941 года наш 1004 стрелковый полк пошёл в наступление на посёлок Первомайский и Посад. Посёлок был взят нами в первый же день боя. В Посаде же фашисты оказали упорное сопротивление. Подпуская нас вплотную к дзотам и другим огневым точкам, они сильным огнём не давали нам возможности овладеть селом. Хотя мы и неоднократно врывались в крайние дома Посада, но окончательно выбить фашистов из него нам не удавалось. На этом участке нас дважды поддерживали огнём «катюши», и авиация наша наносила бомбовые удары. 7 декабря был, наконец, взят Посад. За период боёв здесь погибло много наших боевых товарищей.

В тот же день наш батальон с ходу вышел к Оттенскому монастырю... Вот такой был решительный бросок нашего полка.

Бой за Шевелёво мы начали на рассвете 9 декабря, и 24 декабря наши подразделения освободили его и деревню Вылеги. Левее от нас 1002-й стрелковый полк отвоевал Дубровку, Змейско, Руссу. Таким образом, всё правобережье было очищено от фашистских войск. В этих боях я потерял многих своих боевых друзей: командира роты Чеботарёва, начальника разведки старшего лейтенанта Тertyшного, старшего лейтенанта Потехина, сержанта Дроздова и многих-многих других. Со слезами на глазах мы входили в освобождённые сёла и деревни, теряли своих товарищей, но конечная цель – победа – была ещё очень далека.

В бою за Шевелёво под деревней Вылеги меня тяжело ранило пулей в правую ногу. После ранения я девять месяцев пролежал в госпитале г. Омска и осенью 1942 года вновь прибыл в армию, уже под Москву, где готовили бойцов на фронт в запасные части. Затем меня перевели в отдельный зенитный артиллерийский дивизион при штабе Московской зенитной обороны.

В это время стало уже ясно, что в войне определился перелом в нашу пользу. В нестроевиках, в числе которых был и я, необходимости уже не было. Поэтому, когда через несколько месяцев весь политсостав дивизиона был направлен на Курсы усовершенствования командного состава (КУКС), то решением медицинской комиссии нас признали негодными для продолжения военной службы. Так в июле 1943 года я был демобилизован по состоянию здоровья.

В заключение подтверждаю, что Демидов Василий Николаевич, 1919 года рождения, пал смертью храбрых в бою за овладение деревней Зарелье, что рядом с Ху́тынским монастырём под Новгородом. Очень хотелось бы, чтобы в память о нём и всех воинах 305-й стрелковой дивизии, погибших там в 1941 году, был установлен памятник на кладбище бывшей Новониколаевской колонии. Вечная им слава!

*23 августа 1989 года,
г. Москва.*

ОБ ОТЦЕ

Мой отец, Демидов Василий Николаевич, родился 1 августа 1919 года в деревне Усвяты Великолукского уезда Псковской губернии. С 9 лет учился в великолукской школе-девятилетке, по окончании семи классов которой в 1935 году поступил в Великолукский железнодорожный техникум. В сентябре 1938 года, обучаясь на четвёртом курсе отделения вагонного хозяйства, он женился на однокурснице Анне Фёдоровне Шаклуновой и проживал вместе с нею в общежитии техникума. В марте 1939 года родился я. По окончании техникума, в августе того же года, согласно распределению молодая семья с полугодовалым сыном поехала работать на станцию Усяты Томской железной дороги (г. Прокопьевск Кемеровской области).

Оттуда 11 февраля 1940 года отца призвали в армию. Службу он проходил в г. Ачинске Красноярского края, более чем в четырёхстах километрах от Прокопьевска. Учитывая сложившиеся обстоятельства и сложные материально-бытовые условия жизни с малышом, мама приняла решение возвратиться к родителям в Великие Луки.

По-видимому, в начале второй декады марта 1940 года воинскую часть, в которой служил отец, направили на фронт советско-финской войны, начавшейся ещё 30 ноября 1939 года. Однако на пути к месту назначения пришло известие о замирении с финнами. Прибывших солдат стали распределять по другим воинским частям и военным учебным заведениям. Так отец стал курсантом Ёдровской (в то время Ленинградская область) школы младших авиационных специалистов (ШМАС). В марте 1941 года отца направили для обучения в Сталинградское военно-политическое училище. Вскоре мы с мамой прибыли туда же.

С началом войны курсантам училища объявили, что они будут обучаться по ускоренной программе и затем их ждёт фронт. В субботу 19 июля в числе 500 выпускников училища отец отбыл в Москву, затем в звании младшего политрука – в Дмитров Московской области, где формировалась 305-я стрелковая дивизия. Так он стал политруком 9-й роты 3-го батальона 1004 стрелкового полка этой дивизии. В первом же бою 18 августа 1941 года за деревню Зарелье возле Хутынского монастыря под Новгородом отец погиб. Но об этом я узнал лишь спустя 45 лет.

После отъезда отца из Сталинграда мама получила от него несколько писем. Последнее письмо, коротенькое, пришло в конце августа. В нём отец писал, в частности: «Умылся в реке, пришил подворотничок. Утром – бой».

Письмо и адрес на конверте были написаны карандашом. В обратном адресе мама прочитала: № полевой почты 954, 1001 стрелковый полк, 9 рота.

В начале сентября маму пригласили повесткой в районный военкомат. Военком стал расспрашивать её о муже, а затем вручил деньги по аттестату в необычно большой сумме – 1092 рубля 98 копеек. До тех пор мама получала 300-400 рублей.

Где-то в середине сентября маме пришло письмо от командира 9-й роты Николая Масляного. В письме из госпиталя он сообщал, что перед боем обменялся адресами с Василием на случай, если кто-нибудь останется жив, и писал, что выносил раненого Василия с поля боя под Крестцами. В какой-то момент раздался взрыв, и Николай очнулся только в госпитале. Что с Василием, он не знает. В конце письма Николай сообщил адрес Ольги Масляной в Кировоградской области и просил маму известить её о нём, когда область освободят от фашистов.

Через несколько дней маму снова вызвали в военкомат и сообщили, вручив соответствующую справку что её муж пропал без вести на фронте Великой Отечественной войны 22 августа 1941 года. Справка давала возможность оформлять пенсию на сына.

В 20-х числах августа 1942 года мы с мамой в экстремальных условиях эвакуировались из Сталинграда в г. Чкалов (ныне Оренбург). Там при возобновлении моего пенсионного дела пришлось затребовать из Народного комиссариата обороны справку об отце. В ней было указано, что Демидов В.Н. пропал без вести 22 августа 1942 (!) года. Что это? Описка? Или достоверный факт?

А вот что рассказывала мне мама значительно позже:

«Летом 1943 года на пути из дома на работу во время обеденного перерыва меня окликнул какой-то военный:

– Аня! Шаклунова!

Я остановилась и в невысоком шатене признала бывшего однокурсника по Великолукскому железнодорожному техникуму, Алексея Малышева. В нашем выпуске 1939 года был ещё один Алексей Малышев, но тот был высокий блондин.

– Лёшка! Откуда ты здесь?

– Да вот приехал долечиваться после ранения. Иду в госпиталь. А ты давно тут?

– С осени сорок второго.

– Ну и как вы тут живёте?

– Да ничего. С жильём устроились, брат Ваня – в армии, сестра учится в здешнем железнодорожном техникуме. Я работаю вот здесь, – и показала на вход через дорогу в Вагонно-колёсные мастерские.

– Понятно. Васька, как и положено, воюет?
– Да нет. Получила я в сентябре 1941 года извещение, что он пропал без вести.
– Быть этого не может! Я же видел его живым летом 1942 года.
– Как? Где?
– Да в эвакогоспитале, в Ленинграде, в больнице Мечникова. Меня, раненого, туда доставили и положили на носилках прямо в коридоре. А там толпится народ. Кого-то выкликают. Я лежу и слушаю. Вдруг кричат: «Политрук Демидов!» Я сразу же приподнялся, стал смотреть и увидел Ваську. Шёл он к двери в наброшенной на плечи шинели и с левой рукой на перевязи. Вышел из госпиталя и направился к машине. Я ждал, что вот-вот вызовут и меня. Затем машина уехала. Я спросил, куда пошла машина, но никто не мог ответить на мой вопрос. Мне осталось ждать своей очереди.

– А ты не мог ошибиться?
– Вот ещё! Что я, Ваську не знаю?».

Нужно ли говорить, что мама сразу после этой встречи послала запрос о судьбе мужа? Ведь рассказ А. Малышева в совокупности со всеми приведёнными выше фактами разжёт всё ещё теплившуюся надежду, что папа жив, что надо его искать. Не знаю, какими исходными данными руководствовалась мама в своих запросах, но, очевидно, не номером полевой почты, известным ей из последнего папиного письма. Во всяком случае, на такую мысль наталкивает один из ответов на её письма. Вот он:

«Н.К.О. Войсковая часть. Полевая почта 29089. 8 сентября 1943 г. № 459.

Гр-ке Демидовой А.Ф., г. Чкалов, Чернышевская ул., д. 63.

На Ваше письмо о розыске мужа Демидова Василия Николаевича сообщая, что в частях нашего фронта он не находится в настоящее время, а также не состоял и раньше.

Рекомендую обратиться с запросом по адресу: Полевая почта 72572, где, судя по Вашему письму, он мог находиться.

В запросе обязательно укажите: его адрес из последнего письма и когда оно получено, звание, год рождения.

Войсковая часть. Полевая почта 29089. Щенников.»

Следующий запрос был сделан 3 марта 1944 года, но, как и предыдущие и последующие, результата не дал.

Таким образом, мама располагала следующей информацией об отце: а) сражался под Крестцами Новгородской области и числится пропавшим без вести с 22 августа 1941 или 1942 годов; б) № полевой почты 954;

в) № роты 9, № полка 1001, № дивизии неизвестен; д) живым его видели летом 1942 года в эвакогоспитале больницы Мечникова в Ленинграде.

В Новгород я приехал в 1966 году по окончании Ленинградской орден Ленина государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова по классу композиции и стал работать преподавателем Новгородского областного музыкального училища. Из случайных разговоров с преподавателем начальной военной подготовки училища М.С. Грининым и бывшим работником горвоенкомата В.Д. Тумановым я твёрдо уяснил, что ни в Крестцах, ни под Крестцами никаких военных действий не было. Стало быть, Н.В. Масляный в своём письме либо ошибся, либо не полностью записала его рассказ медсестра госпиталя. Но почему он назвал именно Крестцы, а не какой-нибудь другой населённый пункт, было не понятно. Очевидно, что этот посёлок играл какую-то роль в судьбе Николая и, значит, моего отца.

В остальном набор сведений об отце, собранных мамой, остался неизменным. Вот с ним-то я и предстал перед однополчанами отца на первой их встрече в Новгороде в мае 1980 года. Однако теперь нужно рассказать, как я на них вышел.

В 1970-х годах в редакции газеты «Новгородская правда» заведовал отделом культуры журналист и поэт Пётр Иванович Сукнов. Кроме этого, он ведал перепиской редакции с ветеранами войны, которых в те поры было ещё довольно много. Был он человеком добрым, весёлым и отзывчивым. Когда мы с ним познакомились ближе, я рассказал, что не могу найти никаких следов отца. Пётр Иванович заинтересовался и спросил, какими исходными данными и документами я обладаю. Услышав мой ответ, он проявил интерес только к номеру полевой почты («Это уже кое-что!») и обещал посмотреть в картотеке редакции. Было это в 1978 году. Вскоре Пётр Иванович сообщил мне адрес проживавшего в Ленинграде А.З. Мильмана, добавив, что, возможно, он является однополчанином моего отца. Связавшись с Александром Захаровичем, я выяснил, что моего отца он не знал и вообще служил в другом, 1002-м, полку. Однако начавшаяся переписка и привела к встрече ветеранов в 1980 году.

На встрече после моего рассказа о поисках отца мне было сразу заявлено, что 1001-го полка в 305-й дивизии не было, но номер полевой почты совпадает. Значит, надо искать решение проблемы в архивах Министерства обороны. Таким образом, вопрос об отце остался открытым.

Однако однополчане всё же не сидели сложа руки. 8 мая 1981 года я получил от А.З. Мильмана письмо, начинавшееся следующими словами: «Дорогой Валерий Васильевич! Наши поиски и проверки убеждают

в том, что Ваш отец Демидов Василий Николаевич был политруком 9-й роты 3-го батальона 1004 го стрелкового полка 305-й стрелковой дивизии. По-видимому, на письмах отца «4» нечёткая была Вами воспринята как «1». Установлено, что полевая почта 954 была только у 305-й стрелковой дивизии, а 1001-й стрелковый полк входил в 279-ю стрелковую дивизию с полевой почтой 670.»

Тот же А.З. Мильман, спустя некоторое время сообщил, что откликнулся ещё один ветеран дивизии, служивший в ней с самого начала, москвич П.В. Ершов. Возможно, он сможет что-нибудь рассказать об отце. На очередной новгородской встрече однополчан, в 1982 году, я познакомился с ним. Выяснилось, что Павел Васильевич – однокурсник моего отца по Сталинградскому военно-политическому училищу. Он категорически утверждал, что, что отец не пропал без вести 22-го августа 1941 года, как сообщалось в документе, а погиб 18-го, и обещал в следующий раз показать место его гибели. Но на предъявленном мной снимке отца он его не признал, ссылаясь на плохое зрение.

«Следующий раз» случился в 1986 году, когда состоялась очередная встреча однополчан. В один из промежутков между мероприятиями, заранее договорившись с П.В. Ершовым, я и мама вместе с ним поехали на такси к Ху́тынскому монастырю. Проехали деревню Заре́лье, оставили машину и пошли на Ху́тынское поле. Павел Васильевич подробно рассказал, как располагались наши части во время боя, и показал, где находилась 9-я рота 1004-го стрелкового полка. Сомнений у меня не оставалось: папа погиб именно здесь и именно 18 августа. К тому же, в этот раз Павел Васильевич, разглядывая вновь предъявленную мной фотографию отца в форме лётного состава, сказал, что припоминает, что был такой курсант.

После отъезда П.В. Ершова моя мама, вдохновлённая поездкой к Ху́тынскому монастырю, решила навестить Павла Васильевича в Москве для обстоятельного разговора. Возвратилась в Новгород она в уверенности, что беседовала с однокурсником отца, знающим место его гибели.

Некоторое время спустя у меня возникла идея просить П.В. Ершова написать воспоминания, относящиеся к Сталинграду и 305-й стрелковой дивизии. Я полагал, что неторопливая работа над ними за письменным столом пробудит память ветерана и нам станут известны новые факты и фамилии героев. Павел Васильевич сразу отказался, ссылаясь на плохое зрение. Однако я надежды не терял, и при очередном телефонном разговоре мне удалось уговорить его. При этом он предупредил, что из-за проблем у него с глазами читать его рукопись будет трудно. Я успокоил Павла Васильевича обещанием, что разберусь, в необходимых случаях буду консультироваться с ним по телефону. Затем отредактирую текст, напечатаю

на машинке и вышлю ему для внесения исправлений и замечаний и вновь напечатаю в окончательном варианте.

В конце августа 1989 года П.В. Ершов закончил свои воспоминания и прислал мне. Дальнейшее будет понятно из следующего его письма:

«Здравствуйте, многоуважаемый Валерий Васильевич. Получил от Вас машинопись моих воспоминаний. Всё напечатано верно и хорошо. Никаких поправок не нужно. Если это копия, то пусть останется у меня, Вы напишите. Если она Вам нужна, то я её Вам вышлю.

1. Насчёт гибели Вашего папы 18 [августа] я не описался, так как я 18-го не ходил за Вóлховец, а оставался в Новониколаевской колонии, а все стрелковые роты ходили в атаку на Хúтынъ и Зáрелье, и я уже писал, что много не вернулось вечером обратно, в этом числе был и Ваш папа. Вы пишете, что Вам сообщили, что он пропал без вести 22 августа. Это вполне естественно, так как сообщали позднее, когда уже было ясно, кого нет вообще. 22 августа наш полк прекратил атаки на Хúтынъ и перешёл к Московскому шоссе в район деревень Вóлотова, Родионово, Шéндорф и занял там оборону.

В боях за Хúтынский монастырь и Зáрелье произошло такое, во что было очень тяжело поверить. Но это было. Ведь я тоже был там похоронен заживо, и на меня послали извещение, что я погиб. Но я и несколько человек остались живыми и не ранеными и три дня находились между фашистской передовой и нашей, за рекой. В этих же боях погибли командир нашего полка и командир 1-го батальона. Это то, что мне было известно, кроме других средних командиров и политработников.

В тех боях мы потеряли самых лучших бойцов, командиров отделений, взводов, рот и батальона. А также там остались многие политруки стрелковых рот. Этого никто не поймёт, кроме нас, участников и очевидцев этих боёв. В общем, страшные были бои.

Спустя три недели, на совещании в штабе полка, когда мы находились уже в обороне, нас, политруков, из 25 человек, выпускников Сталинградского военно-политического училища, осталось в живых не более 6-7. Остальные были уже из нового пополнения, и на этом совещании Вашего отца уже не было. Это точно.

2. Вы просите вспомнить фамилии, имена и факты. Очень трудно восстановить в памяти фамилии. Но одного близкого друга, с которым мы служили в одном полку и вместе ехали на учёбу в Сталинград, я помню хорошо. Москвич Алексей Звягинцев, адреса которого я не знаю, был очень весёлым парнем, часто шутил, любил пересказывать произведения Зоценко. Всё у него всегда получалось и притом хорошо. Так же, как и меня, Лёшку направили в 305-ю стрелковую дивизию. Мы вместе с ним про-

водили свободное время в Дмитрове в период её формирования. Он был назначен политруком зенитной батареи дивизии, и я в последний раз видел его на том самом совещании в штабе полка. Штаб находился в дубовой роще километрах в пяти от Синего моста по направлению к Крестцам.

3. Из сталинградской жизни мне запомнился случай приезда в училище артистов из Москвы. Это были М.И. Жаров и М.Г. Геловани. Они тогда снимали фильм «Оборона Царицына»⁶⁴ и провели творческую встречу с нами в конференц-зале, из которого был выход на балкон. Эта встреча мне хорошо запомнилась.

Ещё запомнился день, когда вскоре после начала войны мы провожали на фронт своего командира батальона. Проводы проходили в буфете училища, который располагался в подвальном помещении.

У меня была очень хорошая зрительная память, и, видимо, от этого я сейчас стал плохо видеть. Я перенёс четыре глазных операции. У меня глаукома обоих глаз, оперированная в 1984 и 1985 годах, кровоизлияние глазного дна правого глаза и катаракта – левого. Сейчас пишу и читаю в очках с помощью лупы. Вот, мой дорогой Валерий Васильевич, очень тяжело мне и обидно, что у меня такое зрение, да ещё и перебитые ноги тоже дают себя знать. Короче говоря, всё уже поизносилось и плохо восстанавливается.

Валерий Васильевич, если удастся ещё раз встретиться, то я расскажу ещё кое-что о том, как мы воевали под Новгородом в 1941 году.

Во время последней поездки в район деревни Посад я нашёл могилу сержанта своей роты Дроздова. Он похоронен в братской могиле на кладбище деревни Мытно, а погиб при взятии посёлка Первомайского. Также я хорошо знаю, что нет нигде могилы старшего лейтенанта Потехина, заместителя командира нашей роты, хотя я видел его убитым. Немцы раздели его до нижнего белья. И кто мог бы установить его фамилию? Никто. И он, конечно, числится без вести пропавшим. Удивляться этому не следует: такая была обстановка. Мы шли в бой с одним пистолетом, не было автоматов и не хватало даже винтовок. Так что мы знали много такого, чего никто не может представить и понять, тем более в наше время.

Валерий Васильевич, если будете в Москве, то обязательно заезжайте поговорить. У меня квартира трёхкомнатная, и мы – вдвоём. Так что не стесняйтесь.

Привет и доброе пожелание Вашей маме.

Большой привет от многих ветеранов 305-й стрелковой дивизии.

С уважением, П. Ершов.

14 января 1990 года, г. Москва».

⁶⁴ Фильм вышел на экраны в 1942 г.

В связи с предстоящим в 1975 году празднованием 30-летия победы советского народа в Великой Отечественной войне, Управлением культуры Новгородского областного исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся в 1974 году был объявлен областной конкурс музыкальных произведений. На него я представил песню «Сердце отца» для солиста в сопровождении фортепиано. Написана она была на слова неведомого мне В. Сёмкина, опубликованные в одном из предновогодних номеров оренбургской газеты «Южный Урал» за 1972 год. Вот они:

Я не помню совсем отца...
Только мне в его смерть не верится,
Неужели кусочек свинца
Весит больше солдатского сердца.
Где-то глухо гудела война,
Мать прикрыла меня в колыбели.
На заре однажды, в апреле,
Жутко вскрикнула тишина –
Похоронная...
Нет отца...
Только мне в его смерть не верится.
Что такое кусочек свинца
По сравнению с солдатским сердцем!
Память павших нам всем хранить.
Миллионы бессмертными стали.
Ты, отец, воплотись в гранит,
Возвышаешься на пьедестале.
Ты, отец, на своих руках
Вынес к солнцу родного сына...
Память павших хранить в веках
Никогда сердца не остынут.

Тема выразительного стихотворения оказалась созвучной моим представлениям об отце, считавшемся пропавшим без вести. Да и вырос я в семье, в которой четыре участника Великой Отечественной войны погибли на фронтах и составляли своего рода семейный культ. Именно поэтому мама и вырезала из газеты указанное стихотворение. А я, получив его в начале 1973 года, не думая ни о каком конкурсе, начал работать, приспособив стихотворение к условиям поставленной задачи – сочинить песню.

Авторский вариант стихов для неё не годился. Поскольку разыскать В. Сёмкина не представлялось возможным, то переделывать стихотворение приходилось без разрешения автора, на свой страх и риск. Прошло довольно много времени до того, когда стихотворение стало меня удовлетворять в качестве материала для песни и приобрело следующий вид:

Я не помню совсем отца...
Только мне в его смерть не верится.
Что такое кусочек свинца
По сравнению с солдатским сердцем! } *2 раза*

Чёрным смерчем неслась война.
Мать прикрыла меня в колыбели.
Похоронкой пришла к нам весна.
Птицы песен в тот день не пели.

Стал отцом я и сам давно,
Уж виски сединой припорошены.
Только память отца всё равно
В моё сердце стучит тревожно. } *2 раза*

Ты, отец, на своих руках
Вынес к солнцу родного сына...
Память павших в сыновних сердцах
Никогда, никогда не остынет! } *2 раза*

Музыка песни рождалась параллельно с работой над текстом. Поэтому сложилась довольно быстро. Решением жюри конкурса песне было присуждено первое место. Она была напечатана в газете «Новгородская правда», а затем издана отдельной листовкой.

*Февраль 2011 г.,
Великий Новгород.*

Памяти моего отца, Демидова Василия Николаевича,
политрука 9-й роты 1004-го стрелкового полка
305-й стрелковой дивизии, погибшего 18 августа 1941 года
в бою за деревню Зарелье под Ху́тыньским монастырем

СЕРДЦЕ ОТЦА

Слова В. Сёмкина и В. Демидова

Музыка В. Демидова

Голос *Сдержанно* $\text{♩} = 70$ *p*

Ф-но *Сдержанно* $\text{♩} = 70$ *p*

1. Я не по-мню сов-сем от-ца... Толь-ко

5

мне ве-го смерть не ве-рит-ся. Что та - ко - е ку - со - чек свин - ца По сра

Ossia $\text{♩} = 70$

По сра

нень - ю сол-дат-ским серд-цем! Что та - ко - е ку - со - чек свин - ца По сра

13

нень - ю сло - дат - ским серд - цем!

нень - ю сол - дат - ским серд - цем!

tr

2. Чёр-ным смер-чем не-

18

слась вой-на, Мать при-кры - ла ме-ня вко-лы - бе - ли. По-хо - рон-кой при-шла кнам ве

22

сна. Пти-цы не - сен в тот день не - не - ли.

pp

26 *rit.* Первый темп

Первый темп

31 *mf*

3. Стал от - цом я и сам дав - но. Уж вис - ки — се - ди - ной при - по - ро - ше - ны. Толь ко

35

па - мять от - ца всё рав - но Вмо - ё серд - це сту - чит тре - воз - но. Толь - ко

Ossia

Вмо-ё серд - це сту - чит тре - вож - но.

па-мять от-ца всё рав - но Вмо-ё серд - це сту - чит тре - вож - но.

44

4. Ты, о - тец, на сво - их ру-ках Вы-нес кослн - цу род-но - го

48

сы - на... Па-мять пав-ших всы-нов-них серд-цах Ни-ког - да, ни-ког-да не о-

Ossia

Ни - ког - да, ни - ког -
cresc.

сты - нет! Па - мять пав ших всы - нов - ных серд - цах Ни - ког - да, ни - ког

cresc.

56

да не о - сты - нет!

-да не о - сты - нет!

ff

**В.А. Павлов,
бывший комиссар 1000-го стрелкового полка,
полковник в отставке**

НА ПУТИ ВРАГА

Когда над Страной Советов нависла смертельная опасность и немецкие фашисты упорно рвались к Москве и Ленинграду, все, кто мог держать оружие, стали записываться в ополчение, просили направить добровольцами в действующую армию, на фронт. В это грозное время, в июле 1941 года, в городе Дмитрове Московской области из ополченцев-москвичей и призывников других городов была сформирована 305-я стрелковая дивизия. Немало славных, но до сих пор, к сожалению, малоизвестных страниц, вписала она в историю Великой Отечественной войны.

В состав дивизии входили 1000-й, 1002-й, 1004-й стрелковые полки, 830-й артиллерийский полк, 726-й отдельный батальон связи, 573-й отдельный сапёрный батальон, 293-й медико-санитарный батальон, 448-я отдельная автотранспортная рота. Для усиления партийно-комсомольского ядра дивизия пополнилась политбойцами, которые укрепляли, сплачивали личный состав, разъясняли воинам политику партии, создавшуюся обстановку, характер войны, словом и собственным примером вдохновляли на подвиги.

В кровопролитных попытках отвоевать Новгород, захваченный фашистами в августе 1941 года, наши войска цели не добились, но им удалось устранить продвижение противника и прочно закрепиться на восточных берегах рек Волхова и Малого Вólховца. Образованная в это время Новгородская армейская группа, куда вошла, в частности, и 305-я дивизия, перешла к активной обороне на фронте от озера Ильмень до деревни Дубровка.

Постепенно наши воины овладевали искусством боевых действий против фашистов. Чтобы измотать и истребить врага, наша оборона всё больше и больше активизировалась. Захватчикам стало неудобно от нашего артиллерийского и ружейно-пулемётного огня. Появились первые «охотники»-снайперы. Они выслеживали вражеских солдат и офицеров и не позволяли им спокойно чувствовать себя на советской земле.

Попытки противника предпринять дальнейшее наступление на этом участке фронта разбивались о стойкую оборону 305-й дивизии, применявшей частые ночные контратаки. Иногда из этих вылазок приводили «языка». В разведывательных боях коммунисты и комсомольцы всегда шли в первых рядах и своим примером вели вперёд остальных воинов.

...В сентябре командир батальона 1002-го стрелкового полка по заданию штаба дивизии приказал командиру 1-й роты лейтенанту Олегу Гончаренко захватить «языка». Командиром группы был назначен коммунист, командир взвода лейтенант Н.А. Терещенко, заместителем – А.З. Мильман. Рота построилась, и командир спросил, кто готов добровольно участвовать в операции. Первыми вызвались коммунисты и комсомольцы. К вечеру другого дня группа захватила гитлеровского младшего офицера и доставила его в штаб.

Позднее, 14 сентября, усиленный батальон противника пытался проникнуть в деревню Плашкино и разгромить штаб дивизии. Но в полосе обороны 1-го батальона 1002 полка натолкнулся на сильное сопротивление 1-й роты. Командир взвода Н.А. Терещенко из пулемёта, расчёт которого погиб, мужественно отражал атаки фашистов. Он погиб в этом бою, многие солдаты получили тяжёлые ранения, но рота продержалась до подхода подкрепления. Враг был отброшен, понеся большие потери.

Большую помощь в овладении наукой побеждать оказывали ополченцам бывалые воины и наши соседи – кадровые танкисты, действовавшие на этом участке как пехотинцы.

Во время обороны в подразделениях проводилась большая партийно-политическая работа. Мы уделяли особое внимание активу и всегда во всех делах опирались на него. Активисты знакомили солдат с международной обстановкой, с предстоящими задачами, наладили в подразделениях выпуск «боевых листков». Подробные рассказы об отличившихся в боях воинах, идейная закалка молодых коммунистов, приём достойных в партию и комсомол были постоянными вопросами в нашей работе. Дивизионная газета «Победа за нами» старалась сделать воинский опыт лучших фронтовиков достоянием всех.

В середине октября 38-й армейский механизированный корпус противника, действующий на маловишерском направлении, прорвал севернее деревни Дубровки оборону соседней с нами 267-й стрелковой дивизии. Прибывшая под Новгород 250-я испанская «Голубая дивизия» фашистов сразу же вступила в бой и в окрестностях Дубровки повела наступление на оборону 1000-го стрелкового полка – правый фланг нашей дивизии. С 27 октября четыре дня непрерывно шли атаки от Дубровки на военный городок Муравьи. Гитлеровцы применяли уничтожающий артиллерийско-пулемётный огонь, авиацию, психические атаки, дважды прорывались в городок, но сломить сопротивление его защитников не смогли и сами были разбиты.

Мне, участнику этих сражений, в то время политруку пулемётной роты, особенно запомнилась стойкость защитников Муравьёв. Умело руководил

боями командир 2-го батальона капитан Белоусов. Обеспечивали чёткие действия своих подразделений командир 5-й стрелковой роты лейтенант Кузьмин и политрук Июгансен, командир пулемётной роты лейтенант Синьков, командиры пулемётных взводов младший лейтенант А. Иванов и старший сержант Данилов. Мужественно сражались пулемётчики Михайлов, Резник, Иван Ярош, разведчик полка М. Беляев. Командир управления 5-й батареи 830-го артиллерийского полка лейтенант А. Добров мастерски корректировал артиллерийский огонь.

Командование Новгородской армейской группы объявило благодарность защитникам военного городка Муравьи за проявленные стойкость и мужество в его обороне.

В дальнейшем враг сосредоточил основное направление удара через деревню Посад, угрожая выходом на переправы через реку Мсту. Но безуспешно.

В декабре наступление 305-й дивизии в направлении Посад – Отгенский монастырь – Шевелёво и на Никиткино – Дубровка по восточному берегу Волхова закончилось полным разгромом противника. Уже 7 декабря Посад был в наших руках. Дивизия навсегда освободила от фашистских захватчиков десять населённых пунктов – 180 квадратных километров территории. Наши части взяли большие трофеи. (Центральный архив МО СССР, фонд 1612, 1941 г., дело № 6 «Разная переписка» № 160, стр. 186).

И для всех этих наступательных сражений характерен массовый героизм воинов нашей дивизии, изобретательность, стойкость. Подразделения 1004-го стрелкового полка и 573-го отдельного сапёрного батальона использовали при атаке огневых точек противника деревянные щиты, установленные на двадцати самодельных санях. В бою за Шевелёво 16 декабря комсорг роты автоматчиков 1004-го полка Николай Бойко возглавил роту, был ранен, но остался в строю. Вражеский огонь преградил путь наступающим. Комсорг незаметно подобрался к школьному зданию, откуда стреляли гитлеровцы, и метнул в окно гранату. Взрыв уничтожил фашистов. Наши автоматчики бросились вперёд. Но для Николая Бойко бой был последним... Посмертно он награждён орденом Ленина. В этом сражении ранили политрука пулемётной роты 1-го батальона П.В. Ершова.

Фашисты упорно сопротивлялись. По предложению командира 3-го батальона 1002-го стрелкового полка старшего лейтенанта М.Т. Нарейкина бойцы внезапным ударом, без артподготовки, разгромили противника.

Активными оборонительными и наступательными боями на восточном берегу Волхова наши воины изматывали гитлеровцев и их по-

собников из «Голубой дивизии», держали в постоянном напряжении, не позволяли им перебросить силы на другие направления. В очерке «Размышления над картой» военный журналист, в последнее время редактор «Недели» А.Л. Плющ писал: «Не получилось голубой жизни у «Голубой дивизии». Из далёкой Испании пригнал её подручный Гитлера, генерал Франко. Пригнал на позор и бесславную гибель. Спасая жалкие остатки, пришлось срочно отводить её во второй эшелон...» (А. Плющ. «Это – пехота». Сборник очерков. М., Известия, 1982 г.).

В середине декабря был создан Волховский фронт под командованием генерала армии К.А. Мерецкова. В состав его 52-й армии вошла и наша дивизия. В январе 1942 года фронт перешёл в наступление. Началась Любанская операция. В боевом приказе ставилась задача освободить от вражеского окружения город Ленина и от оккупации древний город Новгород.

Форсировав Волхов в районе Швелёво, 305-я дивизия погнала на запад части вермахта и остатки 250-й «Голубой дивизии». 13 января 1-й батальон 1000 стрелкового полка, где я стал комиссаром, от Дубровки перешёл с боями Волхов, образовав на западном берегу плацдарм, занял деревню Зáполье и продолжал наступление. Нас активно поддерживала батарея полка 76-миллиметровых пушек. Погиб командир батареи. Командир взвода офицер В.П. Михеев, следуя в рядах наступающей пехоты, метко разил врага.

Несмотря на сильный мороз, отсутствие дорог, глубокий снег и яростное сопротивление врага, наступление, в основном, шло успешно. В ожесточённых боях проявился весь боевой опыт, накопленный нашими солдатами и командирами. Воины показывали образцы храбрости, нередко переходили в рукопашные схватки с врагом. В ходе наступления мне также удалось в поединке из пистолета убить немецкого офицера. Его планшет с картой я затем передал комиссару полка Федяшину.

Противник предпринимал контрудары, чтобы приостановить наше наступление, особенно от насыпи железнодорожной линии и узлов сопротивления в населённых пунктах в глубине обороны.

В конце января один из пулёмётных расчётов в нашем батальоне был полностью выведен из строя. Когда гитлеровцы пошли в контратаку, заместитель политрука пулёмётной роты И.Я. Гуревич лёг за пулёмёт, помогал ему один из стрелков. Противника с большими для него потерями отбросили. Но Гуревич был тяжело ранен.

В окрестностях деревни Малое Зáмошье надо было взять «языка». Разведчики нашего полка незаметно подползли к вражескому блиндажу, дождались, когда часовой вошёл в него погреться, и тогда рядовой

М.М. Беляев бросил в блиндаж гранату. Четверых фашистов уложило наповал, раненого «языка» привели в штаб полка. У нас только разведчик Жарков был ранен в руку, остальные вернулись благополучно.

18 марта на склад боепитания полка, расположенный около населённого пункта Теремёц Курляндский, напала группа фашистов. В ожесточённой схватке рота автоматчиков под командованием лейтенанта В.Е. Богданова разгромила противника. На поле боя осталось больше 50 убитых врагов, двенадцать гитлеровцев взяли в плен. В этом бою наша рота понесла тяжёлые потери: погибло много солдат, начальник склада боепитания старший лейтенант Сизов, командир роты Богданов был тяжело ранен и остался инвалидом.

Военные действия в Любанской операции проходили в весьма сложных условиях, но наши войска подходили всё ближе к наступавшим с Ленинградского фронта. Уже слышна была орудийная стрельба оттуда. До встречи с войсками 54-й армии Ленинградского фронта оставалось 10-15 километров. Противник, почувствовав угрозу окружения, перебросил на этот участок свежие силы и стал теснить наши войска. 2-я Ударная армия, а с ней ряд соединений 52-й армии, в том числе 305-я стрелковая дивизия, оказались в «мешке». Остался лишь узкий проход в районе Мясного Бора, его прозвали «дорогой смерти». Пройти дорогу, чтобы выбраться из узкой горловины «мешка», было чрезвычайно трудно: здесь противник сконцентрировал всю огневую мощь, местность была болотистая, а уже наступила весенняя распутица. Внутри «мешка» войска остались без продовольствия и с ограниченным количеством боеприпасов. И то, и другое можно было доставить только ночью, самолётами. В этих условиях наши воины также проявляли смелость и находчивость. Начальник артснабжения 1000-го стрелкового полка приказал своему заместителю, младшему воентехнику М.Г. Чуканову доставить снаряды. В распоряжение Максима Гавриловича дали 6 бойцов и 12 лошадей. Они отправились за линию фронта. Ехали по болотистым местам и просёлочным дорогам. Шёл дождь, лошади вязли в грязи. Но на утро, без потерь, смельчаки доставили на передовую 96 снарядов. Потом, нашими зенитками был сбит немецкий двухмоторный самолёт. Чуканов увидел спускающегося на парашюте лётчика, взял его в плен и доставил в штаб полка.

Войска выходили из этого адского «мешка» с немалыми потерями. Наша дивизия, выручая 2-ю Ударную армию, сама попала в очень трудное положение. Она, отрезанная от своего тыла, в кольце вражеских войск, сражалась в окрестностях деревень Малое Замошьё и Зёмтицы. В бой всегда первыми шли коммунисты и комсомольцы и почти все полегли, но не отошли с занимаемых рубежей.

На новгородской земле, на пути врага, война таинственной стеной скрыла судьбы некоторых наших однополчан. И сейчас считаются без вести пропавшими Я.П. Захаров – комиссар 1004 стрелкового полка, С.А. Муравьёв – сержант управления дивизии, Н.И. Кудряшов – пулемётчик 1002-го стрелкового полка и многие другие воины. Их след не идёт дальше последнего места сражения. Люди возвышенных чувств и благородных помыслов, они мужественно дрались, не щадя своей жизни. Нет, они не пропали без вести! Они сражались за Родину на новгородской земле и покоятся в ней ...

Не погасла в наших сердцах память о павших смертью храбрых боевых товарищах, об их мужестве и отваге. Сила фронтовой дружбы, как и верность воинскому долгу нерушимы.

*Август 1986 года,
г. Калинин.*

«НАС ОСТАВАЛОСЬ ТОЛЬКО ТРОЕ...»

9 августа 1943 года впервые в истории Великой Отечественной войны прозвучал салют в честь советских войск, освободивших Орёл и Белгород. Среди воинских соединений, отмеченных в приказе Верховного главнокомандующего, была и 305-я стрелковая дивизия, именованная с тех пор Белгородской. До этого дивизия освобождала Воронеж, а после её боевой путь пролегал через Харьков, Киев, Львов, польский городок Горлице, чешскую Дуклу и закончился в Праге. Краснознамённая дивизия была удостоена орденов Суворова и Кутузова.

Однако мало кому известно, что в войне участвовала ещё одна 305-я стрелковая дивизия – дивизия первого формирования. Она не имела почётного наименования, не награждалась орденами, в её честь не гремели салюты. Воевавшая под Новгородом, она ни в одном приказе не проходит как «Новгородская». А всё потому, что почётные наименования и ордена были учреждены, в основном, уже после того, как эта дивизия почти вся погибла в жестоких схватках 1941-42 годов.

Когда композитор Вениамин Баснер и поэт Михаил Матусовский, воевавший на новгородской земле, написали свою знаменитую песню «На безымянной высоте», вряд ли они статистически точно отразили в ней соотношение павших и уцелевших. «Нас оставалось только трое из восемнадцати ребят» – это обобщённый поэтический образ. Реальное положение, особенно в начале войны, было куда более жестоким.

2 июля 1941 года, когда враг стремительно приближался к Москве, правительством была удовлетворена просьба москвичей о формировании дивизий народного ополчения. В течение трёх дней после этого в военкоматы было подано около 310 тысяч заявлений. Одна из вновь созданных в Коминтерновском районе столицы дивизий народного ополчения, 22-я, была 10 июля влита в 305-ю стрелковую дивизию, формировавшуюся, согласно директиве Генерального штаба от 8 июля 1941 года, в городах Дмитрове и Яхроме Московской области и Гороховце (ныне Владимирской области). Кроме москвичей в состав 305-й входили жители Калининской, Воронежской и Горьковской областей.

Командиром дивизии был назначен преподаватель кафедры службы штабов Академии им. М.В. Фрунзе полковник Дмитрий Иванович Барбанщиков, а начальником штаба – преподаватель тактики высших курсов «Выстрел» подполковник Василий Яковлевич Николаевский.

Тяжёлое положение на фронте диктовало жёсткие сроки формирования – один месяц. Уже 8 августа был получен приказ о перевозке частей дивизии по железной дороге от станции Дмитров в район сосредоточения – на станцию Кувшиново Осташковского района Калининской области.

10 августа передислокация дивизии закончилась. Однако обстановка на фронте менялась буквально каждый час. Вечером 14 августа, согласно директиве Генштаба, дивизия восемнадцатью эшелонами направлялась под Новгород, а точнее, на станцию Крёстцы, в распоряжение 11 армии Северо-Западного фронта. Причиной этого было то, что 10 августа противник перешёл в наступление на Новгород северо-западнее озера Ильмень, стремясь овладеть прямым путём к Ленинграду.

Здесь его ждало упорное сопротивление, которое и спешила поддержать 305-я, но ещё до её подхода ожесточённые бои с врагом несколько дней вели спешившиеся танкисты полковников И.Д. Черняховского и К.Ю. Андреева. Преимущество немцев в живой силе и технике (особенно в артиллерии и авиации) вынуждало наших солдат медленно отходить. Вечером 15 и утром 16 августа тяжёлые бои шли уже на улицах западной части горящего города.

В это время 305-я стрелковая дивизия выгружалась из вагонов в Крёстцах. Прибывший туда 16 августа начальник штаба Северо-Западного фронта генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин приказал, не дожидаясь прибытия всех эшелонов, направлять части дивизии к Новгороду. И её 1004-й стрелковый полк на 97 машинах выехал в указанном направлении. Как вспоминает участник событий, бывший командир пулемётного взвода Павел Васильевич Ершов, их везли километров 40-50. А дальше они двинулись походным строем. По пути подверглись налёту вражеской авиации, но, умело рассредоточившись в лесу, не понесли никаких потерь от бомбовых ударов и пулемётных очередей немцев.

«Поздно вечером 17 августа, – пишет П.В. Ершов, – наши батальоны подошли к кладбищу Новониколаевской колонии... напротив Хутынского монастыря и деревни Зарелье... Немцы, видимо, заметили наше расположение и открыли по нашему берегу ураганный миномётный огонь... На рассвете началась переправа наших через Вólховец... Бой шёл целый день. Наши бойцы ворвались на окраину Зарелья, но к исходу дня они были вынуждены отойти ввиду явного превосходства противника, особенно в миномётном огне и автоматной стрельбе. У нас же никакой артиллерии не было, и бойцы шли в атаки с винтовками и пулемётами».

Итак, первый бой дивизии был безуспешным. Солдаты и командиры на ходу постигали прописные истины войны, писавшиеся кровью их боевых товарищей.

Для восстановления положения Военный совет Северо-Западного фронта создал Новгородскую армейскую группу во главе с И.Т. Коровниковым. Ядро её составила 305-я стрелковая дивизия. В течение восьми суток и днём, и ночью вела Новгородская армейская группа ожесточённые бои, пытаясь отвоевать Новгород. Однако к исходу 27 августа её наступательные возможности были исчерпаны.

Пришлось организовывать оборону. В первой её линии были 305-я стрелковая и 3-я танковая (без танков) дивизии. 305-я занимала оборону по восточному берегу рек Малый Вólховец и Волхов на участке Муравьи – Ђжигово. Вновь слово П.В. Ершову:

«В конце сентября, пополнив личный состав свежими силами, мы получили приказ оставить позиции в районе Шёндорф – Родионово – Вёлотово и переместиться в район МЫтно, где в стыке нашей дивизии и соседей справа противнику удалось перейти реку Волхов и занять... Шевелёво, Ђттенский монастырь, Посад, посёлки Первомайский и другие. 11 ноября наш 1004-й стрелковый полк пошёл в наступление на посёлки Первомайский и Посад. Посёлки были взяты нами в первый же день боя. В Посаде же фашисты оказали упорное сопротивление... 7 декабря был, наконец, взят Посад. В тот же день наш батальон с ходу вышел к Ђттенскому монастырю. Противник бежал в Шевелёво в одном нижнем белье. Вот такой был решительный бросок нашего полка.

На рассвете 9 декабря мы начали бой за Шевелёво, и 24 декабря наши подразделения освободили его и Вёлэги, а левее нас 1002-й стрелковый полк освободил Дубровку, Змейско, Руссу, очистив, таким образом, правобережье от фашистских войск».

Так виделись события их участнику, А вот что писала о 305-й дивизии газета «Известия» ещё 23 октября 1941 года: «Два месяца тому назад после шестидневных ожесточённых боёв за Новгород наши войска под давлением численно превосходящих сил противника вынуждены были оставить город. Н-ская часть заняла оборону по берегам рек Волхов, Малый Вólховец и озера Ђльмень.

За это время немцы не раз пытались прорвать нашу оборону... Но все эти попытки были ликвидированы... В один из дней враг переправил на наш берег две стрелковые роты с противотанковыми пушками, малокалиберной артиллерией, пулемётами и миномётами. Однако обе роты были уничтожены, причём наши части захватили 4 противотанковых орудия с 250 снарядами, 6 станковых пулемётов, много винтовок и 20 тысяч патронов.

Спустя немного времени немцы перебросили на нашу территорию 50 автоматчиков. 30 фашистских лазутчиков были сразу уничтожены. В

тот же день для подкрепления первой группы враг перебросил через реку батальон пехоты с пулемётами и миномётами. Эта попытка обошлась фашистам дорого. В этот же день немцы были отброшены за реку Волхов. Их потери превысили 300 человек убитыми и ранеными».

Оценивая Волховский рубеж как чрезвычайно важный для решения задачи блокирования Ленинграда, ставка Гитлера в приказе от 16 декабря 1941 года требовала от командования немецких армий группы «Север» закрепиться на западном берегу Волхова и «оборонять указанный рубеж до последнего солдата». Категоричность этого распоряжения в немалой степени была вызвана известиями о том, что в боях первой декады декабря была разгромлена и практически перестала существовать 250-я испанская («голубая») дивизия, насчитывавшая 22 000 человек, да и немецкие части вынуждены были с потерями оставлять ранее завоёванные населённые пункты. А «виновата» в том оказалась 305-я стрелковая дивизия, взаимодействовавшая с 25-й кавалерийской дивизией и истребительными отрядами Северо-Западного фронта.

Измотанные длительными оборонительными и трёхмесячными наступательными боями, войска теперь уже (с 17 декабря) Волховского фронта нуждались в отдыхе и перегруппировке. Ставка же Верховного Главнокомандования требовала наступления. В 20-х числах декабря в полосу наступления наших войск стали прибывать 56-я и 26-я (резервная) армии, которым отводилась главная роль в предстоящих боевых действиях. В конце декабря 26-я армия была переименована во 2-ю Ударную.

Новое наступление наших войск началось 7 января 1942 года. 14 января бойцы 305-й стрелковой дивизии во взаимодействии с 267-й стрелковой и 25-й кавалерийской дивизиями овладели на левом берегу Волхова деревнями Теремёц и Горка. Частями 52-й армии, куда входила и 305-я дивизия, была взята деревня Мясной Бор. Тем самым создавались благоприятные условия для удара наших войск на Новгород. Однако эта операция развития не получила.

52-й армии была поручена оборона коммуникаций 2-й Ударной армии на её левом фланге. С того времени 305-я на протяжении пяти месяцев в тяжёлых условиях болотисто-лесистой местности вела наступательные бои по овладению Малым, а затем Большим Замощем. С этого же времени в трудах военных историков начинается игнорирование и замалчивание боевого вклада дивизии, поскольку отныне наименование её связывается со 2-й Ударной – армией генерала Власова. Хотя 305-я, входя по-прежнему в состав 52-й армии, была лишь соседкой 2-й ударной и добросовестно обороняла её левый фланг. Это позволило 2-й Ударной армии

развить очень успешные боевые действия и углубиться в расположение противника на 70-75 километров.

Однако из-за больших потерь личного состава, растянутости фронта боевых действий и начавшейся весенней распутицы продолжить начатое не удалось. Немцы же, быстро подтянув свежие силы к району Мясного Бора, 19 марта 1942 года закрыли единственный выход из расположения 2-й Ударной армии. Так она оказалась в окружении вместе с несколькими частями 59-й и 52-й армий. В их числе была и 305-я стрелковая дивизия. Встречным ударом эти части отбросили врага и очистили коммуникации 2-й Ударной, давая ей возможность выхода из окружения по образовавшемуся «коридору». Но ненадолго...

Упорные бои за удержание «коридора» были теперь основным содержанием боевых действий наших войск. Для улучшения их взаимодействия 305-я стрелковая дивизия была 28 мая 1942 года переподчинена 2-й Ударной армии. Как оказалось, это произошло меньше чем за месяц до завершения трагедии. Бои шли с переменным успехом. Последний раз «коридор» был пробит 25 июня. В тот же день гитлеровцы вновь его закрыли.

Трагическая судьба постигла не только 2-ю Ударную. 305-я, 19-я гвардейская стрелковые дивизии и 23-я бригада 52-й армии, разделив до конца боевую судьбу 2-й Ударной, унаследовали ещё и тень «предателя Власова». Героически, из последних сил они сражались с врагом, не отступив ни на шаг, не оставив своих боевых позиций. Из 10 000 воинов одной только 305-й, насчитывавшихся в начале её боевого пути в середине августа 1941 года, вышло из окружения 25 июня 1942 года 82 (!) человека. С учётом вышедших в июле, августе и сентябре того же года в живых осталось 90 с небольшим. А всего, по официальным данным, она, пополнявшаяся по ходу боёв маршевыми ротами, потеряла 17000 человек. После этого трагического исхода дивизию отправили в тыл на переформирование. С этого времени начинается уже история 305-й стрелковой дивизии **второго** формирования, той самой Белгородской.

...Теперь скажите мне, можно ли быть более «новгородской», чем 305-я стрелковая дивизия **первого** формирования, которая почти целиком лежит в новгородских лесах и болотах? И можно ли до сих пор делать вид, что дожившие до сегодняшнего дня воины этой дивизии, а их всего-то около пятидесяти, – не «наши»? Не противоречит ли здравому смыслу и элементарным нравственным нормам практика, когда воинов этой дивизии **никогда не приглашали ни на один праздник** освобождения Новгорода, ни на один праздник Победы в нашем городе? Последний случай

был связан с празднованием 50-летия его освобождения. Когда я в конце октября 1993 года зашёл в городской совет ветеранов поинтересоваться, посланы ли приглашения представителям 305-й стрелковой дивизии, мне там удивлённо сказали, что такой дивизии у них не значится.

Вот и живут ветераны 305-й в разных городах наблюдателями за праздниками для избранных: в Белгород их не зовут, потому что его освобождала 305-я стрелковая дивизия второго формирования, та самая, о которой шла речь вначале. А в Новгороде о них не хотят вспоминать и тоже не ждут.

Нет, они не обездолены: имеют пенсии, льготы, более или менее налаженный быт. Однажды даже выступали перед учащимися 16-й новгородской школы, помогали им в сборе материалов о боевом пути дивизии для школьного музея. И жаловаться они не привыкли. Военная сметливость да горячее желание почтить память своих однополчан позволяли им, преодолевая всякие бюрократические препятствия, собираться в Новгороде. Однако каждый раз приходилось униженно «испрашивать» разрешение (и не всегда его получать) на проведение таких встреч на земле, обильно политой кровью их товарищей да и их самих. И каждый раз встречи ветеранов 305-й стрелковой дивизии и их родственников никак не вписывались в планы городских и областных мероприятий.

Я, как новгородец и участник всех этих встреч, чувствовал себя при этом очень неловко перед людьми, мужеству и героизму которых обязаны не только все жители города, но и воинские соединения, освободившие Новгород в славном 1944 году. Ведь без стойкости и самоотверженности солдат 305-й стрелковой дивизии да, наверное, и других безвестных воинских соединений 1941-42 годов освобождать Новгород, возможно, было бы некому.

И вот вновь приближается праздник Победы. Возможно, на нём среди гостей Новгорода будет и делегация из поверженной полвека назад Германии. Но придёт ли, наконец, нам в голову естественная мысль пригласить на него представителей дивизии, которая не освобождала город, но кровью своей с лихвой оплатила наше нынешнее торжество?

P.S. Приношу глубокую благодарность председателю совета ветеранов 52-й армии, генерал-майору в отставке Новикову Б.В. за предоставленные им материалы.

*Январь 1995 года,
г. Новгород.*

Владимир Михайлович Потулов,
бывший помощник командира взвода
1000-го стрелкового полка,
раненный 13 сентября 1941 года
в бою за деревню Пахотная Горка

МОИМ ОДНОПОЛЧАНАМ, ВОИНАМ 305-й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

(в редакции В. Демидова)

Вовеки не будет забвенья
Ушедших в историю дней,
Когда мы на поле сраженья
Теряли погибших друзей.

Войны вы совсем не хотели,
Она к вам неожиданно пришла,
Она вас одела в шинели,
Оружье вам в руки дала.

Из Дмитрова в край новгородский
Пролёг ваш тернистый маршрут,
И вот начался ваш неброский,
Но полный опасности труд.

Там Волхов течёт величаво
И Новгород виден вдали.
Там – тысячелетняя слава
Исконно российской земли.

В краю том болотно-лесистом
Вы намертво встали стеной
И путь преградили фашистам,
Страну заслонили собой.

Вы долг свой исполнили честно,
Отечества помня наказ,
Поэтому дома невесты,
Дождались не многих из вас.

Вы Родине верно служили,
Сражаясь с врагом до конца,
И в братской лежите могиле,
Вдали от родного крыльца.

Вы кровью своей оросили
Овраги, леса и луга,
Но этот кусочек России
Могилою стал для врага.

Там, в Замошской топи суровой,
Не дрогнув пред вражьей ордой,
Бойцы Триста пятой стрелковой
Вели героический бой.

Клубится туман по низинам,
Окутав задумчивый бор.
Стоят на пригорке осины,
О прошлом ведут разговор.

*Декабрь 1981 года,
г. Москва.*

ПЕСНИ О 305-й

Первая встреча однополчан 305-й стрелковой дивизии в Новгороде состоялась в 1980 году. На организационном собрании я познакомился с ними и рассказал историю своих поисков сведений об отце. Узнав, что я по специальности композитор, ветераны после собрания обратились ко мне с просьбой, озвученной, как вспоминаю, Александром Захаровичем Мильманом, написать для дивизии песню. Некоторые ветераны сразу же сказали, что такая песня в 1942 году была и они даже её пели на мотив какой-то популярной мелодии, которую не помнят. Кто-то пообещал поискать текст той песни в своём архиве. Короче говоря, вопрос остался открытым.

В следующем году встреча однополчан была посвящена 40-летию Любанской операции и проходила в Дмитрове Московской области в начале июля. На этой встрече мне никто ничего не напоминал, и я думал, что дело заглохло. Однако 24 февраля 1982 года от секретаря Совета ветеранов дивизии Константина Павловича Лопухина мне пришло из Ленинграда письмо следующего содержания: «Уважаемый Владимир⁶⁵ Васильевич! Посылаю Вам текст песни 305 стрелковой дивизии, а также стихи Потулова Владимира Михайловича из 1000 стрелкового полка. С уважением, К. Лопухин».

В письме была фотокопия длинного (восемь восьмистиший!) текста песни «Мы пройдем, товарищи!»⁶⁶ Б. Орлова из дивизионной газеты военного времени «Победа за нами» и два стихотворения, датированных 1981 годом. Судя по заглавию, слова песни, написанные вполне профессионально, появились, по-видимому, тогда, когда окружение наших войск стало драматической (пока ещё не трагической!) реальностью, то есть в середине весны 1942 года. В сложившейся трудной обстановке требовалось поднять боевое настроение сражавшихся. С такой задачей текст вполне справлялся и, к тому же, на мой взгляд, точно передавал дух времени.

Для создания песни следовало, прежде всего, переделать восьмистишия в шестистишия. Затем надо было добавить по одному слогу в каждую последнюю строчку третьего, четвертого, пятого и шестого куплетов. Для этого необходимо было изменить некоторые слова. А в седьмом куплете неподходящее слово «следом» пришлось заменить на «шлейфом». Осталась без изменений первая строка пятого куплета, хотя она нуждалась в этом: новгородцы произносят слово «Ху́тынь» с ударением на первом слоге. Вот что получилось в результате:

⁶⁵ Первое время меня называли именно так.

⁶⁶ См. стр. 159

1. Сквозь леса осенние
Шли подразделения.
Эхо повторяло песню вдалеке.
Сквозь болота топкие
Шли ребята ловкие
К Новгороду древнему, к Волхову-реке. *(2 раза)*
2. На страну могучую
Враг нахлынул тучею,
И тогда дала нам Родина наказ –
На войне быть смелыми,
Сильными, умелыми,
Умереть, но выполнить боевой приказ. *(2 раза)*
3. В небе вились коршуны,
Хлеб в полях не скошенный,
Седовласый, гордый Новгород пылал.
Стаей соколиною,
Грозною лавиною
На борьбу и подвиги Сталин нас послал. *(2 раза)*
4. Натиском стремительным
И огнём губительным
Мы в те дни фашистам преградили путь.
Сердце наше гордое,
Воля наша твёрдая.
Нет на свете силушки, чтобы нас согнуть. *(2 раза)*
5. Под Ху́тыню каменной
Зверем был враг раненый,
Долго не забудет схватку за Посад.
Пули наши меткие
И удары крепкие:
Вражьи кости в полюшке на ветру лежат. *(2 раза)*

6. В Горке и Лелявино
Бились мы отчаянно.
Дали немцам жару и под Теремцом.
На полях заброшенных,
Снегом запорошенных
Мы фашистов встретили сталью и свинцом. *(2 раза)*
7. По земле метелица
Белым шлейфом стелется,
Сыплет на фашистов пулемётный град.
Бьём врагов без промаха,
Гоним их без отдыха,
Крепко мстим за Новгород и за Ленинград. *(2 раза)*
8. Через дым пожарища
Мы пройдем, товарищи!
Пронесём, как знамя, Родины наказ.
Пусть страна-красавица
В нас не сомневается:
Будет с честью выполнен Сталина приказ. *(2 раза)*

Из-за моей занятости по службе работа над музыкой шла с перерывами, а началась с вживания в текст. Я много раз пытался представить себе описанные в нём события и тех, кто мог бы петь эту песню в начале Великой Отечественной войны – в большинстве своём простых деревенских и городских парней. Мелодия получалась маршеобразной, простой и близкой к русским удалым песням (со свистом, гиканьем и т.д.). Исполнение песни предполагалось двумя солистами и мужским хором.

Во время очередной встречи однополчан в августе 1982 года они интересовались ходом работы. Я сказал, что сочинил две песни (вторую – на слова В.М. Потулова), но обе «сыроваты» и нуждаются в доработке. В декабре я получил от заместителя председателя Совета ветеранов дивизии А.З. Мильмана письмо, в котором, в частности, он спрашивает: «Как у Вас продвигается завершение работы над песнями нашей 305 стрелковой дивизии?» Я ответил, что продолжаю трудиться над каждой из песен попеременно.

В поздравительной открытке к 1 и 9 мая 1983 года Александр Захарович сообщает: «Главный редактор главной редакции ленинградского телевидения сообщил мне, что в связи с 40-летием полного снятия блокады

с Ленинграда и освобождения Новгорода, в январе 1984 года предполагаются передачи по радио и телевидению и о наших 52-й армии и 305 стрелковой дивизии (1-го формирования). Как обстоит [дело. – В.Д.] с музыкой к песне «Мы пройдем, товарищи!»? Можно её предложить им?...».

На письмо я отозвался телефонным звонком и кратко обрисовал ситуацию с реализацией предлагаемого проекта: отсутствие в хоре Новгородского музыкального училища мужских голосов, предстоящие летние каникулы в новгородской художественной самодеятельности, которые продлятся практически до октября, затем разучивание и запись, выполнить которую качественно в Новгороде по акустическим причинам невозможно, а главное, работа должна быть оплачена. Кем? Всё будет гораздо проще и лучше, если Ленинградское телевидение возьмёт на себя все описанные хлопоты и расходы. Но в этом засомневался уже сам Мильман. Больше он не заводил разговора на эту тему. Однако судьба песен продолжала его интересовать. Так, в письме от 18 августа 1984 года читаю: «Завершили ли Вы работу над песней нашей дивизии?»

Обе песни дождались 40-летия Победы. Однако новгородские власти отказали ветеранам в проведении встречи, ссылаясь на перегруженность гостиниц в 1985 году. Исходя из этого, я готовился показать песни на очередной встрече однополчан в 1986 году. В том году они отмечали 45-летие формирования своей дивизии и первых боёв под Новгородом. Встреча проходила после долгого (с 1982 года) перерыва. Накопилось множество вопросов и проблем, требовавших срочного решения. Предстояли также посещения ветеранами мест былых сражений. Мне тоже необходимо было съездить с П.В. Ершовым на место гибели моего отца, к Ху́тынскому монастырю. Короче говоря, из-за большой насыщенности программы встречи показать песни не удалось. А одна из них, между тем, вышла вот такая:

МЫ ПРОЙДЁМ, ТОВАРИЩИ!

Песня бойцов командира тов. Барабанщикова
и комиссара тов. Айзенштата 305 стрелковой дивизии

Слова Б. Орлова

Музыка В. Демидова

Темп марша ♩ = 110

Голос

Один *f*

1. Сквозь ле-са о -

Ф-но

ff *f*

4

Двое

сен - ти - е или под - раз - де - ле - ни - я. Э - хо пов - то -

8

Хор *f*

ря — ло пе - стю вда - ле - ке. Сквозь бо - ло - та

12

топ - ки - е Шли ре-бя - та лов - ки - е КНов-го - ро - ду

16

древ - не - му, кВол - хо-ву - ре - ке. КНов-го - ро - ду

20

древ - не - му, кВол - хо - ву - ре - ке.

23

каз.

Вторая песня была сочинена на стихотворение В.М. Потулова. Ко мне оно попало без заголовка. Лишь недавно, работая над этой книгой, я установил, что стихотворение называлось «Память». Вот оно с сохранением авторской орфографии и пунктуации:

Прошло сорок лет с той недоброй поры,
А нам ли забыть эту дату,
Когда в наши хижины, в наши дворы
С разбоем пришли супостаты.

У Пахотной Горки, в Мясном ли Бору,
Иль в топких Замошских трясилах,
Стоят чуть качаясь, на зябком ветру,
Видавшие виды осины.

И низко склонивши там ветви свои,
Покой берегут они свято,
Они ведь видали, как шли здесь бои,
Как падали наземь солдаты.

И всяк из полчан, кто остался в живых,
По воле судьбы благосклонной,
Сюда забредёт и помянет всех их,
И словом, и низким поклоном.

Лирические стихи о погибших однополчанах подкупали искренностью, простотой и привязкой к конкретным географическим пунктам. Последнее сообщало стихам достоверность пережитого. Однако они были слабоваты в поэтическом плане и в таком виде для песни не подходили. Надо было переделывать. Поскольку стихотворческого опыта у меня было маловато, а служебных обязанностей – больше, чем хотелось бы, работа над текстом растянулась на месяцы. Необходимо было внести небольшие изменения в каждое из четырёх четверостиший, затем количество их увеличить до шести, одно из четверостиший сделать припевом. После каждого из трёх запевоов он должен повторяться, но на изменённые слова. Вот как выглядел текст после переработки:

1. Прошло много лет с той недоброй поры,
Но нам не забыть этой даты,
Когда в наши избы и наши дворы
С разбоем пришли супостаты. (2 раза)

Припев: У Пахотной Горки, в Мясном ли Бору,
Иль в замошских топких трясилах
Стоят, чуть качаясь на зябком ветру, } 2 раза
В багряных косынках осины.

2. И тонкие ветви склоняя свои,
Покой берегут они свято
Солдат, что познали лихие бои
И вечно остались в ребятах. (2 раза)

Припев: В Захарьино, Долгово и у Любцов
Во мшистых болотных низинах
Стоят над могилами павших бойцов, } 2 раза
Как вдовы-солдатки, осины.

3. У сёл новгородских с военной поры
Стоят обелиски героям.
И цвет их стальной – от осинной коры,
А звёзды – от пролитой крови. (2 раза)

Припев: И каждый из тех, кто остался живой
По воле судьбы благосклонной,
К осинам с поникшей придёт головой } 2 раза
И вспомнит друзей батальонных.

Эти слова и были положены на музыку. Закончилась работа в июле 1982 года. Однако и позже я неоднократно возвращался к этой песне в попытках что-то улучшить. В основном, это касалось текста. Окончательный вариант песни был завершён в год 40-летия Победы.

Воинам 305-й стрелковой дивизии 1-го формирования, в которой
воевал и погиб мой отец Демидов Василий Николаевич

СОЛДАТСКИЕ ОСИНЫ

Слова В.М. Потуллова и В. Демидова

Музыка В. Демидова

Спокойно ♩ = 52

Голос

Ф-но

pp

3

Солист *p*

1. Про

5

шло мно-го лет стой не - до-брой по-ры, Но

8

нам не за - быть э - той да - - ты,

10

Ког - да _____ вна-ши из-бы и на-ши дво-ры Сраз - бо - ем_ при-шли су-по-

13

ста - ты, — Сраз - бо - ем при-шли су - по -

15

Припев

тр

ста - ты. У Па-хот-ной Гор - ки, вМя-сном ли Бо-ру, Иль

17

вза-мош-ских топ-ких тря-си - нах. Сто - ят, _____ чуть ка-ча _____ ясь на

19

зяб - ком вет-ру, Вба-ря - ных ко-сын - ках о -

21

Хор
mf

си - ны. Сто - ят, _____ чуть ка-ча-ясь на

23

зяб _____ ком ве-тру, Вба-ря - ных ко-сын - ках о -

25 | 1.2 | 3

СИ - НЬИ. - ЛЬОН - НЫХ.

rit..

Последней встречей ветеранов 305-й стрелковой дивизии на новгородской земле оказалась встреча в 1989 году. Она, как и все предыдущие, была проведена вопреки плохо скрывавшемуся нежеланию городских и районных властей. А всё потому, что наименование дивизии связывалось с 2-й Ударной армией.

Организаторам встречи с трудом удалось устроить проживание ветеранов и место их общего собрания. О том, чтобы предоставить им зал с инструментом (фортепиано) для демонстрации двух песен, сочинённых в честь однополчан, ветераны уже не заикались (всё по минимуму!). На собрании они выражали желание встретиться в Новгороде в год 50-летия начала Великой Отечественной войны и формирования дивизии. Однако этому не суждено было осуществиться: наступило смутное время. Власть предрержащим стало не до ветеранов и их встреч. Не признанные Родиной герои, защитившие её в самое трагическое время войны, стали постепенно уходить из жизни.

Песен, посвящённых им, они так и не услышали.

*Февраль 2011 года,
Великий Новгород.*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к первому изданию	3
От редактора-составителя	4
За год до войны	7
На формировании дивизии	18
На фронте	24
От озера Ильмень до деревни Дубровка	28
В Муравьёвских казармах	34
Бои за освобождение правого берега Волхова в ноябре-декабре 1941 года	52
Бои за плацдарм на левом берегу Волхова в январе 1942 года	67
Январско-мартовские бои 1942 года	81
В окружении	99
Во вражеском тылу	114
С партизанами	122
У особистов	127

ПРИЛОЖЕНИЕ

О войне, о себе, о товарищах (письма ветеранов 305-й СД 1-го формирования)	138
Об отношении к пленным и семьям без вести пропавших	148
П. Ершов. От Сталинграда до Шевелёво	171

В. Демидов. Об отце	178
Сердце отца. Слова В. Сёмкина и В. Демидова, музыка В. Демидова ..	187
В. Павлов. На пути врага	192
В. Демидов. «Нас оставалось только трое...»	198
В. Потулов. Моим однополчанам, воинам 305-й СД	204
В. Демидов. Песни о 305-й.	206
Мы пройдем, товарищи! Слова Б. Орлова, музыка В. Демидова	210
Солдатские осины. Слова В. М. Потулова и В. Демидова, музыка В. Демидова	214

А.С. Добров

**305-Я СТРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ
1-ГО ФОРМИРОВАНИЯ
В БОЯХ ПОД НОВГОРОДОМ:
1941-1942**

Редактор-составитель Демидов Валерий Васильевич

В книге использованы фотографии из личных архивов
Демидова В. В., Добровой З. В. и Павловой В. А.

Заказ № 427. Тираж 300 экз.

ООО «Типография «Виконт»
Великий Новгород, ул. Береговая, д. 48, корп. 2
тел. (8162) 677894, тел./факс (8162) 667406
e-mail: vicont@novgorod.net